Дб
370
Е-30

Егоров И. В.

Моряки-декабристы.

Ленинград,
1925 г.

Инв. по книге
17.VI.85 г.
Егоров

Г II 1/7

В II 457

ДБ
З70
Е30

И. В. ЕГОРОВ

МОРЯКИ-ДЕКАБРИСТЫ

ЛЕНИНГРАД
1925

53573/8

СССР. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ В.-МОРСКИХ СИЛ РККФ.

ДБ
370
Е 30

И. В. Егоров.

323.2 (47) „1825
92 (47)

МОРЯКИ—ДЕКАБРИСТЫ.

«Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников» да прекраснодушных Маниловых. «И между ними,— писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя. Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

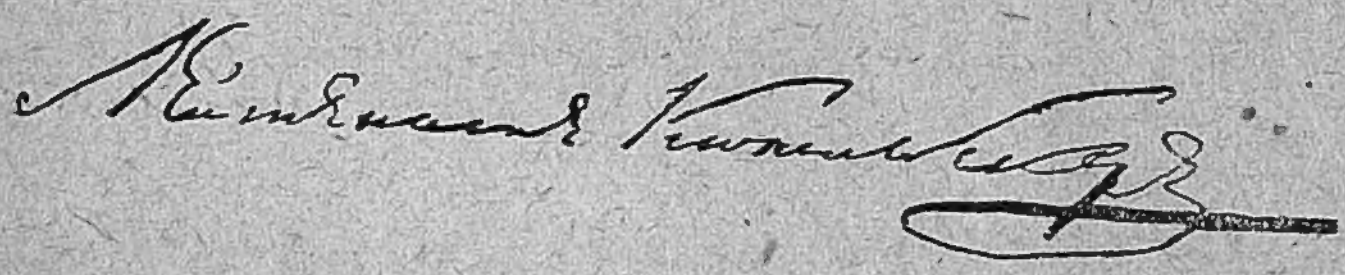
А. И. Герцен.

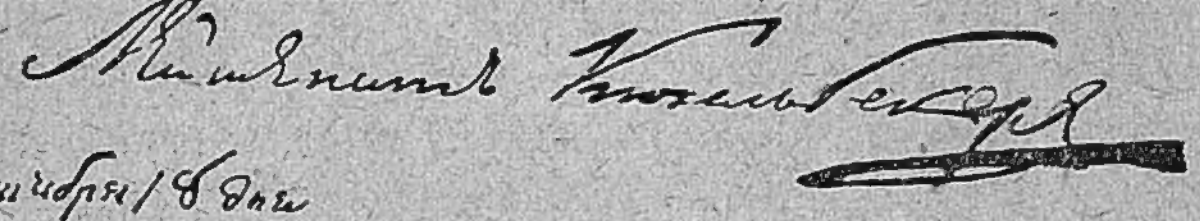
Из ст. В. И. Ленина о Герцене. Газета «Социал-Демократ» № 26. 8 мая ст. ст. 1912 года).

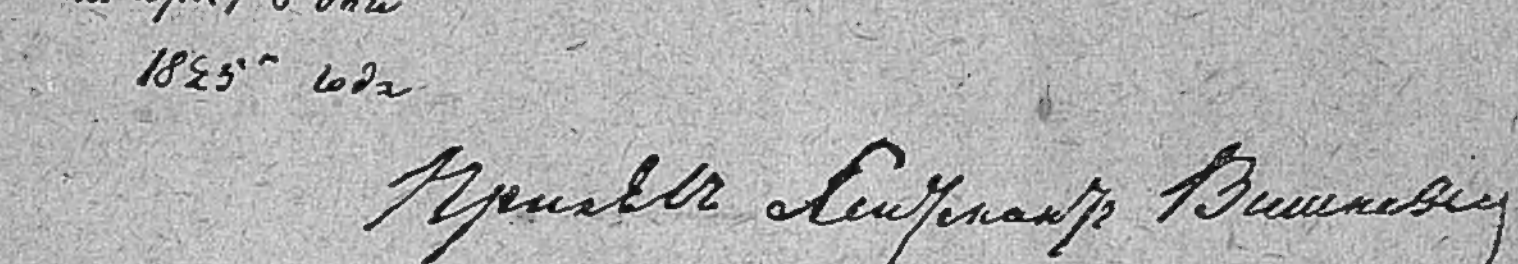
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
53573/8
53573
Инв. №

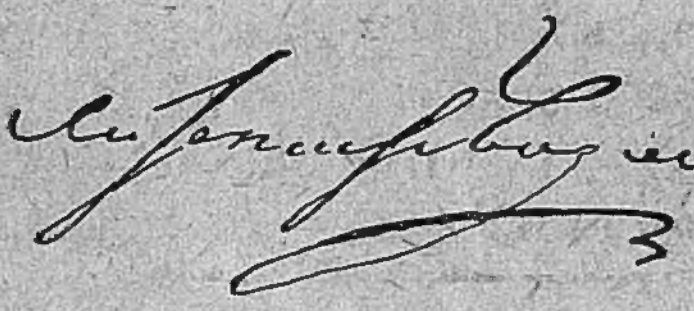
ЛЕНИНГРАД.
1925.

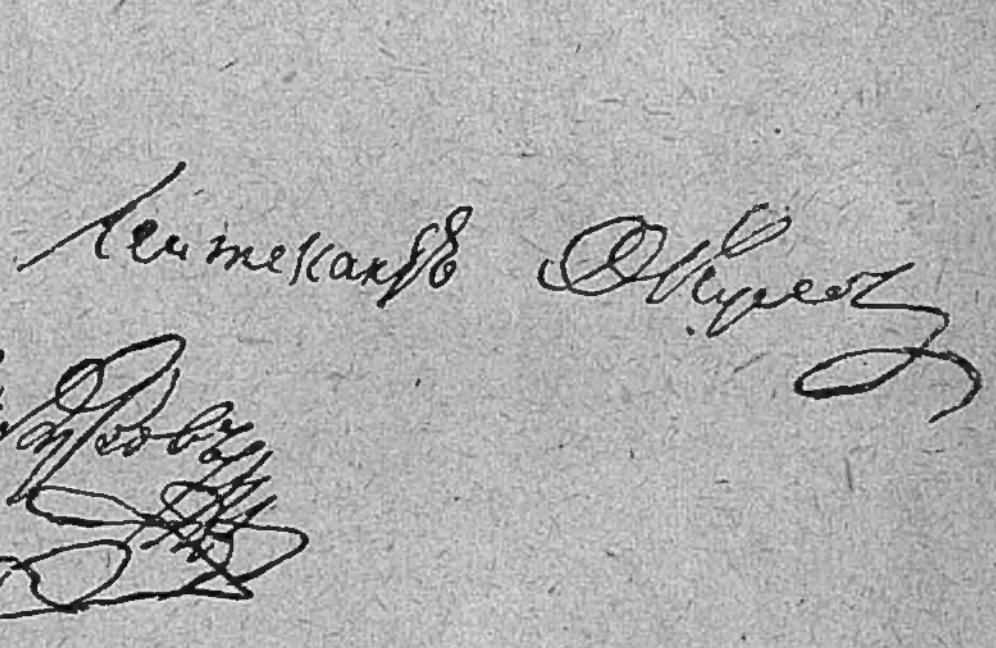
Отпечатано
в типогр. В.-Морских Сил РККФ,
зд. Главн. Адмиралтейства.
Тираж 4000 экз.—9 л.
Ленинградский Гублит № 916.
Заказ № 1284.











Подписи моряков-декабристов: лейт. Михаила Кюхельбекера, лейт. Вишневского, лейт. Бодиско, лейт. Окунева, лейт. Арбузова.

Моряки-революционеры 1825 — 1925 гг.

Прошло сто лет со времени, когда моряки впервые приняли участие в революционной борьбе, — в восстании 14 декабря 1825 года. С той поры они неоднократно участвовали в сражениях, в стычках против самодержавия, притом всегда на опаснейших местах боя. Имена моряков связаны со всеми важнейшими революционными выступлениями против царизма, начиная с 1825 года.

Восстание декабристов, в котором моряки сыграли важнейшую роль, отнюдь не было простым дворянским движением, не оставившим следа.

В. И. Ленин в своей речи о 9 января, произнесенной на собрании, организованном рабочей молодежью в Народном Доме в Цюрихе 22 января 1917 года, так оценил восстание декабристов, коснувшись его в связи с выступлением 9 января:

„*В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение представлено было почти исключительно дворянами. С того момента и до 1881 года, когда Александр II-ой был убит террористами, во главе движения стояли интеллигенты из среднего сословия. Они проявили величайшее самопожертвование и своим героически-террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно. Несомненно, они способствовали—прямо или косвенно—последующему революционному воспитанию русского народа, но своей непосредственной цели — пробуждения народной революции — они не достигли и не могли достигнуть. Это удалось только революционной борьбе пролетариата*“...

Немного далее Ленин говорит:

„*Интересно сравнить военное восстание в России в 1905 году с военным восстанием декабристов в 1825 году. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти только офицерам-дворянам. Они были заражены соприкосновением с демократическими идеями в Европе во время наполеоновских войн. Масса солдат, состоявших тогда еще из крепостных крестьян, держались пассивно*“. (До сих пор неопубликованная рукопись В. И. Ленина из рукописного собрания Института Ленина, Ленинградская «Правда». 22 января 1925 г. № 18).

Из приведенных строк видно, как высоко оценивал восстание декабристов вождь мирового революционного движения. Он сопоставил революцию 1905 года и восстание декабристов, сравнивая в обоих случаях восстание солдат. Из всего видно, что Ленин не считал восстание декабристов случайной вспышкой, которая не оставила никакого следа: напротив, он связывает это с революционным движением 70-х и 80-х годов и говорит о воспитательной роли этих движений революционной интеллигенции в деле подготовки массового движения 1905 года.

Тем более странно, что до настоящего времени не появилось ни одной работы, в которой было бы охарактеризовано участие в подготовке и в самом восстании декабристов-моряков, несмотря на их важную роль в этом деле.

Все знают, как высоко следует ценить роль моряков в революции 1905 года. Об этой роли моряков, в той же замечательной речи о 9 января, говорит В. И. Ленин. Восстанию на броненосце *Потемкин-Таврический* Ленин придает первостепенное значение. Вот, что он говорит о нем:

«Соединение пролетарской массовой стачки в городах с крестьянским движением в деревне было достаточно, чтобы поколебать самую прочную и последнюю опору царизма. Я имею в виду армию».

«Начинается полоса военных восстаний во флоте и армии. Каждый под'ем волны стачечного крестьянского движения во время революции сопровождается солдатскими восстаниями во всех концах России. *Самым интересным среди них является восстание на Черноморском броненосце Князь Потемкин*, который, попав в руки восставших, участвовал в революции в Одессе и, после поражения революции и неудачной попытки захвата других портов (наприм., Феодосии в Крыму), сдался в руки румынских властей в Констанце».

Какое огромное значение придавал Ленин восстанию на *Потемкине-Таврическом* свидетельствует то, что тогда же он написал специальную статью об этом восстании в центральном органе партии [1]). Восстание на *Потемкине* можно считать поворотным моментом, которым начинается под'ем революционной волны, приведшей к всероссийской забастовке октября 1905 года. После великого исторического урока 9 января и после восстания *Потемкина-Таврического* начинается полоса ожесточенных революционных боев. В них всегда на первых местах моряки. Восстание лейтенанта Шмидта совпадает с самыми горячими моментами боя, данного революционным народом царизму в 1905 году. И с той поры моряки всегда на передовых постах, завязывают

---

[1]) Статья В. И. Ленина «Революционная армия и революционное правительство». «Пролетарий» № 7 от 27 июня. И там же ст. В. И. Ленина: «Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана» (см. обе статьи в т. VI собр. соч. В. И. Ленина, 266—277 стр.).

аванпостные стычки и начинают бой в головных частях революционной армии. Замечательно, что последние громы революционных боев революции 1905 года опять-таки на флоте. Последнее большое восстание, закончившееся расстрелом ста матросов, произошло во Владивостоке *в 1907 году*. Именно в этом году кончилась революция 1905 года; революционное движение разбито, начинается полоса столыпинской контр-революции, удушливой реакции. И вот последними уходят с поля сражения моряки.

После Ленского расстрела, 4-го апреля 1912 года, начинает подниматься новая волна, которая в 1917 году закончилась сокрушительным шквалом. И опять-таки первые стычки завязываются моряками. Об этом свидетельствует такой чувствительный аппарат, как царская охранка: чувствительнее, чем приборы для записывания подземных толчков, охранка подмечает внутренние толчки перед новым революционным движением. *С 1910 года* охранка регистрирует сведения о революционном возбуждении и о революционных организациях среди матросов (см. об этом подробно в статье И. В. Егорова, помещенной в журнале «Красная Летопись» за 1922 г., № 5).

Империалистическая война, казалось, сорвет революционную волну. Тяжелыми, кошмарными громадами застыли дреднауты и другие суда Балтийского флота на Гельсингфорсском рейде. Не предвиделось конца империалистической бойне, и, казалось, бунтарский дух матросов угас. Но не так было в действительности. Уже в 1915 году поднял голос линейный корабль *Гангут* на Гельсингфорсском рейде. За два года до великого шторма матросы-гангутцы подали сигнал к бою.

В 1925 году празднуются два юбилея, подводятся два итога—1825 год и 1905 год. И в обоих великих итогах—подвиг революционных моряков. С 1825 по 1905—путь подвигов и тяжелой борьбы. На этом пути не раз выступали моряки.

Если в восстании декабристов матросы Гвардейского экипажа выступали еще только в качестве пассивной силы, то уже в восстании 27 декабря 1827 года и 6 января 1828 года на корвете *Александр Невский* матросы выступили активно. Восстали поголовно все матросы корабля, при чем организаторами были сами же матросы. Тогда 45 человек матросов и унтер-офицеров были приговорены к смертной казни, которая, во внимание к их боевым заслугам в Наваринском сражении, была заменена нещадным биением кошками и ссылкой в каторжные работы навеки (это восстание описано в статье И. В. Егорова в журнале «Пламя» за 1920 г., в № 19). В 1831 году матросы-поляки, мобилизованные во флот после подавления польского восстания отказались «скопом» (тягчайшее преступление по уставу) от принесения присяги на верность императору Николаю I. В 1860 г. артиллерийский унтер-офицер Савельев взорвал корвет *Пластун*.

С 1871 года начинается широкое участие моряков в революционном движении. В этом году многие воспитанники Морского корпуса вступают в тайное революционное общество «Земля и Воля». К числу молодых революционеров относятся: В. Луцкий, Эспер Серебряков, П. Серебряков, Лутохин, Чарыков, Юрковский, Паскевич. Кулеш, Уклонский, Воейков, Добровольский, Брисецкий, Суханов. Салтыков, Хамрат и Миклуха-Маклай. Кружки среди моряков организуются по указаниям партийных центров того времени. Эспер Серебряков в своей интересной брошюре «Революционеры во флоте» неоднократно упоминает о собраниях морских офицеров в Кронштадте в 70-х годах. Они проводились под руководством членов партии «Земли и Воли», а с 1879 года под руководством членов Исполнительного Комитета партии «Народной Воли». В Кронштадте неоднократно бывали для организации морского офицерства вожди-народовольцы Желябов и Вера Фигнер. Зимой 1878 года составилась уже определенная военно-морская организация из морских офицеров и гардемаринов, сгруппировавшихся около мичмана Дружинина. Этот революционный кружок зимою 1880 года вошел в самую тесную организационную связь с партией «Народной Воли», составив как бы его военно-морскую секцию. Во главе стояли лейтенанты Суханов и барон Штромберг. В кружок входили лейтенанты: Буцевич, Добротворский, Дружинин, Скворцов, Балк, Вырубов, Лавров, прапорщик морской артиллерии И. Петров, подпоручики корпуса флотских штурманов: Карабанович, Александр Прокофьев, воспитанник Морского училища Серебряков и рядовые: Федоров, Потихонин и Вальтерсдорф.

Военно-морская организация во весь период революционного движения 70-х и 80-х годов, который заканчивается 1884 годом, принимает самое деятельное участие. 26 августа 1879 года в заседании Исполнительного Комитета партии «Народной Воли» был вынесен смертный приговор Александру II. Для исполнения этого приговора нужно было устроить динамитную мастерскую. В работе мастерской в числе других принимает участие лейтенант Суханов. В подкопе, который велся с января 1881 года, также принимает участие Суханов. Летом 1881 года лейтенант Буцевич организует военно-морские революционные ячейки в Одессе и Николаеве. Весной 1882 года в гор. Николаеве уже имеется прочно сколоченный военно-морской революционный кружок, в который вошли прапорщик корпуса флотских штурманов И. Ювачев, мичмана: А. Афанасьев, П. Толмачев, В. Бубнов и лейтенанты: В. Соколовский и С. Янушевский.

За десятилетний период народовольческого движения вот небольшой список потерь со стороны моряков.

В 1878 г. арест мичмана Луцкого, 28 апреля 1881 г. арест лейтенанта Н. Е. Суханова по делу убийства Александра II, 13 мая 1881 г. арест лейтенанта барона Штромберга и Глазго,

в том же году арест мичмана Буланова... 9 февраля 1882 года процесс 20-ти в особом присутствии сената по обвинению в принадлежности к партии «Народной Воли», участии в Липецком С'езде и во всех важнейших террористических актах «Народной Воли». Среди подсудимых Н. Суханов. 19 марта 1882 года он расстрелян в Кронштадте. 18 апреля 1883 года лейтенант Буцевич по делу 17-ти народовольцев приговорен к повешению. 24 сентября 1884 года процесс 14-ти в военно-окружном суде; среди привлеченных лейтенант барон Штромберг. 10 октября 1884 г. Штромберг расстрелян в Шлиссельбургской крепости.

Довольно приведенных фактов, чтобы не сомневаться в подлинной исторической роли моряков, как активной силы в революционном движении, на протяжении минувших ста лет. Сначала моряки выступают не одинаково в классовом смысле: в 1825 году часть флотского офицерства выступает в роли той революционной интеллигенции, которая впоследствии, по словам Ленина, подготавливала массовые выступления 1905 года; матросы в 1825 году выступили, как пассивная сила, и этому не приходится удивляться. В. И. Ленин в цитированной выше речи вообще утверждает, что тогда «масса солдат», состоящая еще из крепостных крестьян, «держалась пассивно». В этом именно и состояла главная причина слабости и неуспеха восстания декабристов и иных подобных ему. *Только возрастание революционной активности широких масс трудового народа и, что особенно важно, наиболее революционной его части, рабочих, могло обеспечить успех Красного Октября.* На этот рост революционной активности, таким образом, пошло около ста лет. В деле этого роста не последнюю роль играли моряки. Не даром о них было сказано, что они «краса и гордость революции». Это имеет за собой историческое оправдание.

К сожалению, для освещения участия моряков в революции в нашей истпартовской литературе сделано недостаточно. Едва ли не единственной большой работой по истории революционного движения среди моряков является сборник материалов о восстании на броненосце *Потемкин - Таврический*, изданный под редакцией В. И. Невского. Из основательных источников можно еще назвать книгу воспоминаний о лейтенанте П. П. Шмидте, написанную его сестрой А. П. Избаш. (Выпущена Редиздатом Морсил. Вышло 3-е издание). Очень интересны письма Шмидта и З. Р., выпущенные отдельным сборником в издании Центроархива.

Все остальное по преимуществу компилятивные брошюры или отдельные статьи, или же просто перепечатка прежних статей и материалов. И это несмотря на то, что в делах архива Морской Исторической Комиссии и в других морских архивах, да и в хранилищах Центроархива собрано огромное количество материалов.

Наступающий в этом году знаменательный столетний юбилей восстания декабристов и двадцатилетний 1905 года должны послужить толчком для того, чтобы, наконец, можно было серьезно приступить к разработке материалов и к написанию истории революционного движения во флоте.

Предлагаемый очерк в значительной своей части написан по первоисточникам. К большому сожалению, несмотря на то, что автором просмотрено в морских архивах решительно все, имеющее хотя бы отдаленное отношение к вопросу об участии моряков в восстании декабристов, многое остается все же невыясненным, за отсутствием надлежащего материала в наших морских архивах. Например, нет никаких, хотя бы малейших, следов, которые помогли бы выяснить, кто именно из матросов участвовал в *подготовке* восстания 14-го декабря и в чем выразилось участие отдельных матросов. Далее, почти гробовое молчание царит о декабристах, осужденных по постановлениям верховного уголовного суда. Таким образом, и в этом отдельном вопросе предстоит сделать большую дополнительную работу. Настоящий очерк является только первым опытом такой работы, и он, по необходимости, ограничен разрешением вопроса в одной только его части: в чем именно выразилось прямое участие моряков в восстании декабристов. Ибо и по этому вопросу до настоящего времени в печати не появлялось решительно никаких сведений, кроме мемуарных упоминаний, если не считать небольшой журнальной статьи по этому вопросу С. П. Лукашевича (журнал «Красный Флот» за 1923 г., ст. «Моряки-масоны и моряки-декабристы»).

Ограничив свою задачу исключительно вопросом об участии тех или иных моряков в восстании 14-го декабря и о степени прикосновенности отдельных моряков, мы считали, однако, небесполезным привести некоторые биографические сведения в связи с выступлением 14-го декабря, насколько это доступно по архивным материалам и по иным источникам [1]). Имея в виду массового читателя, мы нашли необходимым сообщить подробно общие сведения о восстании декабристов и краткие сведения из истории общественного движения и общественной мысли до восстания декабристов.

Пользуюсь случаем выразить благодарность архивистам Николаю Никитичу Алихову и Алексею Васильевичу Шабалову за содействие в наведении некоторых справок.

---

[1]) Подлинное дело, где приведены показания декабристов следственной комиссии, не могло быть использовано так как оно временно изъято из пользования, для специального издания (вышел том I).

Лучшие из своего класса.

14-го декабря, по новому стилю — 27-го декабря, 1925 года исполняется ровно *СТО* лет со времени знаменитого восстания декабристов. В буржуазно-либеральной публицистике установилась о нем своего рода героическая легенда. Но легенды нисколько не способствуют определению подлинного значения того или иного события. На почве легенд всегда легче всего совершался переход от неумеренных восхвалений и недостаточно мотивированного умиления к развенчанию и к поносительству.

В свое время героическая легенда о декабристах могла иметь определенное воспитательное значение. Она напоминала об эпохе общественного застоя и вместе с тем о примерах высокого общественного подвижничества и мученичества. Некрасов использовал легенду, как литературный сюжет, в своей поэме «Русские женщины». В русской поэзии со времен Пушкина, отдавшего дань восхищения декабристам, до времен Некрасова господствовала легенда. Она же по существу без значительных изменений проводилась нашими буржуазными историками и публицистами.

Подлинное изучение исторических фактов внесло серьезные поправки в прежнее отношение к декабристам, и красивая легенда стала принимать более реальные очертания. С другой стороны, самая оценка исторических фактов помогла определить подлинную меру, истинную природу и содержание общественного события, которое на полицейском языке николаевского террора носило наименование «происшествия 14-го декабря 1825 года».

Именно определение социальной природы явления ставит все вещи в этом деле на свое место и сообщает особый интерес декабрьским событиям 1825 года.

Очевидно, что восстание декабристов нельзя считать «случайным происшествием», незначительным отдельным событием в ходе исторического развития. Некоторые глубокие общественные силы обнаружили себя в этом событии, которое подготавливалось в течение 10 лет. По своим размерам, правда, восстание декабристов уже менее значительно, чем, например, восстание крестьянства и казачества во второй половине XVII в. — бунт Стеньки Разина, и чем т.-н. бунт Пугачева—восстание крестьянства и казачества 150 лет тому назад. Крестьянское восстание Стеньки Разина заняло все Поволожье, весь восток Европейской России и всю территорию на протяжении Волги до Уральских гор и Каспия.

Частично восстание Разина начало занимать и центральные части Московской Руси. Оно угрожало феодально-помещичьей России. Социальная программа Разина: истребление боярства, свержение боярской власти, власти высших слоев поместного дворянства, освобождение крестьян, отнятие земель у помещиков. Таким образом, и по своему общественному смыслу и по социальным задачам, классовая борьба, обнаружившая себя в великом крестьянском восстании XVII столетия, глубже и знаменательнее восстания декабристов. Столь же значительно и восстание Пугачева.

Тем не менее, даже по сравнению с такими глубокими классовыми движениями, имевшими место значительно ранее, восстание декабристов имеет особое значение, представляет особый интерес. Вот в чем он состоит.

Восстание произошло *исключительно при участии самого дворянства*; правда, горсточки этого дворянства [1]). Восстание дворян-декабристов лишь опиралось на участие солдат, этих своего рода служилых крестьян и мастеровых.

Были и раньше, при совершенно других обстоятельствах, примеры дворянских движений. Так, в первые десятилетия XVII столетия французское дворянство вело борьбу против королевской власти, т.-е. в действительности против укреплявшегося буржуазного социального порядка во Франции, против торгового капитала. Процесс распада феодальной государственности в эту эпоху во Франции заканчивался, и французское дворянство в войнах «Фронды» делало последние тщетные усилия сохранить феодальный государственный и общественный правопорядок против укреплявшегося строя абсолютной монархии, представлявшей организацию государственности и общественности торгового капитала. Шведское дворянство в семидесятых годах XVIII столетия, составляя оппозицию королевской власти, рукой Анкарстрема совершило политическое убийство короля Густава III. Русское дворянство, уступившее уже к концу XVI века натиску новой государственности и общественности «земщины» [2]), даже еще в 1730 году при восшествии на престол имп. Анны Иоанновны делало попытку ограничения абсолютной монархии в пользу высших слоев дворянства. «Бессмысленные мечтания» высшего дворянства во время этой «затейки» (так назвали заговор верховников) ограничить самодержавие и установить конституционный образ правления в пользу и в интересах высшего дворянства потерпели тогда полный неуспех, встретя решительное сопротивление со стороны среднего дворянства, среднего шляхетства.

---

[1]) По данным следственной комиссии была мысль привлекать в «Союз Благоденствия» купцов, но она была оставлена: купечество, по словам декабриста барона Штейнгеля, было признано слишком невежественным.

[2]) Торговый капитал земщины активно выступил на политическом поприще в движениях смутного времени, в начале XVII ст. и в середине, во второй половине XVII. Идеология торгового капитала выражена в начале XVIII в. в сочинениях Посошкова.

Это дворянское движение носило несомненно реакционный характер, так-как уже отжившая социальная сила высшего поместного дворянства делала безнадежную попытку вернуться путем конституционного переустройства к феодальной государственности, хотя бы и в подновленных формах. Весь наш XVIII век изобилует подобного рода реакционной инициативой высшего и иногда среднего дворянства, которая обнаружилась в т.-н. дворцовых переворотах.

Достаточно приведенных примеров, чтобы видеть постоянную готовность отмирающей общественной силы использовать благоприятные обстоятельства и условия для восстановления своего гибнущего господства.

Вот именно по сравнению с подобного рода движениями восстание декабристов имеет совершенно особый смысл, вследствие которого его надо признать прогрессивным общественным явлением. В восстании раскрылся начавшийся уже распад и в средних слоях поместного дворянства. Вопросы помещичьего землевладения и крепостной обработки труда начали теоретически ставиться русскими дворянами еще в царствование Екатерины II. Вопросы эти были подняты в связи с созывом Комиссии по составлению нового Уложения. Вольное Экономическое Общество, по предложению Екатерины II и ее правительства, обсуждало вопросы о положении крепостного крестьянства, о выгодности применения крепостного труда в области сельского хозяйства и об освобождении крестьян. Уже в эту эпоху появляется своего рода манифест прогрессивного дворянства, т.-е. той части дворянства, которая начинала правильно понимать свои экономические интересы: книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Автор этой знаменитой книги особым высшим уголовным судом государственных сановников и сената был приговорен к смертной казни. Представитель реакционного русского дворянства, «либерал» и вольтерьянец, во всем своем творчестве подражавший Вольтеру и усвоивший его идеологию, знаменитый поэт и драматург А. П. Сумароков в ужасе перед «новыми веяниями» писал Екатерине II всеподданнейшую докладную записку, где горячо ратовал против всякого обсуждения вопроса об освобождении крестьян. После книги Радищева и сама «либеральная» Екатерина II пришла в большое смущение, хотя у нее и хватило здравого смысла и едкости написать на записке Сумарокова, где восхвалялась любовь крестьян к помещикам: «иногда и зарезаны от них бывают». Такое смятение нисколько не удивительно. Деловые люди дворянства прекрасно сообразили, что страстно написанная книга Радищева, толки об освобождении крестьян в Вольно-Экономическом Обществе и в Комиссии по составлению Уложения являются для них угрозой лишиться земель и даровых рабочих рук крепостного крестьянства. Тем более пугало такое шатание в умах, вследствие того, что еще не погасли кровавые отблески восстания Пугачева. «Маркиз Пугачев», как пытались

иронизировать в своей переписке Екатерина II и Вольтер, не на шутку напугал российское дворянство [1]).

Однако, ход хозяйственного развития России подталкивал дворянство. Условия мирового товарообмена, рождение паровой машины и полный переворот в технических условиях производства, необыкновенное расширение международного рынка, рост и обострение торговопромышленных связей начинали влиять и на дореформенную дворянскую экономику. Уже в конце XVIII века наблюдается рост фабрично-заводской промышленности в России [2]) и применение полукрепостной, а иногда и вполне юридически свободной рабочей силы на посессионных заводах. Дворяне могли на практике убедиться, что применение «свободного труда» может дать большие преимущества для производства и для накопления прибылей, чем эксплуатация крепостной силы. Идеи «свободного труда» и «свободных» экономических отношений, утверждавшиеся у западно-европейской буржуазии после революции 1789 года и в особенности после промышленно-технического переворота, вызванного применением паровой машины, начинали находить благодарную почву и у экономически отсталого российского дворянства.

---

[1]) Вопрос об освобождении крестьян во второй половине XVIII в. подробно освещен в кн. В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России». Ставился этот вопрос и в первой половине XVIII ст. об.-прок. Сената Масловским.

[2]) Довольно подробная характеристика экономического развития России в первую четверть XIX столетия дана в 4-ом томе «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского. О росте промышленности говорят хотя бы следующие несколько цифр. В 1812 году в России было фабрик 2.332; в 1814—3.253; в 1828—5.244. Число рабочих в 1812—119.093; в 1828—225.414. За пятнадцать лет число фабрично-заводских предприятий, таким образом, удвоилось. Употреблено сырья на хлопчато-бумажную промышленность на сумму 135.000 в 1820 году, в 1826 году—2.324.830; бумажной пряжи в 1820 употреблено на сумму 25.976.748 рублей, в 1826 году — 39.825.107 рублей; шелку, сырца и пряжи в 1820 г. употреблено было на 2.617.873, в 1826 г.—6.314.207 рублей. В 1820 году тонких сукон было выработано 261.965 аршин, в 1825—895.559; в те же годы солдатских и других сукон—3.683.881; в 1825—5.499.666. В 1823 году в Москве была установлена первая Жакардова машина, а в 1828 их было уже 2.500, при чем стоимость последних с 10.000 рублей (в 1823 г.) упала до 75 рублей, с установкой. Именно перед 1825 г., когда в мировой промышленности наступил первый грандиозный кризис сбыта и последовавшая экономическая депрессия, производство во всем мире товаров достигло бешеного темпа.

Тов. Покровский справедливо утверждает, что во всю первую четверть XIX столетия положение с хлебными ценами было благоприятно. Благодаря этому расширился хлебный рынок, помещики были заинтересованы в хлебных поставках. В эту же эпоху расширились торговые связи России с Персией, Средней Азией и Китаем. Чрезвычайное оживление хлебной торговли и несомненный рост промышленного предпринимательства отразились на дворянском хозяйстве. Именно в 20-х годах за счет падающего дворянского предпринимательства растет купеческое. Неудивительно, что дворянство начинало усваивать прогрессивные экономические идеи!

Подробные сведения см. в работе М. И. Семевского «Кр. вопрос в XVIII и в первой половине XIX ст.», т. I и II, и в книге М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика».

Классовые интересы дворянства сказались и в движении декабристов. Полностью это выражено в мировоззрении одного из самых интересных декабристов—Николая Ивановича Тургенева. В двух своих книгах, посвященных народному хозяйству тогдашней России,—«Опыт теории о налогах» 1818 г. и «Россия и русские»—Тургенев доказывает безусловную экономическую непригодность, отсталость, невыгодность применения крепостного труда. Этот «идеалист» обстоятельно доказывал, что необходимо освободить крестьян... хотя бы без земли. Таким образом Тургенев сказал самое главное и самое важное. Крестьян нужно «освободить» от средств производства, сохранив частную собственность на средства и орудия производства за эксплуатирующим классом [1]). Не столь отчетливо выраженные эти же социально-экономические идеи нашли свое отражение в социальной программе, господствовавшей у известной части декабристов. Кое-где прямо, а иногда обиняками члены «Союза Благоденствия» усматривали это «благоденствие» именно в таком тургеневском способе разрешения аграрной проблемы [2]).

---

[1]) В своей деятельности ст.-секр. Госуд. Совета 1820—1824 г.г. и в докладных записках на имя царя Тургенев предлагал всякие полумеры, вроде исполнения закона о трехдневной барщине и мелких нарезок.

[2]) Некоторые сведения по вопросу о том, как понималась аграрная проблема декабристами, имеются в обстоятельных «Записках декабриста» Дмитрия Иринарховича Завалишина. Завалишин упоминает, что лично он считал чрезвычайно важным узнать на местах, как относятся к вопросу об освобождении крестьян. Он предлагал «Союзу Благоденствия» отправить на места специальных эмиссаров с целью «изведать мнения об освобождении крестьян вообще и о лучших средствах для разрешения этого трудного вопроса, без нарушения справедливости к помещикам» (стр. 99, 2-го изд. «Записок декабриста»). Мнения Завалишина заслуживают особого внимания, так как его надо признать одним из самых образованных членов «Союза Благоденствия», игравшего к тому же первенствующую роль среди моряков-декабристов. Эта его первенствующая роль в кругу Гвардейского экипажа и других моряков указана в донесении следственной комиссии и признается им самим. Завалишин (см. стр. 141, 142« Записок») утверждает, что на всех важнейших собраниях «Союза Благоденствия» именно он давал принципиальное направление всем возникавшим прениям и спорам. При этом, по его собственным словам, Завалишин в особенности направлял внимание на обсуждение вопроса об уничтожении крепостного права. Неудивительно, что и этот образованнейший декабрист считал вопрос об освобождении крестьян труднейшим: вся трудность состояла именно в том, что и Завалишин и др., хотя бы и лучшие из декабристов, желали соблюсти справедливость по отношению к помещикам. На стр. 169 своих «Записок» Завалишин довольно подробно говорит, что среди декабристов возникали жаркие споры, каким способом надлежит провести разрешение вопроса об освобождении крестьян. Одни думали, что вообще надо в первую очередь заботиться о неотъемлемых правах дворянства, и тогда права других сословий придут сами собой. «Народу же можно обещать только такие льготы, выгоды в которых он сейчас поймет: уменьшение казенных повинностей, лет службы, лучшее управление, и т. п. О выкупе же крестьян надо разъяснить помещикам, что это неизбежно и без переворота, стало быть лучше же это сделать на тех справедливых для всех основаниях, как выработано обществом, нежели рисковать, что это неминуемо совершится при худших, пожалуй, еще условиях»; и пр.

(*Продолж. см. на обор.*).

Вот именно в этой экономической подоплеке (благо, царское правительство дало пример такого «освобождения» крестьян в Прибалтийских губерниях в 1816—17 г.г.) сказалась истинная социальная природа движения декабристов. В рамках прежних производственных отношений рождающимся производительным силам становилось тесно, начинал назревать конфликт внутри прежних экономических отношений.

Как это часто бывает, первоначально эта экономическая тенденция не была осознана. По первому взгляду могло показаться, что речь идет главным образом, если не исключительно, об изменении самого политического устройства. Без всякого сомнения, уже в первой половине XIX века русская дворянская экономика переживала сильное внутреннее потрясение, которое обнаружилось первоначально в области идеологии на протяжении нескольких десятков лет еще во второй половине XVIII столетия. Воля к действию стала назревать в первую четверть XIX столетия. Это выразилось в государственных преобразованиях первой половины царствования Александра I, в политике Сперанского. Война 1812 г., война монархической коалиции против буржуазной наполеоновской Франции отозвались глубочайшими потрясениями во всех странах, принимавших участие в этих войнах. Довольно серьезные общественные движения и классовая борьба дали себя знать в Пруссии и в некоторых других частях Германии в первую четверть XIX столетия; затем классовое движение рабочих и буржуазии в тридцатых годах в Англии и движение дворянства в России в ту же эпоху.

В России дело сводилось к тому, что часть дворянства, не удовлетворенная своими экономическими успехами, искала новых форм, не удовлетворяясь тогдашним государственным устройством. Об этом свидетельствует полоса либеральных реформ вплоть до 1815 года. Русское офицерство познакомилось с буржуазными государственными порядками во Франции и с либеральными идеями в Германии во время наполеоновских войн. В течение десяти лет либеральное дворянство-офицерство гвардейских полков в Петербурге и офицерство в войсках Киевского Военного Округа подготавливало почву для государственного переустройства России. 14-го декабря 1825 года либеральные дворяне-декабристы после десятилетней подготовки сделали неудачную попытку свергнуть государственный строй.

Таким образом, и эта выдержка показывает, что речь шла в лучшем случае не о благих намерениях, а о неизбежности, которую начинали сознавать умнейшие и образованнейшие среди дворян. Предвидя риск, что в случае отсутствия «доброй воли», освобождение крестьян может совершиться в менее благоприятных условиях, декабристы, однако, опять-таки не забывали «о справедливых для всех основаниях», как будто непримиримая противоположность экономических интересов крепостного крестьянина и помещика могла разрешиться на справедливых основаниях. (См. «Записки декабриста» Д. И. Завалишина, изд. 2-е, т-во М. О. Вольф, 464 стр.).

Таков внутренний смысл «происшествия 14-го декабря». Оно знаменательно в том отношении, что новый общественный порядок, новая экономическая тенденция в общественном развитии дали первое неясное предупреждение о своем возникновении. Прошло еще 25 лет. Понадобилось полное крушение полицейской государственности Николая I, понадобился полный разгром русских армий, Севастопольская оборона и капитуляция, чтобы в 1861 году окончательно рухнула сгнившая постройка дворянской экономики и помещичьей государственности.

Таков об'ективный исторический смысл декабрьских событий в 1825 году. Но это нисколько не умаляет личного подвига многих из декабристов. Если некоторые обнаружили малодушие, раскаяние, желали искупить свой декабрьский «грех», то многие и многие своей смертью и героическими страданиями на каторге показали пример великой общественной доблести.

У декабристов поражает их самоотверженность, идеализм, отвага. Дальше мы увидим, какие несметные силы всяких пеших и конных полков в течение нескольких часов собрал и двинул против декабристов перепуганный Николай I. Горсточка гвардейских офицеров и солдат в несколько тысяч человек в течение всего дня стояла лицом к лицу против всех войск петербургского гарнизона. В атаку против этой горсточки были двинуты: Преображенский, Семеновский, Измайловский полки, Кавалергардский, лейб-гвардии Конный, лейб-Атаманский, несколько батарей гвардейской артиллерии (см. об этом ниже).

Красный флот имеет основание вписать в летопись героической борьбы моряков-революционеров славные имена моряков-декабристов. В восстании участвовал почти целиком Гвардейский Экипаж.

Прежде. чем изложить обстоятельно все, что нам известно о подвиге моряков-декабристов по архивным материалам и по другим источникам, познакомимся предварительно, хотя бы в кратких словах, с общей обстановкой. Сделаем это по данным донесения Верховной Следственной Комиссии, назначенной правительством Николая I для расследования обстоятельств «происшествий 14-го декабря 1825 года».

Тайные революционные общества (1816—1825).

17-го декабря была назначена следственная комиссия [1]). Ей была поставлена задача исследовать, какие цели ставили себе тайные общества, подготовившие выступление 14-го декабря,

---

[1]) В ее состав вошли: военный министр граф Татищев, в качестве председателя, и членами: в. кн. Михаил Павлович, д. т. сов. князь Голицын, петербургский военный ген.-губ. ген.-ад. Голенищев-Кутузов, ген.-ад. Чернышев, ген.-ад. Бенкендорф, ген.-ад. Левашов, ген.-ад. Потапов, секретарь д. ст. сов. Д. Блудов.

выяснить главнейших участников и узнать, каким уставом, какими правилами руководились они в своей деятельности. Материалом для следственной комиссии послужили по преимуществу показания самих участников событий 14-го декабря, привлеченных к следственному допросу, и доносы унтер-офицера III-го Бугского Уланского полка Шервуда и капитана Майбороды, затем Бошняка и в особенности графа Витта. Конечно, так как в комиссию входили люди, политически совершенно безграмотные, вроде ген.-ад. князя Чернышева или будущего шефа жандармов ген.-ад. графа Бенкендорфа, то к суждениям о целях и задачах декабристов, поскольку последние освещены комиссией, приходится отнестись с большой осторожностью. Но, с другой стороны, показания привлеченных к следствию отличаются подчас чрезвычайной обстоятельностью, даже мелочностью, пунктуальностью; таким образом, из этих обстоятельных показаний общая картина все-таки выясняется [1]). О внутреннем содержании деятельности тайных обществ можно судить по проектам конституции, составлявшимся в среде членов тайных обществ, и в особенности по «Русской Правде», составленной Пестелем. Со всеми этими оговорками, вот как в общих чертах обстояло дело.

Вернувшись из походов против Наполеона в 1813—1815 г.г., офицеры решили образовать политическое общество по примеру тайных политических обществ в Германии, о которых они получили сведения в бытность на германской территории. Первые участники, подавшие в 1816 году эту мысль, были: полковник Александр Муравьев, капитан Никита Муравьев и полковник князь Трубецкой. Первоначальным побуждением, по словам донесений следственной комиссии, «была ложно понимаемая любовь к отечеству, служившая для них самих покровом беспокойного честолюбия».

Следственная комиссия считала, что при организации общества за образец были взяты уставы немецких «Союзов добродетели». Действительно, немецкие политические общества, ставившие себе именно в эту эпоху революционные цели, действовали на почве национального движения против Франции, на почве защиты отечества, патриотизма. Предположение следственной комиссии вполне правдоподобно.

В феврале 1817 года состоялось учредительное совещание в Петербурге в следующем составе: офицеры Семеновского полка Якушкин, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Александр и

---

[1]) Богатый материал для суждений о целях и задачах, о политической идеологии и о программе декабристов содержится в сборнике под редакцией проф. А. К. Бороздина «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства» (изд. М. В. Пирожкова, 1906 г.). В книге собраны письма, на имя Николая I и членов следственной комиссии, Каховского, Александра Бестужева, Батенкова, барона Штейнгеля, Якубовича катехизис Сергея Муравьева-Апостола и показания Пестеля и Рылеева, вождей «Союза Благоденствия».

Никита Муравьевы и князь Сергей Трубецкой. Было постановлено образовать тайное общество под названием «Союза Спасения» или «Истинных и верных сынов отечества». Устав был сочинен Пестелем. По уставу общество разделялось на три степени. Из высшей степени бояр избирались ежемесячно старейшины: председатель, блюститель и секретарь. При вступлении в общество члены обязывались давать клятву в соблюдении полной тайны. Высшую степень давали только старейшим членам общества— членам-учредителям. Первоначальный состав общества: Александр, Никита, Сергей и Матвей Муравьевы, Павел Пестель, князь Сергей Трубецкой, князь Федор Шаховской, Федор

Сенатская площадь. С гравюры Б. Патерсена, начало XIX столетия. (Из собр. музея «Стараго Петербурга»).

Глинка, Новиков, Михаил Лунин и еще три члена, которые потом из общества вышли и прервали всякое сношение с ним.

Главною целью общество поставило себе после принятия настоящего устава полное изменение государственного устройства. Но на первых порах, как отмечает донесение, было решено пропагандировать преимущественно идеи об обязанностях по отношению к отечеству: главная деятельность на первых порах состояла в привлечении новых членов общества. Удалось сблизиться и вовлечь в общество новых энергичных членов: ген.-майора Михаила Орлова, графа Мамонова [1]) и в особенности действительного статского советника Николая Ивановича Тургенева. Эти трое почти одновременно с возникновением

[1]) М. Орлов и Мамонов потом никакой роли не играли.

«Союза Спасения» помышляли создать общество «Русских рыцарей» для наблюдения за административными порядками [1]).

В Первое время «Союз Спасения» не мог развить большой деятельности, так как между самими членами происходили разногласия по поводу того, в каком направлении повести работу. Некоторые члены настаивали на конспиративной деятельности, с применением террористических действий; другие члены считали, что надо медленно воздействовать на общественное мнение и таким путем подготавливать почву для активного выступления общества. Призыв к политическим действиям в форме отдельных террористических актов был впервые об'явлен на одном собрании членов «Союза Спасения» в Москве во время расквартирования там войск гвардии. Трудно, повидимому, установить, кто первый высказал мысль о цареубийстве. Это были или Пестель или Лунин. В особенности увлекались мыслью о цареубийстве князь Федор Шаховской и Якушкин [2]). После московского собрания «Союз Спасения» принял новое наименование «Союза Благоденствия», при чем был принят и новый устав.

Следственная комиссия считает, что и этот устав был составлен по немецким образцам уставов союзов добродетели (тугендбундов). В части организационной главная перемена состояла в том, что члены, в зависимости от того, в каком разряде они состояли, исполняли разные поручения. Например, члены 1-го разряда должны были заниматься делами благотворительности, 2-го разряда—распространением знаний и просвещения, в особенности заведением ланкастерских школ, и т. д. Членам общества вменялось в обязанность обращать внимание административных властей на упущения в той или иной области, относительно которых получались сведения. Но наиболее важные сведения должны были доводиться до правительства через Правление Союза. В связи с этим некоторые члены «Союза Благоденствия» предлагали даже испросить разрешение правительства для подобной своей деятельности. Естественно, это предложение не было использовано. «Союз Благоденствия» имел довольно сложную организацию. Его главная часть составляла Коренной Союз, во главе которого стоял Совет, составленный из блюстителя и пяти заседателей. Один из членов избирался в председатели и тогда именовался главою Союза. Каждые четыре месяца выходили из Совета два заседателя и на их места поступали другие. Блюститель сменялся в конце года. Когда прочие члены Коренного Союза присоединялись к Совету, образовывалась Коренная Управа. Совет имел в Союзе исполнительную власть, Управа—законодательную. Вся деятельность «Союза Благоденствия» была органи-

---

[1]) Об идеях этого общества см. в бумагах графа Мамонова, помещенных в Сборнике проф. А. К. Бороздина—«Из писем и показаний декабристов», стр. 145—157.

[2]) Впоследствии увлекался мыслью о цареубийстве мичман Дивов.

зована так, что решение важнейших вопросов проходило исключительно через основателей Союза—коренных членов. В «Союзе Благоденствия» для исполнения отдельных поручений имелись своего рода комиссии и подкомиссии, именовавшиеся Управами. Подобных Управ было организовано две в Москве: одна—под председательством Александра Муравьева, другая—под председательством князя Федора Шаховского; в Петербурге были также две: под руководством лейб-гвардии Егерского полка офицера Семенова и полковника Бурцева. Кроме того, существовали вольные общества, почти независимые от «Союза Благоденствия»: в одном Измайловском полку было два таких общества; одно—под председательством князя Евгения Оболенского и коллежского ассессора Токарева, другое—под председательством егерского офицера Семенова. Было еще общество, основанное полковником Федором Глинкой. Новиков организовал малороссийское общество, хотя это последнее никакой деятельности не обнаружило, кроме сбора денег.

Важнейшим обществом, составившим впоследствии особенно активную часть «Союза Благоденствия», было отделение в Тульчине под председательством полковника Павла Пестеля. Главное руководство должно было осуществляться через Петербургскую организацию Союза. Но в действительности через некоторое время обнаружились две разные политические и тактические линии. Первоначально все сходились на том, что необходимо добиться путем активных выступлений и давления на правительство конституционно-монархического переустройства. Впервые мысль о республиканском образе правления была выражена Новиковым; затем та же мысль была высказана на собрании Коренной Управы в Петербурге. В защиту установления республиканского строя предпочтительно перед строем конституционной монархии выступил Пестель. Горячо поддержал последнего Николай Тургенев. Большинство членов присоединилось к предложению Пестеля. В дальнейшем мысль о республиканском правлении горячо пропагандировалась между членами «Союза Благоденствия» и начинала встречать общее сочувствие. Николай Тургенев дополнял эти республиканские идеи мыслью о необходимости хорошо поставленного народного представительства. Один только полковник Федор Глинка высказывался в пользу монархии, предлагая вручить скипетр императрице Елизавете Алексеевне. Через некоторое время мысль об установлении республиканского образа правления стала связываться с мыслью о цареубийстве. Особенно настойчиво предлагали совершить цареубийство Пестель и Никита Муравьев.

После совещания в Москве число членов общества стало увеличиваться. Особенно энергичная деятельность по распространению идей «Союза Благоденствия» и по привлечению членов была обнаружена на юге, где руководил делами полковник Пестель, служивший при главной квартире 1-й армии в долж-

ности ад'ютанта командующего армией графа Витгенштейна. Большую поддержку оказывал Пестелю его наиболее горячий единомышленник ген.-интендант II-й армии Юшневский.

Однако, чем больше становилось членов, тем сильнее обнаруживались разногласия. Так, один из главных основателей полковник Александр Муравьев еще в 1818 году стал раскаиваться в своей принадлежности к «Союзу Благоденствия». На с'езде членов Союза в Москве полностью обнаружились разногласия, и в конце февраля 1821 года на общем собрании было постановлено распустить Союз. Заявление о роспуске было сделано Николаем Тургеневым, как председателем. Устав «Союза Благоденствия» и прочие бумаги были сожжены.

Однако, как устанавливает следственная комиссия, хотя обнаруженные разногласия и принудили к заявлению о роспуске «Союза Благоденствия», сделано это было с особыми организационными расчетами. Необходимо было путем роспуска организации добиться устранения сомнительных, колеблющихся элементов. Необходимо было добиться большей конспиративности. Так, например, в первую степень решено было принимать не иначе, как по утверждению Главного Правления в Петербурге; для принятия во вторую степень требовалось единодушное утверждение членов двух отделений.

Всего отделений было установлено четыре: в Петербурге, в Москве, в Смоленской губернии и в Тульчине. В таком виде преобразовалось прежнее тайное общество. Таким образом, деятельность «Союза Благоденствия» не только не прекратилась, но, напротив, получила усиленное развитие. Роспуск «Союза Благоденствия», об'явленный на с'езде в Москве (в феврале 1821 г.), встретил решительный протест со стороны многих отдельных членов. Так, полковник Аврамов заявил, что он будет считать общество существующим, хотя бы он оказался единственным членом Союза. Активная часть членов «Союза Благоденствия» после Московского с'езда 1821 года, так-называемые бояре Союза, составилась из следующих лиц: Пестель, Юшневский, Аврамов, Вольф, Ивашев, двое Крюковых, князь Барятинский, Басаргин, князь Сергей Волконский, Василий Давыдов. Председателями «Союза Благоденствия» были избраны: Пестель, Юшневский и Никита Муравьев. Последний должен был руководить деятельностью Петербургской организации Союза. Надо указать, что деятельность Союза в Петербурге после с'езда в Москве находилась в сильном расстройстве. Она была восстановлена только на исходе 1822 года, когда Петербургское отделение «Союза Благоденствия» получило наименование «Северного Общества». «Северное Общество» первоначально признавало своим единственным председателем Никиту Муравьева. Но в конце 1823 года к нему в качестве председателей были присоединены князь Сергей Трубецкой и князь Евгений Оболенский. Никита Муравьев в 1824 г. отправился в Киев, где надеялся развить работу «Союза Благоденствия». Кроме того, нахо-

дясь в штабе IV-го корпуса, Никита Муравьев имел в виду наблюдать за деятельностью Пестеля, которого стали подозревать в стремлении к диктаторству. На время выбыл из руководящего центра «Северного Общества» также князь Трубецкой, которого заменил в должности директора или правителя (председателя) Рылеев.

В 1823—24 г.г. ясно разделилась деятельность двух главных организаций «Союза Благоденствия»: «Северного» и «Южного» обществ. Отделения избегали вести между собой переписку из опасения, что письма могут достаться в руки посторонних и таким путем нарушится конспиративность. Между «Северным» и «Южным» обществами до самого конца оставались разногласия по некоторым важнейшим вопросам. Однако, цель на все время сохранилась одна: полное изменение существующего государственного устройства. Главное разногласие состояло в следующем: «Северное Общество» желало конституционной монархии, а «Южное»—учреждения республики. Республиканские идеи полностью выражены в «Русской Правде» Пестеля. Проекты конституции найдены, кроме того, в бумагах князя Трубецкого: список конституции Муравьева, и другой, под названием «Государственный завет», у Сергея Муравьева-Апостола, представляющий по существу сокращение «Русской Правды» Пестеля. Расходясь в планах государственного переустройства, оба общества были совершенно согласны в главном: в необходимости произвести государственный переворот. При этом то и другое общества видели единственное средство к достижению этой цели—вовлечь в государственный переворот войска. Следственная комиссия полагает, что последняя мысль родилась не прежде 1821 года и была порождена примерами революции в Испании, Неаполе и Пьемонте. Существовало разногласие в самом плане вооруженного восстания. Одни думали, по признанию Пестеля, что восстание необходимо произвести в Петербурге. Другие предполагали начать с армейских полков, расположенных в провинции, с последующим наступлением восставших войск на Москву. Подготовка к восстанию энергично велась, судя по доносу капитана Майборода, в полках I-й и II-й армий. Агитацию вели полковник Пестель и подполковник Сергей Муравьев-Апостол. Последний действовал в Черниговском полку и в других полках IX-й дивизии; в числе солдат, среди которых действовал Муравьев-Апостол, были многие солдаты из Семеновского полка, где восстание произошло, как известно, в 1820 году [1]). Следственная комиссия намекает на то, что Муравьев-Апостол имел основания в особенности рассчитывать на бывших солдат Семеновского полка, направленных после расформирования в Черниговский полк.

Вообще «Южное Тайное Общество», руководимое Пестелем, развило энергичную деятельность. В целях правильной организации

---

[1]) См. об этом восстании работу Штрайха (Отд. изд. ГИЗ).

были образованы два центра: Управы в местечке Каменская и в Васильковe. В Каменской Управе руководил делами полковник Давыдов и князь Сергей Волконский, в Васильковской—Сергей Муравьев-Апостол и подпоручик Бестужев-Рюмин. В январе 1823 года были собраны председатели Управ, руководящие лица «Южного Общества»: Пестель, Юшневский, Василий Давыдов, князь Сергей Волконский, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. На этом собрании читались отрывки из «Русской Правды» Пестеля.

Был поставлен вопрос: как быть с императорской фамилией при установлении нового государственного устройства. Пестель внес предложение о поголовном истреблении всей императорской фамилии. Бестужев-Рюмин считал возможным удовлетвориться истреблением одного царя, а остальных членов царствующего дома выселить за границу, употребив для этого Кронштадтский флот. Произошли разногласия. Сергей Муравьев-Апостол оказался вообще против идеи цареубийства. Однако, в том же 1823 году остававшиеся на январском собрании при особом мнении Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин вполне согласились с мыслью о полном истреблении всего императорского дома. Князь Сергей Волконский утверждает, что это предложение даже вполне открыто среди членов общества было сделано Муравьевым-Апостолом; а Бестужев-Рюмин в 1824 г. писал в Варшаву, предлагая членам тайного польского общества убить Константина Павловича.

Письмо Бестужева-Рюмина было далеко не единственным сношением членов «Южного Общества» с польскими обществами. Кроме предложения об убийстве цесаревича Константина Павловича, речь шла о полном восстановлении Польши в ее прежних исторических границах, об отделении от России и об установлении полной государственной самостоятельности Польши.

Приступить к террористическим актам «Южное Общество» предполагало во время лагерного сбора в Бобруйске, открыв восстание в IX дивизии. В Бобруйск ждали императора Александра I и великого князя Николая Павловича. Их предполагали обоих убить в назначенный день, при чем исполнить поручение вызвался полковник Швейковский. Предположено было взять под стражу генерал-ад'ютанта барона Дибича, вызвать бунт в лагере и, оставя гарнизон в Бобруйской крепости, идти на Москву, присоединяя во время этого похода к себе другие военные части. Следственная комиссия замечает, что действительных средств произвести предположенное восстание у «Южного Общества» не оказалось; соглашались только произвести террористический акт полковник Швейковский и подполковник Норов. Вследствие недостатка сил, пришлось от плана отказаться. Другой план был составлен в апреле 1824 г. при участии Пестеля, Бестужева-Рюмина, Сергея Муравьева-Апостола, двух Поджио, Давыдова и Швейковского. Было решено—во время смотра войскам III-го корпуса в Белой Церкви арестовать царя и умертвить его. После убий-

ства царя Муравьев-Апостол, Швейковский, Тизенгаузен, вызвав восстание в лагере, должны были идти с войсками на Киев, а оттуда—в Москву. Для связи с «Северным Обществом» в момент этих событий было решено отправить Муравьева-Апостола; Бестужев-Рюмин должен был стать во главе Черниговского полка. Но и этот план пришлось оставить, так как царский смотр в Белой Церкви не состоялся. Однако, мысль о цареубийстве, несмотря на откладывания, никогда не покидала членов «Союза Благоденствия». По свидетельству ротмистра Ивашева, впервые она была принята в весьма торжественной обстановке в 1821 году на собрании, где присутствовали Пестель, Юшневский, Аврамов, Ивашев, князь Барятинский, Вольф, Крюковы—первый и второй, Басаргин. Было постановлено во что бы то ни стало упразднить престол и истребить всех, кто мог бы тому препятствовать. В другом собрании, в том же примерно составе, Пестель требовал утвердить его предложение об установлении республиканского образа правления и об упразднении царствующего дома. В 1822 году князь Барятинский, принимая в общество полковника Фаленберга, взял с него клятву «жертвовать всем и даже покуситься на жизнь императора». В 1823 году младший из братьев Поджио, вступив в Союз, нашел, что всеми южными управами окончательно принято установление республики, но это решение из осторожности не об'является новым членам Союза. В этом же году Поджио видел в Петербурге у князя Барятинского письмо Пестеля к Никите Муравьеву. Пестель пишет, что у них в «Южном Обществе» постановлено полное истребление царствующего дома. На прямой вопрос князя Барятинского Никита Муравьев об'явил, что в намерения «Северного Общества» входит преимущественно подготовка общественного мнения. Но, надо заметить, Никиту Муравьева обвиняли в бездеятельности, и его мнение вряд ли выражает общее настроение «Северного Общества». По крайней мере, по словам Поджио, полковник Митьков стоял за полное истребление императорской фамилии; того же мнения держался князь Валерпан Голицын. Рылеев питал тоже решительные намерения, но желал и воздействия на умы, для чего сочинял «возмутительные песни и катехизис свободного человека». Матвей Муравьев-Апостол стоял за республику и за полное уничтожение царствующего дома. Следственная комиссия отмечает, что впоследствии Матвей Муравьев-Апостол изменил свои мысли и напротив предостерегал своего брата—подполковника Сергея Муравьева-Апостола, доказывая слабость сил у членов Союза. В своем письме от 3-го ноября 1824 года Матвей Муравьев-Апостол пишет, что настроение в гвардейских полках в Петербурге совершенно не соответствует тайным замыслам «Союза Благоденствия». Следственная комиссия, желая дискредитировать декабристов, старается доказать, что члены «Союза Благоденствия» обманывали друг друга, заблуждались иногда, может быть, добросовестно и переоценивали свои

силы. По утверждению следственной комиссии, обман этот состоял в том, что члены «Северного Общества» ссылались на большие силы, которые, якобы, имеются в «Южном Обществе», и наоборот, южные ссылались на петербуржцев, тогда как в действительности, по мнению комиссии, силы эти в том и другом обществе были далеко не велики [1]). Из «обманов» комиссия в качестве примера приводит утверждение ген.-майора князя Сергея Волконского в его сношениях с Пестелем о том, что он, Волконский, якобы, уже подготовил и подговорил все полки IX дивизии, за исключением того только полка, которым командовал его личный недруг полковник Бурцев.

Наиболее выдающуюся роль во всем «Союзе Благоденствия» по мере приближения к решительным событиям играл Пестель. По словам следственной комиссии, он постепенно стал приобретать среди членов «Южного Общества» неограниченное доверие и почти диктаторские полномочия. Пестель пытался овладеть таким же положением и в «Северном Обществе». Но там, по крайней мере на первых порах, это давалось ему с трудом. По словам Никиты Муравьева, в «Северном Обществе» члены пользовались значительно большей свободой, чем в «Южном». Этим и об'ясняется противодействие, встреченное Пестелем среди членов «Северного Общества», когда он сделал попытки теснее соединить деятельность «Северного» и «Южного» обществ. Пестель предлагал слить обе организации «Союза Благоденствия», преобразовав их таким образом, чтобы руководство делами принадлежало исключительно активной части союза, членам Общества — «боярам». В донесении следственной комиссии приводится показание Поджио, которое основано на встрече последнего с Пестелем осенью 1824 года. Из этого разговора, по мнению следственной комиссии, вполне обнаруживается, что Пестель на случай переворота имел в виду овладеть диктаторскими полномочиями. В разговоре с подполковником Поджио Пестель нарочно задал вопрос, кто, по его мнению, в случае государственного переворота должен встать во главе временного правительства. Поджио ответил, что руководство новой правительственной властью несомненно должно принадлежать Пестелю. Последний отговаривался от этого тем соображением, что ему, как носящему нерусскую фамилию, было бы неудобно возглавлять правительство. Но Поджио, якобы, внушал Пестелю, что это не играет никакой роли, так как он в действительности будет поступать подобно Вашингтону, удалясь по исполнении своей политической миссии в среду простых граждан. Пестель не настаивал на своих возражениях по личным поводам. Срок деятельности временного правительства в этом разговоре Пестель устанавливает десятилетний.

---

[1]) Завалишин справедливо отмечает, что комиссия намеренно умаляет эти силы, чтобы успокоить власти предержащие: ведь, выступила-то горсточка, а остальные—«благонамеренные».

Первоначально, по словам донесения, Пестель действовал в целях об'единения с «Северным Обществом» через князя Сергея Волконского, Давыдова и Повало-Швейковского. Они имели поручения от Пестеля условиться о соединении двух важнейших организаций «Союза Благоденствия». В 1824 г. Пестель сам побывал в Петербурге и лично сделал попытки такого соединения. Возвратясь на юг, Пестель сообщил своим единомышленникам, что он достиг успеха в деле соединения обществ. Но члены петербургского общества давали показания следственной комиссии, что речь о таком соединении велась ими с тою целью, чтобы установить за Пестелем наблюдение, так как он заподозревался в диктаторстве. Никита Муравьев показывал комиссии,

Сенатская площадь. На первом плане Конногвардейский манеж.
С литографии из альбома изд. Плюшара, 1826 г.
(Из собр. музея «Стараго Петербурга»)

что на собрании в Петербурге в присутствии Трубецкого, Оболенского, Николая Тургенева, Рылеева, Матвея Муравьева-Апостола Пестель жаловался на бездеятельность «Северного Общества» и на недостаток единства с «Южным Обществом». На этом же собрании, по словам Никиты Муравьева, Пестель развивал ту мысль, что надо истребить всех членов императорской фамилии, заставить Синод и Сенат об'явить «Союз Благоденствия» временным правительством с неограниченной властью, распределив все важнейшие государственные посты и командование главными военными соединениями между членами Союза. Предложения Пестеля встретили решительное противодействие со стороны Никиты Муравьева и других виднейших членов «Северного Общества», в виду чего Пестель согласился, что его предложение необ-

ходимо временно оставить и продолжать всю работу в прежнем виде до 1826 года.

«Южное Общество» в это время развило усиленные связи с двумя тайными обществами, с польским и с тайным «Обществом Соединенных Славян». Последнее было основано в 1823 году артиллерийским подпоручиком Борисовым 2-м. Главная мысль «Общества Соединенных Славян» состояла в том, чтобы об'единить под главенством России на правах полноправных частей федерации все славянские страны и народы. В момент установившейся связи «Общества Соединенных Славян» с «Союзом Благоденствия» у Борисова 2-го было всего 36 человек приверженцев, большей частью молодых офицеров артиллерии и некоторых пехотных полков III-го корпуса. Соединение «Общества Славян» с «Южным Обществом» произошло в Васильковской Управе. Соединенные славяне обязались клятвой, что они вместе с членами «Союза Благоденствия» будут стремиться к совершению государственного переворота и к установлению республиканского строя. Восстание было намечено совершить не позднее августа 1826 года, во время смотра в Белой Церкви.

Одно обстоятельство чуть было не повело к преждевременной вспышке. Было получено известие, что Швейковский лишен командования полком. Это послужило толчком к решению вызвать восстание в III-ьем корпусе (VIII и IX пехотные дивизии, III кавалерийская и артиллерия) и итти на Киев. В Таганрог решено было послать членов Союза, чтобы убить находившегося там Александра I. Однако, ни этот план, ни некоторые другие не были приведены в исполнение. Между тем, самая мысль не покидала руководящих членов «Южного Общества». Пестель утверждал в следственной комиссии, что он находил невозможным приступить к восстанию раньше 1826 года. Однако, многие из допрошенных засвидетельствовали, что именно Пестель добился решения вызвать восстание не позднее 1 января 1825 года, использовав момент вступления Вятского полка (которым в это время Пестель командовал) в караул в Тульчине. Имелось в виду арестовать главнокомандующего II-й армии и начальника штаба, и тем подать сигнал к восстанию. Этого сделать не удалось, так как капитан Майборода донес обо всех этих предположениях, и Пестель был арестован.

В «Северном Обществе» тоже началось оживление с того момента, когда руководство делами перешло от князя Сергея Трубецкого к Рылееву. Рылеев стал действовать совместно с Александром Бестужевым, с которым был связан дружбой, единомыслием, сходством вкусов и занятий, как характеризует донесение следственной комиссии. Большинство новых деятельных членов «Северного Общества» было привлечено именно Рылеевым и Александром Бестужевым. Через последнего были установлены хорошие связи среди моряков.

В течение 1825 года усилились в «Северном Обществе» террористические замыслы, тогда как раньше «Северное Общество» придавало первостепенное значение делу пропаганды и подготовке общественного мнения. Особенно настойчиво предлагал террористические планы вернувшийся из Грузии капитан Якубович. Он питал к Александру I-му, помимо политических своих убеждений, по словам следственной комиссии, чисто личную ненависть, так как был в 1817 году за дуэль по высочайшему повелению сослан на Кавказ. Рылеев, якобы, уговаривал Якубовича отказаться от совершения убийства Александра I, но Якубович согласился всего лишь отсрочить убийство до мая 1826 года. Допрошенный барон Штейнгель говорит, что когда в ноябре 1825 года пришло известие о смерти Александра I, Якубович, будто бы, скрежетал зубами от досады, что ему в свое время помешали убить Александра I. Второй, кто особенно ревностно отдавался идее цареубийства, был Батенков. Следственная комиссия утверждает, что Рылеев сделал из Батенкова орудие своих террористических замыслов. Сам Батенков в показаниях следственной комиссии утверждает, что он первоначально, вступая в Общество, не питал каких-нибудь определенных замыслов и лишь впоследствии настроился в пользу совершения террористических актов. Как бы то ни было в действительности, но ни Якубович, ни Батенков не привели в исполнение своих замыслов и не сыграли сколько-нибудь значительной роли в истории «Союза Благоденствия». Выступление было намечено по возвращении Александра I из Таганрога. До самого конца, вплоть до самого выступления 14-го декабря, Рылеев, по его словам, стоял на своей прежней точке зрения—необходимости конституционной монархии; это было и общей позицией «Северного Общества». Но идея террора и цареубийства вполне разделялась «Северным Обществом» так же, как и «Южным». Мнения расходились разве в том, что достаточно ограничиться убийством царя, а остальных членов царствующего дома можно заключить в Шлиссельбургской крепости и только в крайнем случае, в случае какой-нибудь прямой опасности, убить.

Работа среди моряков.

О работе среди моряков донесение следственной комиссии говорит следующее.

«В том числе вступили в Общество в разные времена некоторые из преступных участников в беспорядках 14-го минувшего декабря: Николай, Михайло [1]), Петр Бестужев, Сутгоф, Панов, Кожевников, Князь Одоевский, Князь Щепин-Ростовский, Вильгельм Кюхельбекер, Торсон и Арбузов, служивший в Гвардейском

[1]) Михаил Бестужев до 1825 года был флотским офицером. Незадолго до восстания он перевелся из флота в армию, в лейб.-гв. Московский полк.

Морском экипаже. Через него Рылеев действовал на круг молодых офицеров сего экипажа, кои не были членами ни «Северного», ни «Южного Общества», и не составляли ничего особенного, а только любили собираться, чтобы в нескромных разговорах осуждать правительство, хвалить конституцию Американских Штатов, мечтать о введении нового республиканского порядка в России. На этих, впрочем весьма малочисленных, собраниях вместе с Арбузовым первенствовал Завалишин, также молодой флотский офицер, недавно возвратившийся из отдаленного морского путешествия: он уверял товарищей, что принадлежит к таинственному «Вселенскому Ордену Восстановления», который будто-бы имеет членами важнейших людей в разных государствах, стремится к преобразованию всех правительств в Европе и Америке; прибавлял, Статуты всего ордена (описанные, по словам читавшего их Рылеева, двусмысленно, в духе, который можно назвать и монархическим и республиканским) он доводил до сведения покойного императора Александра, прося его согласия на подобное установление в России; несмотря на это, он находил (так показывает мичман Беляев I-й), что государь и августейший его дом будут всегда препятствием в успехе замышляемых им перемен, и сначала полагал вывезти их за границу; потом он и особливо Арбузов стали говорить, что лучше всех истребить. Слыша о сих предположениях, другие сперва ужасались; но после, мало-по-малу привыкая, становились равнодушнее. Таким образом их готовили в орудия «Тайного Общества», почти им неизвестного, ибо Арбузов, по крайней мере, неясно об оном рассказывал». Вот еще несколько сведений о моряках из того же источника и из мемуаров Завалишина.

Завалишин.

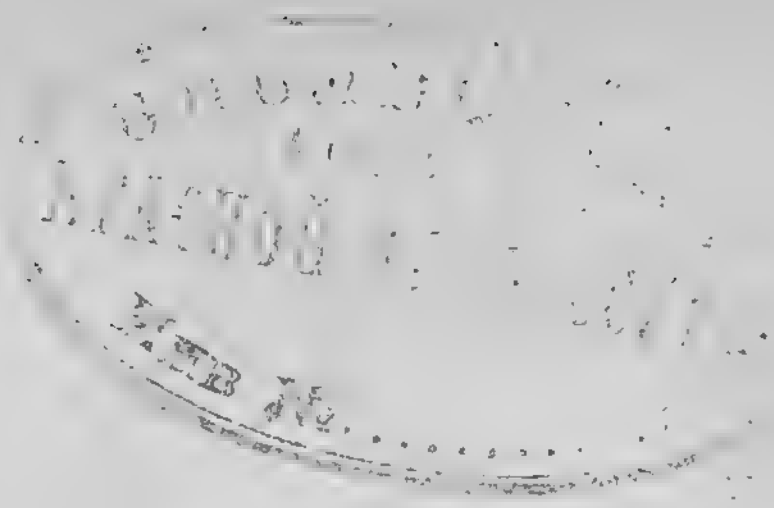
«Один (Дивов) даже старался превзойти Арбузова и Завалишина в из'явлениях кровожадности: он сам признается в сем безумии». Завалишин однако утверждает в отношении себя, что «большая часть поступков его и слов были, по крайней мере вначале не что иное, как благонамеренная хитрость; что он еще в малолетстве, читая Священное Писание, имел таинственные откровения, назначавшие его для восстановления истины, и что он тогда же вздумал учредить «Орден Восстановления».

«Сперва, — говорит он, — я полагал целью одно торжество истины Веры: после, быв в Англии и Калифорнии, присоединил к сему и виды политические; хотел и произвести в Испании контр-революцию без войны, хотя также будто бы для основания Республиканских Правительств вне Европы, стараться вывезти из сей части света тех людей беспокойного ума, которые желают перемен и смятений. Написанные мною Статуты Ордена, на подобие Мальтийских, я представлял императору Александру; он похвалил мое усердие, но не принял плана, что крайне меня огорчило. Вскоре затем, имея несчастие войти в связи с сим коварным злодеем Рылеевым, я узнал, что есть Тайное Общество, враждебное правительству, и решился было донести о том, но государь был в Варшаве, а я, по глубокой гордости, хотел все открыть ему без посредников. Между тем, старался изведать более о Тайном Обществе через других, и для сего дозволял себе несогласные с моими чувствами и видами слова, обратившиеся ныне к моей гибели. Я говорил, что Орден Восстановления существует, показывал Статуты не те, которые представлял покойному государю, а другие и в другом духе, мною же нарочно для того сочиненные. Но, обманывая других, сам сделался жертвой обмана; мой собственный образ мыслей начинал изменяться; сердце тускнело, я не замечал в нем пятен: наконец, стал уверять себя и поверил, что намерения Рылеева могли быть чистые, что во всяком случае позорно быть доносителем». На него, уже после сего об'яснения, показали Арбузов, Беляев 1-й и Дивов, что он им читал «с жаром и восторгом стихи, будто им написанные и наполненные гнуснейшими клеветами на покойного императора Александра». Завалишин признался, что «читал им сии стихи», утверждая, что «не он автор оных» и не знает, кем они сочинены, он прибавляет, что «в распалении страстей, коим ознаменовано время его преступного заблуждения, он был готов говорить все ужасное чужое и свое».

О работе среди офицеров Гвардейского экипажа и матросов в «Записках декабриста» Завалишина имеется утверждение, что лучше всего была поставлена работа именно в Гвардейском экипаже. Это Завалишин усматривает из того, что только Гвардейский экипаж выступил целиком и единодушно. Работа в экипаже была поставлена, по словам Завалишина, настолько организованно и конспиративно, что если бы не честолюбие и несдержанность лейтенанта Арбузова, жертв среди моряков было бы меньше. Завалишин считает своей большой заслугой, что показания он давал настолько осторожно, что его слова не могли послужить основанием для привлечения кого бы то ни было нового по делу декабристов... Работа среди моряков Гвардейского экипажа и связи с ними поддерживались исключительно через него одного—Завалишина. Это было необходимо в целях наибольшей конспирации, и во время выступления имело бы самые выгодные стороны. К сожалению, думает Завалишин, кон-

спирация была нарушена, вследствие честолюбия лейтенанта Арбузова, которому хотелось играть выдающуюся роль. Арбузов «стал увиваться около Рылеева», не подозревая какая может возникнуть опасность, если установится непосредственная связь между руководящим центром, Рылеевым и Гвардейским экипажем. Завалишин предупредил Арбузова об этой опасности, но было уже поздно, Рылеев стал действовать в Гвардейском экипаже через Николая Бестужева, в экипаже не служившего, и этим осторожность была нарушена.

К сожалению, в сохранившихся мемуарах ничего не говорится, в чем именно состояла активность во время подпольной работы в экипаже самих матросов. Неизвестно также, в каком духе велась пропаганда. Из мемуаров Завалишина и Александра Беляева видно, что идеология у них была довольно расплывчатая. Завалишин—мистик и моралист в духе масонов, Беляев—моралист того направления, которое в конце XIX в. окрестили толстовством. Дивов увлекался идеей цареубийства и терроризма. Надо быть уверенным, что в общем моряки-декабристы в пропагандистской работе проводили общие всем декабристам идеи восстания, государственного переворота и установления временного правительства. Что касается агитации вообще среди солдат на почве недовольства начальством и тяготами военной службы, то, например, Рылеев подобный факт в своих показаниях отрицает. «На счет внушения нижним чинам и особенно унтер-офицерам негодования противу взыскательности начальства мер никаких не было принято. По крайней мере, мне ничего о том неизвестно» (см. сборн. проф. А. К. Бороздина).



Накануне выступления.

Толчком к восстанию послужило прибывшее из Таганрога известие (27 ноября оно было получено одновременно в Петербурге и на юге). По словам следственного донесения, при этом случае было решено использовать неясность, существовавшую в отношении вопроса о престолонаследии. Было решено, по словам донесения, «обмануть часть войск и народ, уверив, что великий князь Константин Павлович не отказался от престола». В «Северном Обществе», по словам Рылеева, было решено назначить полновластным диктатором князя Трубецкого. По вопросу о диктаторстве показания Рылеева и Трубецкого различны. Тот и другой взаимно приписывают друг другу инициативу в действиях. Перед восстанием в «Северном Обществе» были приняты следующие важнейшие решения:

1) «Приостановив действие самодержавия, назначить временное правительство, которое учредило бы в губерниях камеры для избрания депутатов».

2) «Стараться, чтобы были установлены две палаты, из коих в верхней члены были бы определяемы на всю жизнь».

3) «Употребить на сие войска, кои не согласятся присягать вашему величеству, не допуская их до беспорядков и стремясь только к умножению числа их» (стр. 63 донесения следственной комиссии, изданного в 1826 году).

Для местного законодательства было решено учредить провинциальные палаты, военные поселения превратить в народную стражу [1]). Следственная комиссия изображает дело так, как будто между важнейшими членами «Северного Общества» не существовало никакой сговоренности; например, Батенков надеялся, что он будет членом временного правительства, хотя такой надежды ему никто из членов Общества не подавал. Вообще донесение думает, что не только Батенков «предавался мечтам неограниченного честолюбия», но и многие другие. Нисколько не удивительно, что комиссия, составленная из ограниченных честолюбцев, приписывала личную заинтересованность членам общества.

---

[1]) Национальная гвардия, народная милиция.

Решительные действия были обсуждены 12-го и 13-го декабря. Сборным пунктом была квартира Рылеева. 12-го декабря у Рылеева собрались для обсуждения плана действий: князь Трубецкой, Николай, Александр и Михаил Бестужевы, князь Оболенский, Каховский, Арбузов, Репин, граф Коновницын, князь Одоевский, Сутгоф, Иван Пущин, Батенков, Якубович, князь Щепин-Ростовский. Николай Бестужев и Арбузов отвечали за Гвардейский экипаж; Михаил Бестужев 3-й, Московского полка, отвечал за свою роту, хотя и не очень решительно; Репин первоначально поручился за часть лейб-гвардии Финляндского полка, а потом поручился всего лишь за нескольких офицеров полка.

В этом месте следственная комиссия возвышается даже до живописности изображения. Александр Бестужев и Каховский изображены комиссией, как пламенные террористы, «готовые на ужаснейшие злодейства». Каховский, якобы, кричал: «Тут просто надобно резать, да и только». Князь Одоевский только твердил в жалком восторге: «Умрем. Ах, как славно мы умрем!» Намечен был для совершения убийства Николая I Каховский. В этом отношении в показаниях также существует разногласие. Рылеев и князь Оболенский говорили, что они старались отклонить Каховского от цареубийства. Напротив, Каховский утверждал, что Рылеев уговаривал его совершить убийство: он был именно Рылеевым намечен в качестве цареубийцы. Вечером 13-го декабря также состоялось собрание.

Н. Бестужев.

Много говорил на этом собрании князь Щепин-Ростовский, «удивляя сообщников своим пустым многоречием»; по полицейскому остроумию следственной комиссии. Корнилович заявлял, что на юге во II-й армии готово к восстанию 100.000 человек. Несмотря на принятые окончательные решения, по словам донесения, в самую последнюю минуту еще будто бы продолжалась разноголосица. Например, на слова Александра Бестужева, что выступление «Союза Благоденствия» составит страничку в истории, Пущин младший (из Конно-пионерного полка), якобы, сказал: «эта страничка замарает историю, и нас покроет стыдом». Барон Штейнгель, якобы, удостоверил более прежнего ничтожность сил «Тайного Общества» и, как отец семейства, спрашивал Рылеева: «Неужели вы думаете действовать?» Князь Трубецкой, по словам донесения, в самую последнюю минуту из'являл признаки колебания и боязни.

Среди шума и восклицаний возвращались к прежним предложениям: истребить всю царствующую фамилию и прежде всего, в качестве безусловной необходимости, убить Николая I. Князь Трубецкой, по показанию барона Штейнгеля, предлагал оставить в живых малолетнего князя Александра Николаевича, провозгласив его императором. Якубович предлагал бросить жребий, кому достанется убить царя. Среди многочисленных разговоров лейтенант Арбузов доказывал, что нет ничего проще, как убить императора, когда он будет выходить из дворца. По показанию Рылеева, Арбузов брался овладеть Зимним дворцом [1]). Были все-таки предложения ограничиться арестом царя и царствующего дома.

Выступление было постановлено произвести 14-го декабря, так как всем было известно, со слов обер-прокурора Сената Краснокутского, члена «Южного Общества», что на семь часов утра 14-го декабря назначено принесение присяги.

О принятых решениях было сообщено рядовым членам Общества через активных членов. Среди солдат надо было распространять сомнение в подлинности отречения Константина Павловича. По словам «донесения», в качестве сборного места была назначена Сенатская площадь. Восставшие войска должны были построиться на Сенатской площади, где и ждать решений правительства. Князю Трубецкому поручалось действовать по обстоятельствам, имея главной целью понудить царя через Сенат к отречению от престола и к созыву народных представителей. Депутатам решено было пред'явить проект конституции, составленный Никитой Муравьевым. До с'езда народного представительства Сенат должен был учредить временное правительство, в состав которого должен был войти член «Союза Благоденствия». На должность корпусного и дивизионного командиров гвардии, по предположениям декабристов, должен был быть назначен известный им человек. Князем Трубецким был составлен проект манифеста [2]), в котором от имени Сената об'являлось об уничтожении прежнего правительства и об учреждении нового временного правительства, которое должно было действовать впредь до созыва народных представителей. Из письма Ивана Пущина к члену Общества титулярному советнику Семенову можно заключить, по мнению комиссии, что декабристы рассчитывали иметь в своих рядах в момент выступления 60 членов «Северного Общества» и 1.500 солдат. Судя по некоторым захваченным письмам, Трубецкой рассчитывал получить поддержку в Москве через бывшего члена «Союза Благоденствия» ген.-майора Орлова.

Колебания, по словам донесения, не прекращались до последней минуты. Особенно колебался князь Трубецкой, которому

---

[1]) См. об этом показания Рылеева в сб. проф. Бороздина «14 декабря и показания декабристов».

[2]) Другие проекты манифеста были составлены бароном Штейнгелем и Николаем Бестужевым (см. показания Рылеева в сб. проф. Бороздина).

было решено доверить главное руководство выступлением. Буквально за несколько дней до восстания выдвинулся полковник Булатов, человек совершенно невежественный, не имевший решительно никаких политических идей, но любимый в Лейб-Гренадерском полку, где он когда-то служил. Среди солдат Лейб-Гренадерского полка решено было действовать через Булатова, к которому солдаты питали доверие.

Вот в таком виде изображает следственная комиссия организацию, идеологию и план действий «Союза Благоденствия» накануне восстания. Самое выступление описано в донесении следственной комиссии довольно бегло. Поэтому мы дадим это описание также и по некоторым другим источникам, обратив особенное внимание в описании этого события на все то, что относится непосредственно к выступлению интересующих нас моряков-декабристов.

Что касается вооруженного восстания в «Южном Обществе», то оно произошло в конце декабря 1825 года и состояло, в нескольких словах, в следующем.

Сергей Муравьев-Апостол со II-й и V-й ротой Черниговского полка пошел 30-го декабря на Васильков. В 8-ми верстах от города он узнал, что там стоит рота с майором Трухиным. Муравьев приказал приготовиться к бою. Майор Трухин тоже отдал приказание своей роте, но солдаты отказались подчиниться. Васильков был беспрепятственно занят восставшими солдатами. Из Василькова Муравьев-Апостол двинулся к Бруснлову, откуда в один переход мог поспеть и в Киев и в Житомир. В поход выступили 31-го декабря. Полковой священник отпел молебен и прочел составленный Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым «Катехизис». На пути к Брусилову, в деревне Мотовиловке встретили первую гренадерскую и первую мушкетерскую роты. Часть мушкетеров присоединилась к восставшим. 2-го января выступили в поход на Белую Церковь; потом изменили движение на Трилесье. Между деревнями Устимовкой и Королевкой встретились с высланным против них отрядом гусар. После происшедшего небольшого боя, восставшие понесли поражение, сами арестовали Сергея Муравьева-Апостола, сдав его командиру эскадрона Гусарского Мариупольского полка. Арестованы также были Матвей Муравьев-Апостол и все другие участвовавшие в деле офицеры. Убиты Ипполит Муравьев-Апостол, бежал поручик Сухинин. Офицер Кузьмин, будучи арестован вместе с братьями Муравьевыми, застрелился на их глазах.

14-ое декабря.

О четырнадцатом декабря сохранилось довольно много известий. Большинство их в изложении главнейших фактов полностью сходится. Но освещение их, понятно, вполне различно, в зависимости от того, кто описывает: враг, друг или безразличный. Полезно познакомиться с интересующим нас событием по данным из нескольких источников, так как уже разница в освещении сама по себе может дать новые, достоверные сведения. Кроме того, в частностях различные источники дополняют друг друга.

В казармах.

События 14-го декабря донесение следственной комиссии изображает, примерно, в следующем виде.

В Московском полку. В Московском полку возбуждали солдат князь Щепин-Ростовский, штабс-капитан Михаил Бестужев, Александр Бестужев и офицеры того же полка Броке и Волков. Офицеры ходили по 6-й, 5-й, 3-й, и 2-й ротам и уговаривали не присягать Николаю I. Александр Бестужев и князь Щепин-Ростовский приказали солдатам взять боевые патроны, зарядить ружья. На приказ ад'ютанта полка Веригина всем офицерам собраться у полкового командира Щепин ответил отказом. Он бросился с саблей на командира полка ген.-майора Фридрихса; последнему угрожал также револьвером штабс-капитан Александр Бестужев. Щепин ранил генерала Фридрихса в голову, а потом кинулся на бригадного командира ген.-майора Шеншина, тяжело ранил его и еще долго «рубил его лежачего» (по утверждению следственной комиссии) [1]). Тот же князь Щепин-Ростовский нанес несколько сабельных ударов полковнику Хвощинскому, гренадеру Красновскому, унтер-офицеру Мосееву. Потом он повел восставшие роты на Сенатскую площадь.

В Гренадерском полку. Приблизительно так же было поднято восстание в лейб-гвардии Гренадерском полку. Когда рядовых вывели для присяги, к ним подошел подпоручик Кожевников и уговаривал не приносить присяги императору Николаю I. После того к солдатам подошел поручик

---

[1]) Из приводимых дальше сведений Мих. Бестужева видно, что борьба возгорелась из-за знамени полка.

Сутгоф и призвал идти на Сенатскую площадь (иначе она называлась «Петровскэй»). По команде поручика Сутгофа солдаты зарядили ружья и, несмотря на увещания полкового командира Стюрлера, пошли за Сутгофом на Сенатскую площадь. По дороге возбуждал солдат поручик Панов. Когда по приказанию полковника Стюрлера несколько рот хотели выступить против восставших и открыть огонь, поручик Панов кинулся в их ряды и с криком «ура» увлек несколько рот Лейб-Гренадерского полка на Сенатскую площадь. Проходя мимо Зимнего дворца, поручик Панов с частью лейб-гренадеров вошли во двор Зимнего дворца. Но увидя там войска, оставшиеся верными правительству, вышел со своими солдатами со двора и привел их на Сенатскую площадь. Таким образом, на площади собрались лейб-гвардии Московский и Гренадерский полки во главе с князем Щепиным-Ростовским и Пановым. К ним скоро присоединились, как сказано в донесении, «несколько человек во фраках с кинжалами, пистолетами и саблями» (стр. 79).

В Гвардейском экипаже.

О выступлении Гвардейского экипажа приводим дословную выписку из следственного донесения:

«В казармы Гвардейского Морского экипажа послан был Рылеевым для начатия первых действий лейтенант Арбузов, который уже и 12-го декабря старался в своей роте через фельдфебеля Боброва и унтер-офицера Аркадьева распустить слухи, что будто скоро потребуется от войск незаконная присяга, что за четыре станции от Нарвы государь - цесаревич стоит с 1-й армией и польским корпусом для истребления тех, которые присягнут вашему величеству, что прочие полки гвардии непременно откажутся; но Бобров и Аркадьев не исполняли его приказаний и говорили, что рядовые не верят. 13-е декабря он прямо от Рылеева приехал к мичманам братьям Беляевым; тут, кроме того, нашел двух Бодиско, Дивова и подпоручика Измайловского полка Гудимова. «Господа, — говорил он, — зная ваш образ мыслей, кажется могу вам сказать все откровенно. Завтра будут нас звать к присяге: откажитесь и приготовьте к тому свои роты. Мы выведем их на Петровскую площадь, где соберутся другие полки, и принудим Сенат утвердить давно уже сочиненный проект конституции, чтобы ограничить власть императора». Обратясь к лейтенанту Бодиско 1-му, он прибавил: «Надеюсь, что и вы будете».—«Нет,—ответил Бодиско,—я с моею ротою не буду. Могу ли действовать, не зная вашего плана и сообщников? Вам другое дело: вы бываете с теми, которые составили заговор, и, может быть, даже уверены в хорошем окончании». Арбузов силился доказать, что нет сомнения в успехе, уверял, что и сам не знает всего, повторял: «приходите», и, однако же, оставил их, не получив желанного ответа. Но тогда именно сии молодые офицеры, за исключением Гудимова, который уехал прежде, вдруг решились содействовать за-

мышленной революции, идти утром в свои роты и возбудить в рядовых сомнение на счет истины отречения его императорского высочества цесаревича. Ночью, около 12-ти часов, приезжали к Арбузову Якубович и Александр Бестужев. Якубович, познакомясь с Беляевым, говорил им: «Не сомневаюсь в вашей храбрости, но вы еще не бывали под пулями; вся гвардия за нас». 14-е декабря по утру сии офицеры и еще некоторые [1]) явились перед матросами. Бодиско 1-й им сказал: «Присягайте, или нет: я не могу ни приказывать, ни советовать; слушайтесь своей совести» [2]). К ним пришли Николай Бестужев и Каховский; первый предлагал, откинув самолюбие, взять в начальники Арбузова: ему можно поверить; мы здесь все за общим делом. Каховский восклицал: «Лучше умереть, нежели не участвовать в этом», и спрашивал, не надобен ли кому-нибудь кинжал? Арбузов звал на Сенатскую площадь. Бодиско отвечал ему: «Я пойду не иначе, как со всем экипажем».—«Вы либералы лишь на словах»,—вскричал Арбузов. Когда приехал бригадный начальник генерал-майор Шипов, то матросы, уже вовлеченные в обман своими офицерами, не согласились присягать; он арестовал ротных командиров, но Николай Бестужев уговорил Беляевых, Бодиско, Дивова, Шпейера освободить их. В сию минуту раздался голос: «Ребята, слышите ли стрельбу? Ваших бьют!» и экипаж побежал со двора, несмотря на усилия капитана 1-го ранга Качалова, который хотел матросов удержать в воротах [3]). За всеми пошли и другие офицеры, дотоле не участвовавшие в беспорядках [4]). На дороге у Конно-Гвардейского манежа им встретился Финляндского полка поручик Цебриков; он кричал: «В каре против кавалерии».

На Сенатской площади.

Самые происшествия, имевшие место на Сенатской площади, в донесении следственной комиссии не описаны подробно. Из отдельных сведений приведены такие.

Каховский стрелял из пистолета и смертельно ранил графа Милорадовича, Петербургского военного генерал-губернатора,

---

[1]) Вишневский, Мусин-Пушкин, Шпейер, Окулов, Кюхельбекер.

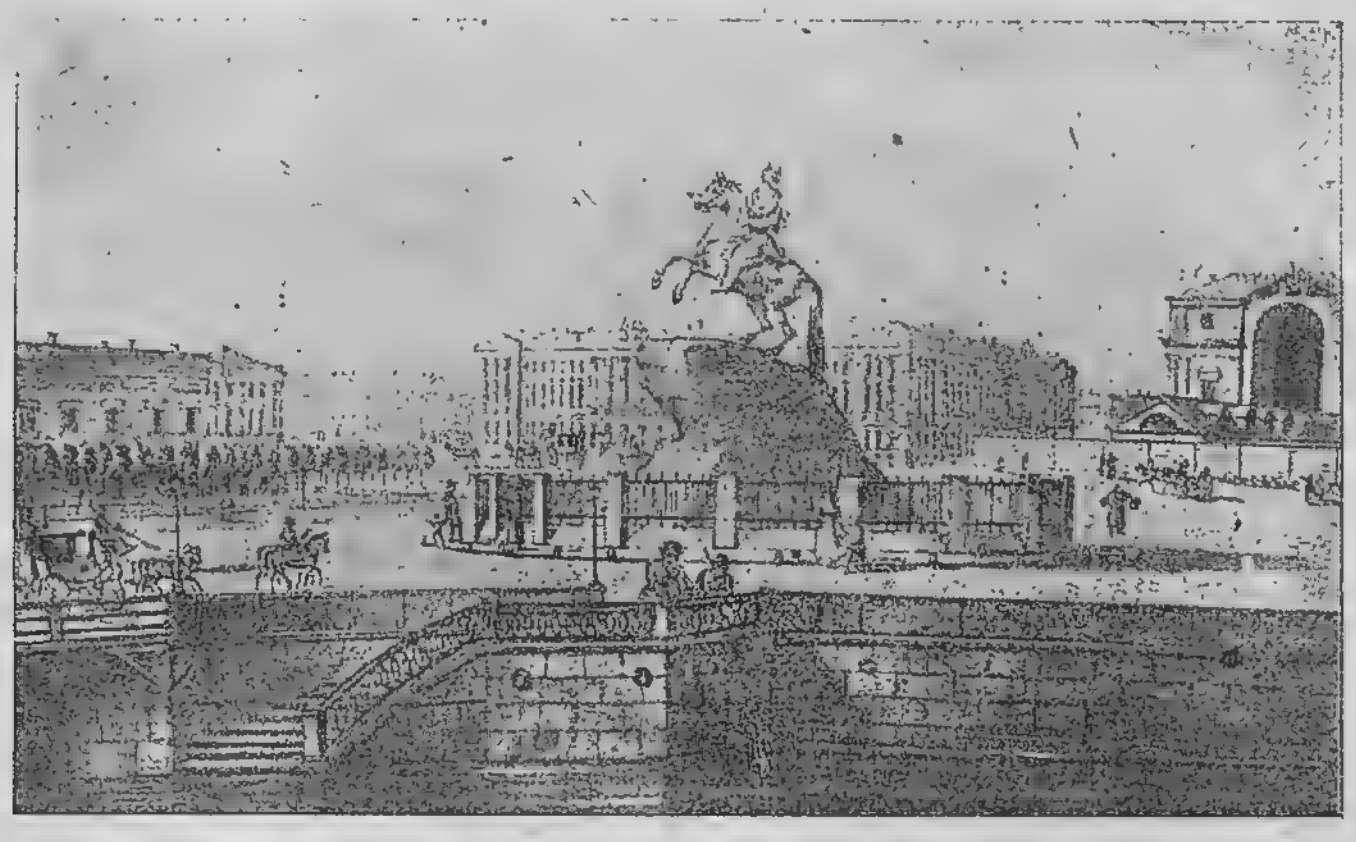
[2]) Так же говорили Вишневский и Кюхельбекер.

[3]) Так показывает Дивов; прочие не помнят, что решило движение экипажа. Относительно Дивова надо заметить, что он давал наиболее пространные сведения о моряках-декабристах, рисовал наиболее полную картину подготовительной революционной работы среди моряков. Очевидно, это даже дало повод подозревать, что «предавал, доносил». Но против этого говорит уже один тот факт, что Дивов был приговорен к смертной казни, замененной ему пожизненной каторгой. А самодержавие умело «миловать» предателей. Вернее всего об'яснить «словоохотливость» Дивова его крайне юным возрастом: ему было всего 16 лет.

Дальше на стр. 105—109 мы приводим характеристики, сделанные членом следственной комиссии ген.-ад'ютантом Потаповым, по показаниям Дивова.

[4]) Лейтенанты Цебриков и Лермантов.

когда он явился уговаривать восставших солдат. Князь Евгений Оболенский нанес Милорадовичу удар штыком. Каховский, по словам князя Одоевского и по собственному признанию, убил также командира Гренадерского полка полковника Стюрлера; он же ранил свитского офицера штабс-капитана Гастефера. Князь Щепин-Ростовский первый дал приказание солдатам открыть огонь, при чем было ранено несколько рядовых и полковник Веллио. Вильгельм Кюхельбекер хотел стрелять в великого князя Михаила Павловича, но был удержан матросами Гвардейского экипажа (см. об этом дальше).



Сенатская площадь. На заднем плане справа недостроенный Исаакиевский собор. За памятником дом Лобанова-Ростовского.

С литографии из альбома Плюшара 1826 г.

(Из собр. музея «Стараго Петербурга»).

Этими сведениями ограничивает донесение следственной комиссии описание самого происшествия 14-го декабря. С жандармским красноречием комиссия умозаключает:

«Сии происшествия известны вашему величеству и России. Она с прискорбием и омерзением узнала о покушении людей, умышлявших обесславить имя русское, и видит с восторгом благодарности, что преступные ковы и надежды их разрушены в одно благословенное небом мгновение. Принятые меры осторожности вскоре остановили все действия бунтовавших: в их рядах уже господствовало безначалие, коего ужасами они угрожали отечеству; яростнейшие продолжали отличаться убийствами» (стр. 79). В этом же месте комиссия восхваляет «пример царственных доблестей, наследственных всему августейшему дому, который был предметом безумной злобы мятежников».

Следственная комиссия старается подчеркнуть, что руководители, главные организаторы и вдохновители восстания декабристов не явились на Сенатскую площадь. Вообще комиссия желает их дискредитировать, показать их трусость, пытаясь об'яснить все дело подготовки восстания такими причинами, как подражание революционным примерам за границей, личная заинтересованность, «злоба и буйство умов». В своем усердии комиссия доказывает даже трусость главных руководителей. Явились из главных руководителей только Якубович и полковник Булатов. Но оба они, хотя и были на Сенатской площади, не проявили никакого руководства восставшими. В уста Булатова комиссия вкладывает нелепое восклицание: «Может быть, увидят, что есть и в России Бруты и Риеги»,—крикнул Булатов, заряжая пистолеты, при отправлении своем на Сенатскую площадь. При этом донесение с ехидством добавляет, что Булатов, по его собственному признанию, знал этих «Брутов и Риегов» только по именам.

Диктатор князь Трубецкой вовсе не явился. В часы восстания он находился в доме свояка своего—австрийского посланника, откуда был истребован министром иностранных дел графом Нессельроде по приказанию Николая I. Рылеев, видя, что на площади нет князя Трубецкого, поехал его искать. Так же поступал Батенков, который раньше готов был приписать себе важнейшую роль. Он искал Александра Бестужева и Рылеева. Последний сказал ему, что офицеры одной батареи Гвардейской артиллерии, возмутясь, ездят с орудием по городу. Это известие будто бы так поразило Батенкова, что он совершенно забыл о всяких планах преобразования государства и только от души желал, чтобы взбунтовавшиеся офицеры были переловлены. Когда тишина и порядок были восстановлены, он заехал к Рылееву и, не входя, заглядывая в комнату, спрашивал: «Ну, что?» На это Иван Пущин, бежавший в квартиру Рылеева с Сенатской площади, сказал: «Да вы, подполковник, вы-то что?» Увидев его и барона Штейнгеля, Батенков скрылся. Он прятался около двух недель, надеясь укрыться от подозрений и преследований правительства. Батенков будто бы потом уверял комиссию, что ему ничего не было известно о намерениях восставших. Полковник Булатов описан в донесении комиссии просто, как сумасшедший. Он будто бы раскаивался до такой степени, что даже умирая в состоянии безумия, все продолжал раскаиваться и никак не мог успокоиться по поводу того, что, правда, без всяких серьезных намерений, присоединился к восставшим.

Имеется еще довольно подробное описание происшествий 14-го декабря в деле II-й армии (опись 183, связка 29, № 7/133).

Военная реляция усмирителей.

В деле излагается донесение начальника штаба Гвардейского корпуса на имя императора Николая I. В этом донесении довольно подробно описано происшествие 14-го декабря 1825 г. Передаем это донесение, по возможности придерживаясь даже тогдашнего казенно-полицейского стиля.

Несколько рот лейб-гвардии Московского полка, завлеченные буйством своих капитанов, изранили бригадного генерала Шеншина, командира полка генерал-майора Фредерикса [1]) и направились на Исаакиевскую площадь. По дороге они силою увлекали встречных офицеров. Как только это стало известно, Николай I отдал самолично распоряжение — лейб-гвардии Семеновскому полку немедленно «унять» взбунтовавшихся, лейб-гвардии Конному полку стоять в полной боевой готовности.

Сам Николай I сошел в главную гауптвахту Зимнего дворца. В карауле стояли от лейб-гвардии Финляндского полка. Караулу было отдано приказание зарядить ружья и занять главные ворота. В это время поступили добавочные сведения: 5-ая и 6-ая рота Московского полка вышли на площадь против Сената; к ним примкнула большая толпа разных людей в самом «буйственном виде». При поступлении этих сведений был немедленно вызван на Дворцовую площадь I-й батальон Преображенского полка, исполнивший приказ «в неимоверной скорости». Прибыл генерал-губернатор граф Милорадович. Он сообщил, что кричат в толпе восставших: «Ура Константину». Но Милорадович добавил, что он считает это восклицание единственно предлогом к тому, чтобы начать «самые буйственные» действия. Милорадович считал, что необходимо предпринять немедленно решительные меры.

После этого были сделаны следующие распоряжения. Было приказано прибыть трем ротам Павловского полка и батальону гвардейских саперов. Занять Зимний караулами было приказано 3-ему батальону Преображенского. Прибыл Кавалергардский полк. Николай I во главе 1-го батальона Преображенского полка пошел навстречу бунтующим, чтобы преградить им доступ к Зимнему дворцу, где в это время находились императрицы и вся царствующая фамилия. Когда преображенцы подошли к дому княгини Лобановой-Ростовской (здание военного министерства), раздались выстрелы. При этом было донесено, что бунтующие смертельно ранили графа Милорадовича. Подошел лейб-гвардии Конный полк, за ним 3 роты Павловского полка. Вскоре великий князь Михаил Павлович привел батальон лейб-гвардии Московского полка. Началось увещание: от имени императора были сделаны предупреждения и было обещано

---

[1]) Как уже сказано выше, это было сделано князем Щепиным-Ростовским.

прощение, если бунтующие немедленно положат оружие; увещевал их и митрополит. Но ни уговоры, ни угрозы нисколько не помогли. Как раз в это время присоединились к бунтующим роты лейб-гвардии Гренадерского полка с 3-мя офицерами и со знаменами. Началась стрельба из среды «шайки». «Чернь», подкупаемая деньгами и подносимым вином, начала приставать к «бунтующим»,—инсинуирует донесение.

Тогда было приказано: Преображенскому полку занять площадь, оборотясь спиной к зданию Адмиралтейства, Семеновскому полку—улицу, ведущую к манежу, и переулок от Галерной улицы к продовольственным магазинам, Измайловскому и Егерскому полкам—стать в резервы, батальону Финляндского полка—занять Исаакиевский мост, 1-ой артиллерийской бригаде—быть в готовности. Три роты Павловского полка заняли Галерную улицу.

После этого лейб-гвардии Конному и Кавалергардскому полкам было приказано попытаться сбить бунтующих кавалерийской атакой, весьма трудной в виду чрезвычайно тесного места и выгодного положения «мятежной шайки», усиленной батальоном Гвардейского экипажа [1]). Мятежники не смутились после атаки, стояли твердо, продолжая «буйство». Тогда было отдано приказание зарядить картечью четыре орудия. Еще раз было предложено положить оружие. На это последовал отказ. Тогда был произведен залп. После второго залпа восставшие рассыпались, обратясь в паническое бегство. Преследовать бегущих было поручено Кавалергардскому и Конному полкам. Восставшие бежали на Васильевский остров по Английской набережной и по Галерной улице. Во время преследования было захвачено 500 человек. Прочие рассыпались по частным домам и бежали по льду на Неве.

На ночь войска петербургского гарнизона были оставлены под ружьем, чтобы восставшие, соединясь, не возобновили своих попыток. Дворцовая площадь была занята следующими частями: Преображенским полком, Саперным батальоном и 2-й ротой 1-го батальона Егерского полка, при 10-ти орудиях и 3-х эскадронах Кавалергардского полка. На Большой Миллионной, у моста на Мойке, была поставлена рота Егерского полка при 2-х орудиях; другая рота, при 4-х орудиях—у Эрмитажного театра. 1-й батальон Измайловского полка и эскадрон кавалергардов при 4-х орудиях был поставлен на углу Зимнего дворца против Адмиралтейства. Второй батальон Егерского полка занял Адмиралтейскую площадь. На Исаакиевской площади под командой генерал-ад'ютанта князя Васильчикова были поставлены следующие части: батальон Семеновского, батальон Московского, батальон Измайловского полка и четыре конных орудия,

---

[1]) В мемуарах говорится, что полки произвели атаку крайне неохотно и вяло: много было «своих» и сочувствующих.

четыре эскадрона Конного полка. На Васильевском острове под командой генерал-ад'ютанта графа Бенкендорфа стояли: 2-й эскадрон Конного полка, Конно-пионерный дивизион и батальон лейб-гвардии Финляндского полка, четыре орудия Конной артиллерии. Раз'езды по городу были поручены частям лейб-гвардии Казачьего полка. Раз'ездами было забрано еще 150 человек. Что касается зачинщиков, то частью они были захвачены, частью явились сами.

Большая часть Гвардейского экипажа явилась в свои казармы добровольно. Среди матросов усиленно раз'яснял и уговаривал великий князь Михаил Павлович. Матросы Гвардейского экипажа, по излагаемому донесению, находились в страхе и жестоко раскаивались во всех совершенных действиях. Такое же раскаяние проявили солдаты лейб-гвардии Гренадерского полка.

Донесение с удовольствием отмечает, что на ряду с буйственными поступками, оскорбившими честь мундира, были обнаружены доблестные случаи непоколебимой верности присяге. Приводится несколько таких примеров. 14-го декабря караулы в Сенате занимали части лейб-гвардии Финляндского полка [1]). Как ни уговаривали их стоявшие на площади бунтовщики, финляндцы остались непоколебимо верны присяге. Другой пример: унтер-офицерский караул Павловского полка, стоявший в казармах Московского полка, тоже не поддался увещеваниям примкнуть к восстанию.

На другой день после восстания в Петербурге был восстановлен полный «порядок». Николай I об'езжал войска и благодарил за усердную службу. Донесение с удовлетворением отмечает, что не пришлось пустить в ход все наличные воинские силы из тех частей, которые в день 14-го декабря были расположены поблизости от Петербурга. Был только введен для раз'ездов лейб-Драгунский полк; кроме того, были поставлены невдалеке от города два эскадрона Гусарского и Уланского полка.

Гвардейскому экипажу Николай I, в виду наступившего всеобщего успокоения, разрешил «предстать пред себя». Николай I простил экипаж, вернул ему знамя, велев его вновь освятить, а батальонам учинить новую присягу. «Недавние участники восстания приняли это царское прощение с восторгом и раскаянием»,—декламирует донесение командира Гвардейского корпуса.

Гренадеры тоже просили помилования. Им было возвращено знамя и даровано «прощение» на тех основаниях, что и Гвардейскому экипажу. Также был «прощен» и Московский полк.

Потом в деле 2-й армии имеется длинный перечень «уличенных зачинщиков». Список начинается так: журналист Ры-

---

[1]) Однако, по мемуарным источникам, есть сведения, что этот караул построился на площади вместе с восставшими и только потом отошел.

леев, чиновник Сомов, бывш. вице-губернатор Горский, отставной поручик Каховский, Московского полка штабс-капитан князь Щепин-Ростовский, «некто» Пущин и др.

Надо заметить об этом «прощении» Николая I, что оно состоялось только на словах, так как в действительности Московский и Гренадерский полки были выведены из Петербурга. Их выслали на Кавказ, где они находились вплоть до того времени, пока весь прежний состав, принимавший участие в событиях 14-го декабря, не был перебит в беспрестанных стычках с горцами: только после того, как состав обоих подозрительных полков обновился до последнего солдата, только тогда они были возвращены в Петербург (упоминание об этом см. во второй части «Записок декабриста» Д. И. Завалишина).

Довольно подробные сведения об участии моряков в восстании декабристов даны в «Истории Гвардейского экипажа», 12-ая глава которой посвящена событиям 14 декабря.

---

14 декабря и моряки.

Очерк истории Гвардейского экипажа написан контр-адмиралом Лермантовым, который в день 14-го декабря был свидетелем событий в Гвардейском экипаже и принимал в них некоторое участие на стороне усмирителей. Выписка из этой истории в 1860 г. была предварительно представлена Александру II и снабжена примечаниями статс-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа. В этих примечаниях, впрочем, не содержится ничего существенного: в них, например, Корф отмечает, что известие о смерти Александра I поступило не перед молебствием 27-го ноября в Зимнем дворце, а во время молебствия. Но все замечания Корфа не имеют значения при описании самих событий 14-го декабря, а потому достаточно пользоваться непосредственно текстом Лермантова.

Отбрасываем всякого рода сведения о молебствиях и останавливаемся только на событиях в Гвардейском экипаже. Гвардейский экипаж к 10-ти часам утра 14-го декабря был построен во дворе казарм для выслушивания высочайшего манифеста о вступлении на престол Николая I-го и об отречении от престола цесаревича Константина Павловича. В 10 часов в экипаж прибыл командир 2-й бригады 1-ой гвардейской пехотной дивизии генерал Шипов [1]) и начал читать манифест. Во время чте-

---

[1]) Об этом Шипове в мемуарах декабристов есть сведения, что он был близок или даже состоял членом «Союза Благоденствия». Усердием и подхалимством в день 14-го декабря он хотел снискать благоволение высшего начальства и полное забвение недавнего прошлого, которое к тому же в день 14-го декабря еще не было обнаружено.

ния вдруг стали раздаваться сначала довольно тихие голоса: «отставить»,. «отставить». Постепенно матросы, державшие ружья «на караул», стали опускать их на плечо. Тогда генерал Шипов приказал вызвать на середину ротных командиров. Он их спросил, что означали выкрики и почему матросы приняли на плечо. Некоторые офицеры ответили, что они уже присягали, как императору, Константину Павловичу и изменять присяге они не могут. Заявившие были: Арбузов, Бодиско I, Кюхельбекер, Михаил Вишневский. Генерал Шипов начал убеждать этих офицеров неопровержимыми доказательствами в пользу того, что принесение новой присяги вызвано самыми истинными основаниями. Но офицеры оставались непреклонны. Тогда генерал Шипов стал угрожать и предупредил о последствиях «недоверчивости». Всех офицеров, сделавших заявление, Шипов арестовал и повел в канцелярию экипажа. Было отдано распоряжение не пропускать в казармы никого из посторонних. Однако, успел войти Николай Бестужев, ад'ютант главного командира и военного губернатора Кронштадта. Ему помог проникнуть, как говорится в очерке, мундир ад'ютанта. Другой проникший был в партикулярном платье; он перелез через деревянный забор заднего двора. Бестужев об'явил о смерти графа Милорадовича и о том, что на площади против Сената собрались Московский и Гренадерский полки. Человек в штатском платье прокричал, что к собравшимся на площади вышел Константин Павлович.

— К нему, к нему, на площадь...

Матросы пошли в ворота. Штаб-офицеры встали в первых воротах, чтобы удержать матросов. Но напором толпы они были раз'единены, смяты и не могли ничего поделать. Впрочем, на площадь пошел не весь экипаж; часть матросов и офицеров осталась. Было приказано иметь за матросами ближайшее наблюдение унтер-офицеру Петру Мартюшину, распорядившись немедленно удалить патроны из цейхгаузов. Поручение исполнили ад'ютант экипажа лейтенант Дудинский и командир 1-ой роты лейтенант Тимирязев при помощи баталера Сергея Кокошкина. Наблюдение за караулом в казарме и на дворах выполнял несменившийся с дежурства мичман Доливо-Добровольский.

Около 2-х часов дня начали поодиночку возвращаться с Петровской площади офицеры и матросы. По дороге они увидели начальника I-ой дивизии великого князя Михаила Павловича. Офицеры говорили, что они не могли оставить рот. Первый отделился от бунтующих унтер-офицер 6-й роты Хорошилов. За этот свой поступок он впоследствии был награжден Михаилом Павловичем, получив 150 рублей ассигнациями. О награждении было об'явлено в приказе 4-го марта 1826 года. За Хорошиловым пошли некоторые матросы; они возвратились в казармы экипажа. Некоторые матросы до сумерек скрывались в частных домах, дожидаясь, пока стемнеет.

На площади с матросами Гвардейского экипажа произошло следующее. Родной брат лейтенанта Кюхельбекера Вильгельм в то время, когда великий князь Михаил Павлович стоял перед фронтом и уговаривал, вмешался в 8-ую роту, прицелился в вел. кн. из пистолета и хотел стрелять. Матросы Дорофеев и Куроптев вышибли пистолет из рук Кюхельбекера, а другие выгнали его прикладами из рядов.

Митрополит Серафим с крестом подходил к фронту экипажа. Фельдфебель 4-й роты боцман Терентий Федоров старался провести митрополита мимо фронта [1]). Но раздались голоса, что это не митрополит, а переодетый. С забора около строившегося Исаакиевского собора начали стращать, что закидают митрополита дровами. Бунтовщики кричали, что они за «батюшку царя Константина и матушку—жену его—Констянтуцию».

Между тем было решено послать на площадь капитан-лейтенанта Лермантова I-го. Он уже спешил в экипаж, когда раздался выстрел из орудия. Ему встретился по дороге экипаж, возвращающийся и раскаявшийся. Капитан-лейтенант Казин взялся привести возвращающихся матросов в порядок. Капитан-лейтенант Лермантов I-й тем временем пошел к Николаю I-ому на Дворцовую площадь. Николай I с доверием принял рапорт капитана Лермантова. Он приказал командующему гвардейским корпусом генералу Воинову совместно с Лермантовым привести к присяге Гвардейский экипаж. Сроком было поставлено: «до зори».

Пока Лермантов ходатайствовал на Дворцовой площади, командир Гвардейского экипажа и капитан-лейтенант Казин занимались приведением в порядок Гвардейского экипажа. Благодаря всем принятым мерам, еще до 8-ми часов—до пробития вечерней зори—Лермантов доставил Николаю I-му присяжный лист.

По высочайшему приказанию были арестованы офицеры экипажа: Арбузов, Бодиско I, Кюхельбекер, Вишневский. По распоряжению начальника дивизии были арестованы следующие офицеры: Мусин-Пушкин, Баранцов, Окулов, Литке, Миллер, Лермантов II-й, Шпейер, мичман Беляев I-й, Бодиско II-й, Беляев II-й, Дивов.

По приказанию начальника дивизии были прикомандированы к Гвардейскому экипажу: Семеновского полка капитан Гебан-Скороцкий, поручик Шит, прапорщики: Назаров, Шипов, Смиттен; причисленные к экипажу от флота лейтенанты: Фофанов, Жадовский, Журихин, Пущин и др. Очевидно, все прикомандированные офицеры имели поручения «наводить порядок» в экипаже.

Скоро были освобождены из-под ареста: лейтенант Баранцов, Литке, Миллер, Лермантов II-й.

---

[1]) В «Записках» Завалишина рассказывается, что митрополита уговорил убираться по добру, по здорову лейтенант Михаил Кюхельбекер. На его предупреждения митрополит ответил: «Покорнейше благодарю, батенька, ну, так я и пойду назад», и пошел во-свояси (стр. 197—198).

15-го декабря на Петровской площади перед Сенатом был построен весь Гвардейский экипаж. На площади стояли аналой и столик со святой водой. Николай I-й самолично присутствовал при приведении к присяге. Было вызвано знамя; его снова освятили, после чего отнесли обратно в Зимний дворец.

Скрывались до сумерек 14-го декабря в частных домах 54 матроса экипажа; они все были забраны еще до рассвета. По арестовании они были отправлены сначала в ордонанс-гауз, а оттуда—в крепость. Из крепости они потом все были возвращены в экипаж и беспрепятственно производились в чины. Пострадали из состава экипажа: убиты один флейтщик и три матроса, без вести пропали 11 матросов, 1 артиллерийский унтер-офицер, 3 канонира, ранены 11 матросов и 4 канонира [1]).

17-го октября было приступлено к производству следствия. Оно было возложено на капитан-лейтенанта Лермантова, к которому для этого дела был командирован в качестве делопроизводителя обер-аудитор генерал-инспектора инженерного ведомства чиновник 9-го класса Иванов. Во время производства следствия выписка каждый вечер сообщалась для доклада Николаю I-му. В течение 10-ти дней все следствие было закончено.

В заключение автор очерка, из служебного рвения, желает обелить свой Гвардейский экипаж. Он желает доказать, что преступных намерений матросы экипажа не преследовали. По мнению автора очерка, они были просто сбиты с толку и искренно думали, что они уже один раз дали присягу на имя Константина Павловича и что перемен делать не следует. Никаких «буйственных намерений» они, очевидно, не имели, так как при них совершенно не было оружия: они захватили оружие, но патронов с собою не взяли.

В журнале «Русская Старина» за 1881 год (1—4, страница 207) в статье о действиях Конногвардейского полка в день 14-го декабря имеются некоторые сведения о Гвардейском экипаже.

По этой статье, Гвардейский экипаж построился недалеко от манежа, пройдя мимо Николая I-го, стоявшего у фаса дома военного министра. Гвардейский экипаж пошел, якобы, с музыкой. Офицеры вышли из фронта, кроме Арбузова и Кюхельбекера. Правым флангом экипаж вытянулся около Исаакиевского собора. Митрополит Серафим в полном облачении вышел к экипажу. Несколько унтер-офицеров пошли к нему навстречу. Все матросы крестились, но кричали «ура» Константину.

За 1881 год там же был опубликован доклад тайной полиции, относящийся к началу николаевского царствования. Николай I на этом докладе отмечает, что нижние чины Гвардейского экипажа отличны, но состав офицеров «совсем заражен».

---

[1]) Список потерь и убыли в личном составе далеко не полный. См. приложение II.

Так отзывались враги и безразличные о декабристах, в частности о моряках. Нечего и говорить, что сведения эти иногда неполны и недостаточны, а самое освещение событий никуда не годится.

Мы должны дополнить картину по мемуарным источникам самих участников.

Декабристы сами о себе и о 14 декабря.

От декабристов сохранилась довольно богатая мемуарная литература. В частности неоднократно описывались в ней события 14-го декабря. Но сравнительно мало распространено описание, данное моряком-декабристом капитаном-лейтенантом Николаем Бестужевым, в котором красочно дана картина восстания. Знакомим читателя с отрывком из воспоминаний Николая Бестужева.

14 декабря 1825 года. (Из «Записок» Н. Бестужева).

I.

. . . . . .

Сабля моя давно была вложена.

Я стоял в интервале между Московским каре и колонною Гвардейского экипажа, нахлобуча шляпу и поджав руки, повторяя себе слова Рылеева, что мы дышем свободою; я с горестью видел, что это дыхание стеснялось. Наша свобода и крики солдат походили более на стенания, на крик умирающего. В самом деле: мы были окружены со всех сторон; бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто в начатом поприще раз остановился, уже побежден вполовину. Сверх того, пронзительный ветер ледянил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. Атака на нас прекратилась; «ура» солдат становилось реже и слабее. День смеркался. Вдруг мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами, тускло освещаемыми серым мерцанием сумерек.

Митрополит, посланный для нашего увещания, возвратился без успеха; Сухозанету, который, под'ехав, показал нам артиллерию, громогласно прокричали: «подлец»—и это были последние порывы, последние усилия нашей независимости.

Первая пушка грянула—картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фронта, третьи с визгом

пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонною сенатского дома и на крышах соседних домов. С первого выстрела семь человек, ошеломленные, упали: я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения—столь жестоко разила картечь на этом расстоянии. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места; разбитые оконницы зазвенели, падая на землю, но люди, слетевшие вслед за ними, растянулись безмолвно и недвижимо, как будто одеревенели. Я стал там в том положении, смотрел в глаза смерти и ждал рокового удара: в эту минуту существование было так горько, что гибель казалась мне благополучием. Однако, судьбе угодно было иначе... с пятым или шестым выстрелом колонна дрогнула. Почуяв это, я очнулся—между мною и бегущими была уже целая площадь и сотни скошенных картечью жертв свободы. Я должен был следовать общему движению, и с каким-то мертвым чувством в душе пробирался между убитыми; тут не было ни движения, ни крика, ни стенания, только в промежутках между выстрелами можно было слышать, как кипятилась кровь струями по мостовой, растопляя снег, потом сама, алея, замерзала.

За нами двинули эскадрон конной гвардии, и, когда при входе в узкую Галерную улицу бегущие столпились, я достиг до лейб-гренадеров, следовавших сзади, и сошелся с братом Александром; здесь мы остановили несколько десятков человек, чтобы в случае натиска сделать отпор и защитить отступление, но император предпочел продолжать стрельбу по длинной улице.

Картечь догоняла лучше, нежели лошади, и составленный нами взвод рассеялся. Мертвые тела солдат и народа валились и валились на каждом шагу; солдаты забегали в дома, стучались в ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечь прыгала от стен в стены и не щадила ни одного закоулка. Таким образом толпы достигли первого перекрестка и здесь были встречены новою частью Павловского гренадерского полка. Не видев, куда исчез мой брат, я поворотил в полуотворенные ворота направо и сошелся с самим хозяином дома; двое порядочно одетых людей бросились также в ворота, и в ту минуту, как первый пригласил нас войти, картечь поразила одного из последних, и он упал, загородив нам дорогу.

Прежде, нежели я успел нагнуться, чтобы приподнять его, он закрыл глаза навеки, кровь брызгала в обе стороны из груди и спины, пуля пробила его насквозь (см. «Воспоминания братьев Бестужевых», под ред. П. Е. Щеголева; издательство «Огни», 1917 года, стр. 43—46).

Из «Воспоминаний» Михаила Бестужева.

Подробное описание событий 14-го декабря дано также и у Михаила Бестужева. Даем несколько отрывков из его «Воспоминаний». Они очень интересны в том отношении, что в них описаны действия моряков-декабристов (последнее сделано на основании выписок из бумаг Пущина, см. на стр. 54,. 55).

...Раздав боевые патроны, выстроил свою роту на дворе и, разослав своих надежных агентов в другие роты, чтобы брали с собою боевые патроны, выходили и присоединялись к нам с барабанным боем, вышел на главный двор, куда выносили уже аналой для присяги. Знамена уже были принесены и знаменные ряды солдат ожидали нашего появления на большом дворе, чтобы со знаменами примкнуть к идущим на площадь ротам. Щепин выстроил свою роту позади моей; позади нас образовалась нестройная толпа солдат, выбегающих из своих рот. Не было никакой возможности построить их даже в густую колонну, к тому же мы боялись терять время, и я двинулся вперед со своею ротою. Когда мы подходили к своду ворот, где находился выход из учебной залы, куда принесены были знамена,—они показались в сопровождении знаменных рядов. Знамя моего батальона примкнуло к голове моей роты, а другие пронесли далее, чтобы примкнуть к ротам, принадлежащим их батальону. Это обстоятельство было причиной беспорядочной свалки, которая остановила движение полка и чуть вовсе не испортила дела, так хорошо начавшегося. Нестройная толпа солдат прочих рот, полагая, что знамя несли к аналою, около которого строились уже московцы, не соглашавшиеся итти с нами, бросилась на знаменный ряд с намерением отнять у них знамя. Началась борьба, беспутная свалка разрасталась от недоумения; каждая сторона думала видеть в другой врага, тогда как обе стороны были наши. Вышедши из казарм, я уже переходил по мосту Фонтанку, как ко мне подбежал унтер-офицер роты Щепина.

— Ваше высокоблагородие,—говорил он, задыхаясь от изнеможения,—ради бога воротитесь, уймите, уймите свалку...

— Да где же ваша рота, где князь?—спрашивал я, останови своих солдат.

— Где, ваше высокоблагородие? Вестимо там, на дворе.

— Да что же они там делают?

— Да, бестолковые, дерутся за знамя.

— А князь что ваш? Что же он не идет, не уймет их?

— Да что князь... рубит направо и налево чужих и своих. Ефрейтора Федора, своей роты, поранил руку.

— Правое плечо вперед,—скомандовал я,—марш! Пойдемте, ребята, помирим их...

Мы вошли во двор другими воротами, немного позади волнующейся толпы, занявши почти весь двор. Знамя то исчезало, то снова всплывало над колеблющимися султанами и шты-

ками солдат. Казалось, не было никакой возможности, окунувшись в это ярящееся море, добраться до знамени, до причины раздора.

Но так или иначе, а действовать было надо.

— Ребята, сомкни ряды,—закричал я своим,—держись плотно один к другому.

Слитые как бы в одну массу, мои солдаты врезались в середину толпы и подвигались безостановочно вперед, разбрызгивая по сторонам отдельно волнующиеся массы солдат.

— Смирно!—скомандовал я, достигши знамени.

Разгоряченные солдаты затихли, опустив ружья к ноге. Я подошел к Щепину, который взял знамя из рук знаменосца.

— Ребята, за мной,—завопил неистово Щепин.

И вся эта за минуту бурливая масса, готовая резать друг друга, как один человек двинулась за ворота казарм и затопила Гороховую улицу во всю ширину.

При нашем выходе из казарм, мы увидели брата Александра. Он стоял подле генерала Фридрикса и убеждал его удалиться. Видя, что его убеждения тщетны, он распахнул шинель и показал ему пистолет. Фридрикс отскочил влево и наткнулся на Щепина, который так ловко рубнул его своею острою саблею, что он упал на землю. Подходя к своду выхода, Щепин подбежал к генералу бригадному Шеншину, уговаривавшему отдельную кучку непокорных, и обработал его подобно Фридриксу. Под сводом выхода полковник Хвощинский стоял с поднятыми руками, крича солдатам воротиться. Щепин замахнулся на него саблею, Хвощинский побежал прочь, согнувшись в дугу от страха, и Щепин имел только возможность вытянуть ему вдоль спины сильный удар саблею плашмя. Хвощинский отчаянным голосом кричал, убегая:

— Умираю, умираю.

Солдаты помирали со смеху.

Проходя по Гороховой улице мимо квартиры 7, занимаемой Якубовичем, мы увидели его сбегающим торопливо по лестнице на улицу к нам.

— Чтобы это значило?—проговорил брат Александр.

Якубович с саблею наголо, на острие которой красовалась его шляпа с белым пером, пошел впереди нас с восторженными криками.

— Ура, Константин!—кричал Якубович.

— По праву храброго кавказца, прими начальство над войсками.

— Да для чего эти церемонии,—сказал он в смущении. Потом, подумавши немного, прибавил: — Ну, хорошо, я согласен.

Вышедши на площадь к Сенату, мы ее нашли совершенно пустой.

— Что, имею ли я теперь право повторить тебе, что вы затеяли дело неудобоисполнимое? Видишь, не один я так думал,— говорил Якубович.

— Ты бы не мог сказать этого, если бы сдержал данное тобою слово и привел сюда прежде нас или артиллерию или измайловцев,—возразил брат.

Мы со Щепиным поспешили рассчитать солдат и построить их в каре. Моя рота с рядовыми из прочих заняла два фаса, один—обращенный к Сенату, другой—к монументу Петра I. Рота Щепина с рядовыми из других рот заняла фасы, обращенные к Исаакию и к Адмиралтейству. Было уже около девяти часов, мы стояли более двух часов, а против нас не показывалось никакое войско. Первый, кого мы увидели, были конногвардейцы, которые справа по три тихо продвигались, держась близко к Адмиралтейскому бульвару, и, повернув направо, выстроились тылом к Адмиралтейству и правым флангом к Неве. Потом показались преображенцы, подвигавшиеся от Дворцовой площади с артиллерией впереди, для которой позабыли или не успели взять зарядов, и за ними было послано. Заряды привезли уже к вечеру. Первый батальон преображенцев прошел позади конногвардейцев, замкнул выезд с Исаакиевского моста, конногренадеры, прошедши тем же путем, замкнули выход с Английской набережной. Павловский полк стал тылом к дому Лобанова-Ростовского, Семеновцы—вдоль Конногвардейского манежа, Измайловский был остановлен на улице, образовавшейся против постройки Лобанова. Прочие полки были размещены по главным улицам, идущим к площадям Дворцовой, Исаакиевской и Петровской. Прибытие и размещение войск не было одновременным, но сопровождалось большими паузами и суматохами. Так, измайловцев, отказавшихся решительно от присяги Николаю, избивших Ростовцева, вздумавшего их уговаривать, вывели против войск, с которыми ожидали с минуты на минуту удобного случая, чтобы соединиться. Новый император, будучи шефом этого полка, на троекратное приветствие: «Здорово, ребята!» не получил даже казенного ответа и удалился в смущении. И этот полк оставили стоять до вечера против нас. Преображенцев, поставленных против нас около Исаакиевского моста, оставили тоже до вечера, хотя они, по убеждению Шевкина, решительно отказались присягнуть Николаю. Конногвардейцев, посылаемых прежде в атаку против нас и только в третий раз успевших проскакать до Сената и выстроиться тылом к нему, тоже оставили там до вечера, а этот полк настолько был приготовлен находившимися в нем пленными нашего общества, что при движении нашего полка они наверное соединились бы с нами. Они, равно как и преображенцы, через народ, окружающий каре, передавали нам свое намерение. Окончив трудную работу—постройку каре из обрывков разных рот, около которого собрались уже многие из наших членов, и не видя Якубовича, я спросил о причине его отсутствия.

— Он сказал мне,—отвечал брат,—что по причине страшной головной боли он удаляется с площади. Но посмотри на него,—

продолжал он, указывая на свиту государя, — вероятно, атмосфера нового царя живительно подействовала на его чувствительные нервы.

И брат не ошибся в своих предположениях. Якубович в избытке своих верноподданнических чувств подошел к государю и просил позволения обратить нас на путь законности. Государь согласился. Он, привязав белый платок на свою саблю, быстро приблизился к каре и сказал вполголоса Кюхельбекеру (Михайле).

— Держитесь, вас крепко боятся.

Вскоре эскадрон конногвардейцев отделился от строя и помчался к нам. Его встретил народ градом каменьев из мостовой и дров, находившихся за забором подле Исаакиевской церкви. Всадники, неохотно и вяло нападавшие, в беспорядке воротились за свой фронт. Вторую и третью атаку московское каре, уже без содействия народа, выдержало с хладнокровною стойкостью. После отражения третьей атаки конногвардейцы прискакали к Сенату, и, когда начали выстраиваться во фронт, солдаты моего фаса, полагая, что они хотят атаковать с этой стороны, мгновенно прицелились и хотели дать залп, которым, вероятно, положили бы всех без исключения. Я, забывая опасность, выбежал перед фас и скомандовал:

— Оставь!

Солдаты опустили ружья, но несколько пуль просвистело мимо моих ушей и несколько конногвардейцев упали с коней. Конно-пионеры, немного спустя, помчались, бог весть по чьему приказанию, мимо моего фаса и конногвардейцев. Мои солдаты пустили по ним беглый огонь и заставили воротиться назад. Я был на другом фасе и не мог предупредить или остановить. Как ни прискорбны эти два случая, но они породили счастливые для нас результаты. Выстрелы были услышаны в Гвардейских казармах, и к нам поспешили на помощь.

Чтоб не повторять того, что так хорошо и верно написано в записках от 14 декабря Пущиным, я приведу его слова:

«Почти в одно время с происшествием в лейб-гвардейских казармах, происходило подобное в Гвардейском экипаже. Генерал Шипов, полковой командир семеновского полка и начальник бригады, в состав которой входил Гвардейский экипаж, был в их казармах. Шипов незадолго перед тем ревностный член тайного общества и человек, совершенно преданный Пестелю, нашел в эту минуту для себя удобным разыграть роль посредника перед офицерами Гвардейского экипажа, не желавшими присягать. Он им ничего не приказывал, как их начальник, но умолял не сгубить себя и доброе дело, уверял, что безрассудным своим предприятием они отсрочивают на неопределенное время исполнение того, что можно было ожидать от императора Николая Павловича. Все его убеждения остались тщетными: офицеры сказали ему решительно, что они не присягнут, и сошли

к солдатам, их ожидавшим. Между тем Н. Бестужев уговаривал солдат не присягать Николаю, как вдруг послышались выстрелы. «Ребята, наших бьют»,—закричал Кюхельбекер, и весь экипаж, как одна душа, двинулся за братом Николаем, который и привел его на площадь.

На площади экипаж выстроился направо от Московского полка и выслал своих стрелков под начальством лейтенанта Михаила Кюхельбекера. С Гвардейским экипажем, кроме ротных командиров: Кюхельбекера, Арбузова, Пущина, пришли: два брата Беляевы, Бодиско, Дивов и капитан-лейтенант Николай Бестужев, родной брат Александра и Михаила Бестужевых; он не принадлежал к Гвардейскому экипажу».

О выступлении лейб-гренадеров Бестужев дает описание Пущина.

Из «Записок» И. И. Пущина.

«Между тем Коновницын, конно-артиллерист, освободившийся как-то из-под ареста, скакал верхом к Сенату и встретил Одоевского, который недавно сменился с внутреннего караула и ехал к лейб-гренадерам с известием, что Московский полк давно на площади. Коновницын поехал с ним вместе. Приехавши в казармы и узнавши, что лейб-гренадеры присягнули Николаю Павловичу, и люди были распущены обедать, они пришли к Сутгофу с упреком, что он не привел свою роту на сборное место, тогда как Московский полк давно уже был там. Сутгоф, прежде про это ничего не знавший, без дальних слов отправился в свою роту и приказал людям надеть перевязки и портупеи и взять ружья; люди повиновались, патроны были тут же розданы и вся рота, беспрепятственно вышедши из казарм, отправилась к Сенату.

В это время случившийся тут батальонный ад'ютант Панов бросился в остальные семь рот и убеждал солдат не отставать от роты Сутгофа; все семь рот, как по волшебному мановению, схватили ружья, разобрали патроны и хлынули из казарм. Панова, который был небольшого роста, люди вынесли на руках. Угрозы, а потом увещания полкового командира Стюрлера не произвели никакого действия на солдат. Панов повел их через крепость, в это время он мог бы овладеть ею, и вышедши на Дворцовую набережную, повернул было во дворец, но тут кто-то сказал ему, что товарищи его не здесь, а у Сената, и что во дворце стоит саперный батальон. Панов пошел далее по набережной, потом повернул налево и, вышедши на Дворцовую площадь, прошел мимо стоящих тут орудий, которые, как говорили после, он мог бы захватить. В продолжении всего этого времени Стюрлер шел со своим полком и не переставал уговаривать солдат вернуться в казармы. Когда лейб-гренадеры поравнялись с Московским полком, Каховский выстрелил в Стюр-

лера и смертельно его ранил. Стюрлер был природный швейцарец. В 11-ом году Лагарп прислал его в Россию и письменно просил у царственного воспитанника, императора Александра, покровительствовать своему земляку. Стюрлер был определен поручиком в Семеновский полк. Человек он был неглупый и замечательно храбрый, но, впрочем, истый кондотьер. По-русски говорил он плохо и был невыносимый педант по службе: ни офицеры, ни солдаты не любили его, но зато он сам страстно любил деньги. На Сенатской площади лейб-гренадеры построились налево и несколько впереди от Московского полка.

Одоевский присоединился к товарищам незадолго до прибытия лейб-гренадеров».

Так описаны происшествия 14 декабря у Михаила Бестужева, подкрепляющего свои описания выписками из бумаг И. И. Пущина.

Дадим еще несколько отрывочных сведений о Гвардейском экипаже, заключающихся в «Записках декабриста» Д. И. Завалишина.

Завалишин о моряках-декабристах.

«Всем известно, что Гвардейский экипаж был приготовлен лучше всех других полков и был единственным войском, вышедшим на действия 14 декабря в совершенном порядке и полном составе со всеми своими офицерами (стр. 143). По плану восстания, намеченного приблизительно перед 14 декабря, должны были первыми выступить Гвардейский экипаж, Московский и лейб-Гренадерский полки. Только этим полкам, как вполне надежным, решено было открыть настоящую цель переворота. Гвардейский экипаж, взяв свои орудия, должен был отправиться в казармы Измайловского полка, с которым состоял в одной бригаде и был дружен. Своим появлением он должен был заставить Измайловский полк об'явить себя также на стороне восстания, чего тем легче было ожидать, что этот полк особенно не любил великого князя Николая Павловича и что из числа офицеров очень многие были членами тайных обществ (стр. 190). Рылеев старался войти в сношение с Гвардейским экипажем через посредство Николая Бестужева со стороны «Северного Общества» и Арбузова со стороны Гвардейского экипажа. Увлекаемый самолюбием, Арбузов захотел играть первенствующую роль и быть единственным посредником, так что он один присутствовал на общих совещаниях Оболенского и Рылеева; а остальные офицеры Гвардейского экипажа получали все сведения только через него, не вполне были знакомы ни с подробностями военного плана, ни с ходом дела до самой минуты восстания, так как все это сообщалось одному Арбузову. Между тем, когда Гвардейский экипаж отказался приносить вторичную присягу, Арбузов допустил бригадного командира аресто-

вать себя и запереть в свою комнату, чтобы иметь, как упрекали его после, отговорку, почему не принял участия в деле. Но, разумеется, более энергичные офицеры, которых действия не ослаблялись сознанием нечистоты самолюбивых побуждений, не могли допустить ни бездействия Гвардейского экипажа, ни уклонения от участия в восстании Арбузова. Помня мое приказание, что если уже придется принять участие в действии, то действовать хорошо и с самоотвержением, они увлекли Гвардейский экипаж, освободили Арбузова и трех других арестованных ротных командиров, ее бывших, впрочем, членами «Тайного Общества», и заставили всех идти на Сенатскую площадь. Таким образом, Гвардейский экипаж принял участие в восстании в полном своем составе всех нижних чинов и офицеров и отправился по назначению к Сенату в совершенном порядке, но в замешательстве и остановке, произведенных Арбузовым в допущении арестовать себя, вместо того, чтобы арестовать самого бригадного командира и делать хладнокровно распоряжения к выступлению на назначенный сборный пункт. Понуждаемые прискакавшим одним из членов Общества с приказанием поспешить скорее к Сенату, офицеры Гвардейского экипажа не позаботились взять с собой орудия и забыли первое, вполне разумное распоряжение—отправиться сначала к Измайловскому полку, чтобы заставить и его присоединиться к восстанию. Через это лицо, руководившее восстанием, лишили себя огромной не только вещественной, но и нравственной силы, потому что, если оружие и численное увеличение восставшей стороны целым полком сами по себе и могли дать огромный перевес восстания, то не менее того было важно и нравственное влияние от принятия прямого участия в нем одного из двух старейших гвардейских полков; и это тем более достойно сожаления, что несомненное распоряжение к восстанию в этом полку выказалось впоследствии всеми возможными способами. Таким образом, дело с этой стороны было сильно испорчено уже с самого начала (стр. 192 и 193).

Выдержка из «Записок» Михаила Бестужева— «Разбиты наголову».

Картечь была направлена выше голов. Толпа народа не шелохнулась. Другой выстрел — в самую середину массы. Повалилось много безвинных, остальные распрыскались во все стороны. Я побежал к своему фасу, к Неве. Последовал третий выстрел. Много солдат моей роты упало и стонало, катаясь по земле в предсмертном мучении. Прочие побежали к Неве. Любимов очутился подле меня.

— Всяко может быть, ваше высокоблагородие, не покину вас, — говорил он с братским участием, и вдруг упал к моим ногам, пораженный картечью в грудь. Кровь брызгала из глубокой

раны. Я дал ему свой платок, Он прижал его к груди, а меня увлекла толпа бегущих солдат. Я забежал вперед.

— За мной, ребята, — крикнул я московцам, и спустился на реку. Посредине я остановил солдат с помощью моих славных унтер-офицеров, начал строить густую колонну, с намерением идти по льду Невы до самой Петропавловской крепости и занять ее. Если бы это удалось, мы бы имели прекрасное укрепленное место, куда бы могли собраться все наши и откуда мы бы могли с Николаем начать переговоры, при пушках, обращенных на дворец. Я уже успел выстроить три взвода, как завизжало ядро, ударившись в лед и прыгая рикошетами вдоль реки. Я оборотился назад, чтобы посмотреть, откуда палят, и по дыму из орудий увидел батарею, поставленную около середины Исаакиевского моста. Я продолжал строить колонну, хотя ядра вырывали из нее то ряд справа, то ряд слева. Солдаты не унывали, и даже старики подсменивались над молодыми, говоря им, когда они наклонялись при визге ядер:

— Что раскланиваешься? Аль оно тебе знакомо?

Уж достраивался хвост колонны, как вдруг раздался крик:

— Тонем.

Я увидел огромную полынью, в которой барахтались и тонули солдаты. Лед под тяжестью собравшихся людей, разбиваемый ядрами, не выдержал и провалился. Солдаты бросились к берегу Невы, к самой Академии Художеств.

— Куда же мы теперь? — спрашивал знаменосец. Я заглянул в отворенные ворота Академии и увидел круглый двор, столь для меня памятный. Вспомнил залы античных статуй, живописи и проч., окружающие двор, и мгновенная мысль, что, заняв их, мы можем долго защищаться, — вскричал: «Сюда ребята». Передовая кучка солдат пробежала в ворота мимо оторопевшего швейцара, который, впрочем, оправившись от страха, спустил гири ворот, и они захлопнулись перед нашим носом. Я приказал взять бревно из днища барки, разломанной на реке, чтобы им сбить с петель ворота. Молодцы дружно принялись за дело: ворота уже потрескивали под их ударами, но мы увидели эскадрон кавалергардов, во весь карьер мчавшийся к нам. У солдат опустились руки. Можно ли было думать о сопротивлении при такой суматохе, когда все сгрудились в одну нестройную кучу.

— Спасайтесь, ребята, кто как может,—и солдаты разбежались в разные стороны. Я подошел к знаменосцу, обнял его, промолвив:

— Скажи своим товарищам-московцам, что я в лице твоем прощаюсь навсегда с ними. Ты же отнеси и вручи знамя вот этому офицеру, который скачет впереди. Этим ты оградишь себя от наказания.

Я еще постоял некоторое время, видел как на половине площади Румянцева знаменщик подошел к офицеру, отдавая

знамя, и как тот рубнул его с плеча. Знаменщик упал, и у меня чуть слезы не брызнули. Я забыл фамилию этого презренного героя, но помнится, что она начинается с частички фон и что он, повергая к ногам императора отбитое им с боя знамя, получил Владимира с бантом за храбрость.

. . . . . .

Итак, выступление окончено. Восставшие разбиты наголову. Палачи приготовились к расправе.

Достаточно приведенных выдержек из мемуаров активных участников восстания, чтобы представить себе его картину.

Обратимся теперь к изучению по архивным данным расправы палачей над декабристами и судьбы некоторых из них, насколько это доступно по материалам наших архивов (преимущественно морских).

Материал в архивах о судьбе декабристов довольно скудный: палачи были многословны, пока готовили свою расправу с врагами самодержавия. После расправы наступает могильная тишина. О декабристах в течение многих лет «заботятся» тюремщики, а они несловоохотливы. Почти полное молчание о моряках-декабристах, которые судились верховным уголовным судом, господствует, по крайней мере, в архивных делах Морского Ведомства. Но о самой расправе в них мы находим много данных. Последующей судьбы участников восстания 14 декабря морские архивы касаются только в отношении тех, с которыми самодержавие расправилось без суда, дисциплинарно. Это и понятно: последняя категория декабристов продолжала оставаться во флоте.

Расправа над декабристами.

Сыск, розыски, „суд“ и казнь.

(Обзор архивных материалов).

Моряки-декабристы по архивным материалам.

Донесение следственной комиссии утверждает, что уже к вечеру 14-го декабря большая часть восставших находилась в руках властей. Действительно, как видно из приведенного выше распоряжения войскам и из других мер, можно убедиться, что победители приложили все свое старание, чтобы как можно скорее расправиться с побежденными. По архивным материалам, которые мы дальше будем описывать и вкратце излагать, читатель увидит, сколько свирепого усердия обнаружили палачи. Не укрылся от преследования буквально ни один участник восстания. Могли укрыться, но не повезло в последний момент, Николай Бестужев и Вильгельм Кюхельбекер.

В деле № 1214-ом «сыск о разных лицах, прикосновенных к обществу злоумышленников и к происшествию 14-го декабря 1825 года» хранятся следующие следы усердия морского начальства. Рассматриваем материалы поденно, а иногда и почасно.

16-го декабря 1825 года Начальник Морского Штаба Моллер 2-й пишет, что надлежит искать капитана-лейтенанта Николая Бестужева и родного его брата Московского полка штабс-капитана Михаила Бестужева в Кронштадте. Николай Бестужев имеет в Кронштадте любовницу. Эта любовница Бестужева, по «Запискам» Завалишина,—жена кронштадского военного генерал-губернатора Степового (см. стр. 203 «Записок»). Может быть, Николай Бестужев скрывается у нее в «непринадлежащем» ему виде, в женском платье. Моллер 2-й предлагает произвести тщательный обыск во всех домах, относительно которых возникает подозрение, что в них может скрываться Николай Бестужев. По арестовании надлежит препроводить в Петербург, как государственного преступника, под строжайшим караулом.

16-го декабря 1825 г. главный командир Кронштадтской крепости Федор Васильевич Моллер 1-й пишет ответ Моллеру 2-му. Извещает, что Николай Бестужев найден в Косном селении. Он

арестован и направляется под конвоем в Петербург. Его конвоирами назначены: 1 морской артиллерийской бригады унтер-лейтенант Киселев, 1 унтер-офицер, 2 канонира. При арестованном Николае Бестужеве обнаружен книжник (бумажник) с 250 рублями ассигнациями, 4 рублями серебром, золотое кольцо с бриллиантом, бисерный кошелек, золотые часы, железный ключик и некоторые другие вещи.

16-го декабря 1825 г. контр-адмирал Мачаков доносит Моллеру 2-му, что «почитающийся при Адмиралтейском департаменте» 8-го флотского экипажа лейтенант Николай Бестужев, по рапорту командира 8-го флотского экипажа, дома 2 суток не ночует, а где ночует, то ему неизвестно. На этом отношении Моллеру 2-му контр-адмирала Мачакова клерк 14-го класса Сазонов сделал примечание: «Уже исполнено».

17-го декабря 1825 г. Моллер 1-й пишет из Кронштадта Моллеру 2-му, что согласно полученных распоряжений им был прекращен выезд из Кронштадта разных лиц; но что одновременно с сим раз'яснилась необходимость для находящихся в отпуску в Кронштадте воинских чинов возвратиться к своим командам. То же выяснилось в отношении находившихся в Кронштадте на побывке у мужей жен, которым надлежит возвратиться к своим семействам. И, наконец, с чисто канцелярским тупым остроумием и усердием Моллер 1-й испрашивает разрешения наравне с перечисленными категориями лиц разрешить вывоз из Кронштадта младенцев для направления их в Воспитательный дом, так как им не надлежит оставаться у матерей в родильных приютах.

В деле имеется несколько экземпляров переписки по вопросу о происшедшей путанице с титулом цесаревича великого князя Константина Павловича, который именуется в некоторых официальных документах императором. Как раз по этим вопросам многократно переписываются братья Моллеры в эти дни.

17-го декабря 1825 г. Моллер 1-й рапортует Моллеру 2-му, что на квартире у лейтенанта 2-го флотского экипажа Чижова отобрана шкатулка. Она перевязана веревочкой, запечатана в присутствии полицейских властей и отправлена согласно распоряжений в Петербург.

20-го декабря 1825 г. производивший обыск и аресты и приводивший к присяге кронштадтский гарнизон Пустошкин просит наградить своего ад'ютанта лейтенанта Войнова за поимку и доставку лейтенанта Николая Бестужева. В этом ходатайстве Пустошкина отмечается, что Николай Бестужев был доставлен на допрос Николаю 1-му связанный по рукам.

21-го декабря 1825 г. командиру Свеаборгской крепости Шельтингу сообщается воля Николая I, чтобы заключенному в Свеаборге арестанту бывшему офицеру Торсону отнюдь не позволять никакой переписки и свиданий.

От 24-го декабря 1825 г. имеется переписка о матросе 1-й статьи 14-го флотского экипажа Степане Сажине, который отправился в отпуск из Ревеля, имея паспорт, где прописан титул цесаревича Константина Павловича, как императора. Паспорт Степана Сажина отобран и отправлен для надлежащих перемен дежурному генералу Белингсхаузену.

30-го декабря 1825 г. управляющий канцелярией Адмиралтейств Коллегии 6-го класса Бровцын препровождает письмо Завалишина. На отношении Бровцына имеется отметка, что письмо оставлено у Антона Васильевича Моллера 2-го в кабинете.

Морскому начальству удалось изловить одного из главных руководителей моряков-декабристов Николая Бестужева уже 16-го декабря. Другой важнейший руководитель—Завалишин—был арестован несколько времени спустя в Казани, где он находился по поручению «Северного Общества» для установления провинциальных связей и для зондирования общественного мнения на местах. Другие моряки-декабристы были схвачены в Петербурге по свежим следам. После производства предварительного следствия можно было приступить к производству судебного преследования. Первый след о судебном преследовании сохранился в делах Адмиралтейского департамента в делах за июнь месяц 1826 года.

О возбужденном по делу декабристов судебном преследовании в делах Адмиралтейского департамента сохранились нижеследующие данные.

Сообщается о получении Адмиралтейским департаментом пяти экземпляров манифеста 19 декабря «о происшествии 14-го декабря». Постановлено по одному экземпляру направить директору морской типографии и инспектору Балтийского штурманского училища. Имеется донесение инспектора о получении экземпляра манифеста.

В делах приложен манифест и указ Правительствующему Сенату об учреждении Верховного Уголовного суда. В манифесте многоречиво излагается, что вот-де правительство через происшествие 14-го декабря внезапно раскрыло ужасную тайну об обществе злоумышленников. Правительство неожиданно увидело себя перед бездной. В течение десяти лет подготовлялись самые ужасные замыслы, которые имели своей конечной целью ниспровергнуть монарший престол и превратить (ниспровергнуть, разрушить) законы. Правительство желает, в виду чрезвычайной важности совершенного преступления, доискаться самых сокровенных корней. С этой целью учреждается Верховный Уголовный суд, которому вменяется в обязанность удостовериться положительным образом относительно всех подробностей дела. При этом Верховный суд, якобы, не будет полагаться на слухи, догадки и предположения. Он ставит своей задачей на основании подлинных и достоверных свидетельств убедиться в истинном положении дела и только сообразно этому предпринимать те или иные решения.

В указе Правительствующему Сенату от 1-го июня 1826 года дан перечень всех участников Верховного Уголовного суда и указан состав.

Верховный Уголовный суд составляется из членов Государственного Совета, Правительственного Сената, Правительствующего Синода. Кроме этих членов, персонально входят нижеследующие:

1) Председателем назначается действительный тайный советник первого класса князь Лопухин, его заместителем на случай болезни—действительный тайный советник князь Куракин.

2) Министру юстиции исполнять обязанности, как члену суда, по званию своему генерал-прокурора.

3) Сверх членов трех государственных сословий надлежит присутствовать: действительному тайному советнику графу Головкину, генералу графу Ланжерон, действительному тайному советнику барону Строганову, генерал-ад'ютанту Воинову, инженер-генералу Опперману, генерал-ад'ютантам: графу де-Ламберту, Сенявину, Бороздину, Паскевичу, генерал-ад'ютанту Еманюелю, генерал-ад'ютанту графу Комаровскому, Башуцкому, Закревскому, Бистром и сенатору московских департаментов тайному советнику Кушникову.

В основу работ Верховного Уголовного суда обещано положить материалы пятимесячной работы следственной комиссии. Суд был шемякин, так как само следствие велось недобросовестно. Например, Завалишин упоминает об осуждении совершенно почти непричастного к делу ничтожного графа Захара Чернышева единственно потому, что член следственной комиссии генерал-ад'ютант князь Чернышев был заинтересован в отнятии у декабриста Чернышева принадлежавшего последнему майоратного имения. Другой случай. Впоследствии выяснилось, что Сутгоф давал показания о Михаиле Кюхельбекере, на основании которых он был осужден, *смешав его с Арбузовым*. Таким образом было поставлено ведение предварительного следствия. А ведь, оно было целиком положено в основу судопроизводства по делу декабристов. О членах комиссии, автор статьи о суде над декабристами—в. кн. Николай Михайлович говорит, что «ничтожность избранников царского доверия поражает». И дальше: «Председателем следственной комиссии был военный министр Татищев, вполне безличный; из членов комиссии Чернышев, Левашев, Голенищев-Кутузов и Потапов известны своим бессердечием и подобострастием; князь А. Голицын—ханжеством, Д. Н. Блудов—либерализмом на словах и трусостью на деле...» «Чернышев, заседая в комиссии, заявил себя самым безжалостным и строгим судьей». «Чернышев прибегал во время следствия к подлогам и клевете на подсудимых, не брезговал провокацией; судья—неумолимый, пристрастный и дерзкий»,—в таких выражениях отзываются о князе А. И. Чернышеве Басаргин и Гагенблов.

В связи с веденнем судебного преследования в делах военной по флоту канцелярии и в других центральных морских инстанциях хранится ряд следов о моряках-декабристах.

Дело № 1290 военной по флоту канцелярии (327). Дело о государственных преступниках, морскому ведомству принадлежащих, прикосновенных к происшествию 14 декабря 1825 года. Начато 7-го апреля 1826 года. Кончено 30 января 1827 года. Флигель-ад'ютант граф Адлерберг требует от морского министерства формулярных списков на следующих 20 флотских офицеров.

Гвардейского экипажа: лейтенанты Вишневский, Арбузов, Шпейер, Кюхельбекер, Лермантов 2, Миллер, Муспн-Пушкин, Акулов, Цебриков, мичмана—Бодиско 1-й, Бодиско 2-й, Беляев 1-й, Беляев 2-й, Дивов, Миллер, Цебриков были арестованы с содержанием на гауптвахте в Кронштадте, но скоро освобождены.

Бестужев, Николай—8-го флотского экипажа.

Бестужев, Петр—27 флотского экипажа, мичман.

Чижов, Романов—2 флотского экипажа.

Завалишин—8-го флотского экипажа.

Торсон — капитан-лейтенант, ад'ютант начальника Главного Морского штаба.

7-го апреля 1826 года командиру Гвардейского экипажа пишут из морского министерства о доставлении послужных списков на 14 офицеров экипажа, прикосновенных к происшествию 14 декабря.

8-го апреля 1826 г. командир Гвардейского экипажа препровождает формулярные списки на 14 офицеров экипажа (список смотри выше).

7-го апреля 1826 г. начальник Морского штаба Моллер 2-й пишет председателю следственной комиссии Татищеву об отсылке формулярных списков на офицеров; обещает незамедлительно доставить.

28 апреля 1826 г. главный командир и военный губернатор Свеаборгского порта Шельтинг пишет об отправке в Петербург государственного преступника Торсона. Последний отправлен с прибывшим фельд'егерем. Приказание Шельтинг принял от коменданта Свеаборгской крепости инженер-генерала Гебенера 2-го.

Начальник Главного штаба барон Дибич пишет начальнику Морского штаба Моллеру 2-му (из Царского Села). В этом письме Дибич подробно излагает все распоряжения Николая I о приведении и исполнении приговора над государственными преступниками, прикосновенными к происшествию 14 декабря, бывшими флотскими офицерами. Письмо датировано *11 июля 1826 г.* Дибич передает приказание Моллеру 2-му приготовить яхту. Потом принять из Петропавловской крепости государственных преступников, бывших флотских офицеров, на которых

список будет дан особо. Везти на Кронштадтский рейд на адмиральский корабль Кроуна. Разжаловать в тот же день по обрядам морской службы, о коих им, Моллером 2-м, была представлена его величеству записка. Дабы противные ветры не помешали, необходимо приготовить для буксирования яхты пароход. В письме Дибича определенно подчеркивается, что приговор должен быть приведен в исполнение безотлагательно, именно в самый день 13 июля. Для этого надлежит принять преступников из крепости как можно раньше утром.

Нервная торопливость и просто трусость Николая I-го, спешившего учинить расправу над своими противниками, поставило все морское начальство на ноги в течение *12 и 13-го июля.*

Вот краткий обзор переписки и лихорадочных распоряжений в связи с исполнением приговора *13-го июля.*

Моллер 2-й пишет барону Дибичу, что согласно переданных ему Дибичем высочайших приказаний он распорядился приготовить яхту-шхуну *Опыт* с пароходом. Кроме того, он, Моллер 2-й, распорядился приготовить 2 баркаса с закрытыми каютами, так как он не знает числа осужденных преступников. Таково первое послание Моллера *от 12 июля 1826 года.*

В тот же день Моллер 2-й пишет адмиралу Кроуну. Он предупреждает его, что 13-го июля рано утром на Кронштадтский рейд прибудет шхуна *Опыт* с пароходом. Он инструктирует Кроуна, в каком порядке и по каким обрядам должно совершиться исполнение приговора над осужденными государственными преступниками. Лишение чести должно производиться на флагманском корабле *Князь Владимир.* При приближении шкуны *Опыт* с заключенными на ней государственными преступниками, на крюс-стеньге надлежит поднять черный флаг, производя при этом орудийные выстрелы. Для присутствования при исполнении экзекуции должны явиться с каждого корабля эскадры, стоящей на Кронштадтском рейде, по одному старшему командиру-офицеру, по одному лейтенанту, по одному мичману и особо по одному гребному судну. Экзекуция начинается с об'явления в надлежащем порядке сентенции Верховного Уголовного суда, каковая будет прислана своевременно, по получении ее от министра юстиции. Над головами осужденных преступников после об'явления сентенции надо сломать их шпаги, надпилив их прежде, сорвать с мундиров эполеты, а затем сорвать и самые мундиры. И все это бросить за борт в воду. По исполнении указанных церемоний, преступников направить, куда кого следует.

12-го июля 1826 г. Моллер 2-й пишет коменданту Петропавловской крепости генералу от инфантерии Александру Яковлевичу Сукину, что для приема государственных преступников, бывших офицеров флота, назначается морской артиллерии капитан 3-го ранга Балашев, в распоряжение коего отряжается надлежащий караул под командой офицера для препровождения

из Петропавловской крепости до яхты. Последняя будет поставлена за Исаакиевским мостом. Кроме яхты, назначены два баркаса с закрытыми каютами. Моллер 2-й просит генерала Сукина одеть арестованных в мундиры с эполетами и после того выдать их капитану Балашеву, который 13-го рано поутру явится их принять.

12-го июля 1826 г. Моллер 2-й пишет министру юстиции, прося последнего прислать список осужденных преступников, бывших офицеров флота.

В ответ на это министр юстиции немедленно отвечает Моллеру 2-му, что именно в эту минуту Верховный Уголовный суд приступает к об'явлению преступникам приговора. По об'явлении последнего, обещает немедленно прислать требуемый список. В тот же день министр юстиции посылает Моллеру 2-му вторую записку, в которой уведомляет последнего, что приговор об'явлен и что он спешит прислать список осужденных преступников. Обер-прокурор Журавлев присылает список 15-ти осужденных, бывших офицеров флота.

12-го июля 1826 г. Моллер 2-й пишет вторую инструкцию адмиралу Кроуну. По новой инструкции полный приговор следует исполнить над первыми 10 по списку, следующих пять надлежит лишить мундиров и сабель. Бодиско 1 после исполнения приговора надо прислать в Кронштадтскую крепость для написания в матросы. Остальных арестантов под конвоем капитана Балашева надлежит отправить обратно в Петербург.

От 12-го июля 1826 г. имеется предписание капитану Балашеву, где перечисляются все ранее указанные подробности. В качестве дополнительных сведений можно указать следующее. Первых восемь арестантов по списку и лейтенанта Чижова необходимо доставить в Петербург в губернское правление для отсылки по принадлежности (для отбытия каторжных работ); Бодиско 1 надлежит отправить в Кронштадтскую крепость для написания в матросы. Бодиско 2-го доставить в инженерный департамент военного министерства для отправки на крепостные работы. Петра Бестужева, Вишневского, Мусина-Пушкина, Акулова надо доставить в инспекторский департамент Главного штаба его императорского величества.

12-го июля 1826 года. Начальник Морского штаба Моллер 2-й извещает коменданта Кронштадтской крепости Моллера 1-го, что 13-го июля на Кронштадтском рейде будет приводиться в исполнение приговор над государственными преступниками, бывшими флотскими офицерами. Моллер 2-й снова перечисляет все подробности дела.

13-го июля в 3 часа по полуночи генерал Сукин, комендант Петропавловской крепости, пишет начальнику Морского Штаба Моллеру 2-му, что он сдал капитану Балашеву 15 арестантов, бывших флотских офицеров. Балашеву он же сдал 1023 рубля ассигнациями по списку, кому сколько денег принадлежит. Из

оружия он сдал только одну саблю Завалишина. Иного оружия за арестантами не числилось, так как все, кроме Завалишина, были доставлены арестованными без оружия.

13-го июля 1826 г. Командир бранд-вахты по Большому фарватеру пишет Моллеру 2-му. В 4 часа пополуночи мимо бранд-вахты прошли по направлению в Кронштадт пароходы *Проворный* и *Скорый*. Первый пароход вел на буксире шкуну *Опыт* и при ней два 12-весельных катера. На шкуне *Опыт* находился командир штурманский помощник 14-го класса Сергеев; команда на шкуне Гвардейского экипажа [1]); в состав ее входили барабанщик и другие чины. На катерах находились арестованные, имена которых ему, командиру бранд-вахты, остались неизвестны.

В виду того, что, как кажется, в печати никогда не приводилась точная справка о расправе, учиненной Николаем Палкиным над моряками-декабристами, приводим точную выписку из шканечного журнала, где, на ряду с совершенно будничными корабельными мелочами, дается описание экзекуции над моряками-декабристами. Сохраняем даже в точности правописание корабельного писаря, со множеством его ошибок и безграмотностью.

Экзекуция на корабле «Князь Владимир».

№ 5.

ШКАНЕЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ
74-х пушечного корабля князя Владимира, введенный въ кампанию в лето 1826-го года.

(2-ое Отделение III Секции. Из фонда шканечныхъ и вахтенныхъ журналовъ). Подъ командой Гвардейского экипажа Г-на капитана 1-го ранга Кавалера Петра Федоровича Качалова и въ Ескадре подъ флагомъ Его Высокопревосходительства Господина Адмирала Романа Васильевича Кроуна.

Месяца Июля 1826 года.

Въ 6 часовъ при пушечномъ выстреле приказалъ на корабле всемъ поднять на крѣйсъ брамстеньгу черной флагъ вскоре после сего попрнказу отданному отъ меня согласно с секрет-

[1]) Известно из истории военных восстаний, что в качестве палачей самодержавие назначало товарищей восставших. Моряков-декабристов, которые были по преимуществу из Гвардейского экипажа, конвоировали именно матросы той же части. Без всякого сомнения, это сделано с умыслом, притом с двоякой целью. Во-первых, проверить бдительность раскаявшихся «матросов Гвардейского экипажа», и во-вторых, унизить восставших до соучастия в расправе над недавними товарищами по восстанию.

нымъ повеленіемъ пріехали къ намъ на корабль совсехъ военныхъ судовъ стоящихъ на рейдѣ по 1-мъ Старшему покапитане Афицеру по одному лейтенанту и особенно по 1-м Гребному судну въ начале 7-о часа пошелъ дождь въ $^3/_4$ 7-о часа сигналомъ повелелъ фрегату Елене снятся съякоря и следовать по данному повеленію которой вскоромъ времени съякоря и пошелъ въ морѣ въ походѣ 7 часа фрегатъ Проворный перешелъ съ малого рейда и сталъ на якорь на мѣсте фрегата Елена въ 7 часовъ пришли из С-т петербурга къ Ескадре два казенныхъ парохода, изъ коихъ уодного на буксире шхуна опытъ и два особенно устроенныхъ барказа по приближению къ кораблю моему опытъ остановился на якорем другойже обходилъ корабля вначале 8 часа сигналомъ повелелъ фрегату Констан-
тину снятся съякоря и следовать поданному повелению въ $^1/_4$ 8 часа они фрегата снялся съякоря ипошел вьморе въ $^1/_2$ 8 часа означенная шхуна и два барказа подведены были гребными судами къ правому борту моего корабля съ которыхъ и выведены были на корабль 15 человекъ *Государственныхъ* преступниковъ изъ Морскихъ офицеровъ и поставлены на шханцахъ въ середине построенного каре тогда обходящий вокругъ корабля пароходъ сталъ на якоре вскором времени попрочтеніи им Сентенціи выполняя данное мнѣ Высочайшее повеленіе надъ головами 10-т человѣк приказалъ переломить сабли сорвать съ ихъ Эполеты и мундиры выбросить все забортъ остальныхъ 5 человѣкъ лишены мундировъ и сабель изъкоихъ Бодиско 1-ы поокончаніи наказанія разжалованъ въ Матрозы потосланъ въ Кронстатъ апродчіе обратно отосланы натеже суда с дежурнымъ Штабъ офицеромъ Морской Артиллеріи капитан 3-о ранга Балашевымъ инабуксире тогожъ парохода отправились въ Ст петербургъ после чего приказалъ спустить поднятый черный флагъ и разъехатся офицерамъ; фамильижъ преступниковъ следующіе Капитанъ Лейтенантъ Торсонъ, Николай Бестужевъ, Лейтенанты Арбузовъ, Завалишинъ, Кюхельбекеръ, Чижковъ (Чижов), Мичьмана Дивовъ, Беляевъ 1, Беляевъ 2, Бодиско 2, Лейтенантъ Бодиско 1-ы, Вишневский, Мусинъ-Пушкинъ, Акуловъ, Мичманъ Петръ Бестужевъ въ 8 часовъ по рапорту командира корабля больныхъ служителей 8 человекъ воды въ корабле 10 $^1/_2$ дюйм въ 9-м часу ветр О тихи облачно. Пасмурность съ дождемъ въ $^3/_4$ 9 часовъ дождь прекратился и пасмурность прочистилась.

Чиновническая переписка о людях высокого подвига.

Потом опять будничная чиновническая переписка о людях высокого подвига.

13-го июля 1826 г. Моллер 2-й пишет члену Верховного Уголовного Суда инженер-генералу Опперману, что бывший

флотский офицер Бодиско 2-й отправляется в Свеаборг для употребления в крепостную работу.

13-го июля 1826 г. Моллер 2-й пишет Главному командиру Свеаборгской крепости, что к нему на фрегате *Легкий* будет отправлен бывший флотский офицер Бодиско 2-й. Его надлежит сдать в распоряжение Коменданта Свеаборгской крепости для употребления в крепостную работу. В делах имеется несколько отношений, касающихся отправки Бодиско 2-го в Свеаборг на фрегате *Легкий*.

13-го июля 1826 г. командир бранд-вахты по Большому фарватеру доносит, что с Кронштадтского рейда в Петербург последовали обратно суда, и в том числе шкуна *Опыт*, на которой командиром состоит штурманский помощник 14-го класса Сергеев и команда из матросов Гвардейского экипажа.

13 июля 1826 г. инженер-генерал Опперман пишет Моллеру 2-му по поводу того, что его инженерное ведомство не имеет средств и способов для отправки его в Свеаборгскую крепость; нельзя ли в виду этого отправить его в Кронштадскую крепость. На случай, если это окажется неудобным, генерал Опперман ставит в известность, что он не располагает способами доставить арестанта Бодиско 2-го в Свеаборгскую крепость.

13-го июля 1826 г. генерал от инфантерии Сукин спрашивает Моллера 2-го, как быть с обратным приемом государственных преступников для заключения их в Петропавловской крепости. Сукин указывает, что, в виду отсутствия надлежащих указаний от царя, он не находит возможным принять их обратно на содержание в Петропавловскую крепость, в виду чего полагает полезным содержать арестантов до ночи на яхте, или испросить высочайшее повеление об обратном приеме арестантов в Петропавловскую крепость.

13-го июля 1826 г. Моллер 2-ой пишет начальнику Главного штаба барону Дибичу, что он признал неудобным, согласно высочайших указаний, отправлять арестантов в губернское правление *днем*. Моллер 2-ой указывает, что комендант Петропавловской крепости отказал в обратном приеме арестантов, не имея надлежащих на то указаний. В виду чего он, Моллер 2-ой, распорядился до наступления ночи содержать арестантов под крепким караулом на шкуне *Опыт*. С наступлением ночи арестанты будут конвоированы в губернское правление для распределения их по принадлежности. Того же 13-го июля Дибич отдал Моллеру 2-му срочное распоряжение, на основании высочайших повелений, отправить арестантов для заключения в Петропавловской крепости впредь до надлежащего их распределения.

14-го июля 1826 г. Моллер 2-ой донес Николаю 1-му о том, что приговор над осужденными государственными преступниками приведен в исполнение и что в положенное время согласно высочайших повелений они отправлены обратно в Петропавлов-

скую крепость, где будут дожидаться надлежащего распределения.

Всего понесших наказания по определениям Верховного Уголовного суда и дисциплинарные взыскания по высочайшему повелению было 20 человек флотских офицеров. Приводим список наказанных по решению суда.

По приговору Верховного Уголовного суда были присуждены к различным наказаниям пятнадцать офицеров флота:

1) Лейтенант Арбузов	Приговор: лишить чинов, дворянства и сослать в вечную каторгу.
2) » Завалишин . .	Приговор: лишить чинов, дворянства и сослать в вечную каторгу.
3) Мичман Дивов	Приговор: лишить чинов, дворянства и сослать в вечную каторгу.
4) Капитан-лейтенант Николай Бестужев	Приговор: лишить чинов, дворянства и сослать в вечную каторгу.
5) Капитан-лейтенант Торсон .	Лишить чинов, дворянства, сослать на каторжные работы на двадцать лет, а потом на поселение.
6) Мичман Беляев I	Лишить чинов, дворянства, каторжная работа на 12 лет, по отбытию каторги поселение.
7) » Беляев II	Лишить чинов, дворянства, каторжная работа на 12 лет, по отбытию каторги поселение.
8) Мичман Бодиско II	Присужден к крепостным работам.
9) Лейтенант Кюхельбекер . .	Лишение чинов, дворянства, восемь лет каторжных работ.
10) Лейтенант Чижов	Лишение чинов, дворянства, ссылка на поселение.
11) Лейтенант Бодиско I . . .	Написать в матрозы.
12) Мичман Петр Бестужев . .	Лишение чинов, с написанием в солдаты с выслугой, распределить в далекие гарнизоны.
13) Лейтенант Вишневский . .	
14) » Мусин-Пушкин. .	
15) » Акулов	

В административном порядке были наложены по особому высочайшему повелению на следующих морских офицеров следующие наказания:

1) Балтийского флота лейтенант Романов	Имеется резолюция от 15-го июля 1826 г.—«продержать в крепости еще три месяца и отправить на службу в Черноморский флот».

2) Гвардейского экипажа лейтенант Шпейер . . . . . 13-го июля 1826 г.—резолюция: «продержать еще шесть месяцев в крепости, выписать во флот».

3) Мичман Тыртов . . . . . 13-го июля 1826 г.—резолюция: «перевесть в ластовый экипаж Каспийской флотилии и иметь за ним бдительный надзор».

4) Черноморского флотского экипажа мичман Писарев . 13-го июля 1826 г.—резолюция: «перевесть в Архангельск под бдительный надзор начальства».

5) Находившийся при генерал-интенданте мичман Лутковский . . . . . 13-го июля 1826 г.—резолюция: «перевесть в Черноморский флот под особый надзор адмирала Грейга».

Таким образом, приснопамятного 13-го июля Николай I расправился со своими врагами по флотской линии и, казалось бы, мог успокоиться, приступив к «безмятежному царствованию». Но ничуть не бывало: в делах по Морскому ведомству мы найдем еще не один знак отеческой заботливости Николая I о декабристах. Как известно, никого Николай I так не ненавидел, как поляков [1]) и декабристов. До последней минуты своей жизни он не забыл пережитого им звериного испуга 14-го декабря и потому до самого конца дней своих пронес испуг и ненависть к декабристам.

Николай I-ый опасливо «заботится» о моряках-декабристах.

По личному Николая I предписанию было подано указание военным властям на местах неукоснительно доносить о поведении и об отдельных поступках моряков-декабристов, имевших прикосновение к «Тайному Обществу» и к 14-му декабря.

От 15-го июля 1826 г. Морской департамент дал предписание об исключении капитана-лейтенанта Николая Бестужева и лейтенанта Завалишина, «служивших в зависимости от морского департамента». Предлагается исключить их из всех списков и табелей, о чем дать знать всем подведомственным учреждениям. Еще в 1837 году имеется отношение вице-директора строительного департамента по морской части, касающееся моряков-декабристов. В отношении дается указание, что необходимо прони-

---

[1]) Выше указано о связях тайных польских обществ, организовавших восстание 1830 года, с декабристами. Николай ненавидел поляков после восстания.

сывать в указах об увольнении в отставку о прикосновенности к восстанию декабристов, которое неизменно в этой казенной бумаге именуется «происшествием 14-го декабря 1825 года», а самая организация декабристов неизменно — «Обществом злоумышленников». В отношении вице-директора напоминается о воспрещении в'езда в обе столицы. Указания эти даны не только в отношении судившихся Верховным Уголовным судом, но и осужденных к дисциплинарным наказаниям по особым высочайшим повелениям. При этом делается ссылка на высочайшее повеление от 24-го июля 1832 года. Из'ятие допускается только для тех, о которых состоялись особые на этот счет высочайшие повеления за 1837 год (об этих особых высочайших повелениях имеется след в деле № 2040 за 1837 год, секретное отношение ген.-ад'ютанта Геруа по Штабу Е. И. В. По управлению генерал-инспектора по инженерной части).

О сосланных в административном порядке, о понесших дисциплинарное наказание состоялось высочайшее повеление ежемесячно доносить на высочайшее имя об их поведении, имея за ними на местах неусыпный надзор. Что этот вопрос о поведении бывших моряков-декабристов крайне озабочивал Николая I, видно из того, что дежурный генерал Главного штаба многократно адресуется на имя морского министра и морского департамента настойчивыми напоминаниями о необходимости неукоснительно доносить. Когда случилось так, что о Тыртове некоторое время не поступало никаких сведений, было сделано строгое напоминание, что вот, дескать, о Тыртове ничего не доносят, а было приказано доносить неукоснительно. Следить за поведением и доносить ежемесячно о Романове и Лутковском было поручено главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Грейгу; о лейтенанте Шпейере было предписано наблюдать и доносить командиру Свеаборгского порта капитану Шельтингу; в Астрахани наблюдать за мичманом Тыртовым было поручено генерал-майору Орловскому; в Архангельске аналогичное приказание о наблюдении за мичманом Иванчин-Писаревым было дано генерал-майору Миницкому.

О Тыртове была возбуждена целая переписка. Последний ходатайствовал об определении его в отдельный Кавказский корпус. Но в этом ему было отказано. По приказанию Николая I, Тыртов был назначен в Черноморский II-й экипаж. Начальник Морского Штаба Моллер 2-й пишет адмиралу Грейгу о переводе Тыртова из Каспийской флотилии в Черноморский флот и о необходимости иметь за ним неусыпный надзор.

Дежурный генерал Главного штаба напоминает морскому министру, что надо ежемесячно давать сведения о Лутковском и о Романове. Морское министерство пишет об этом напоминании в Черноморский флот. Черноморский департамент доносит в 1828 году управляющему Морским штабом: за заслуги в делах против турок и черкесов Романов награжден производством в чин

капитан-лейтенанта. Лутковский—Орденом Владимира 4-й степени с бантом. О Тыртове доносится, что за отличие в деле у Варны он произведен в лейтенанты и переведен во флотский экипаж.

От 20-го ноября 1828 года имеется отношение дежурного генерала Главного штаба, в котором дано раз'яснение о порядке наблюдения за прикосновенными к происшествиям 14-го декабря. Дежурный генерал раз'ясняет, что на будущее время, согласно высочайшего повеления, отменяются ежемесячные донесения на высочайшее имя о поведении бывших декабристов. Очевидно, в течение 3-х лет чтение одних и тех же донесений наскучило Николаю I и он решился довериться в смысле наблюдения начальству бывших декабристов. В отношении дежурного генерала от 20-го ноября подтверждается, что необходимо продолжать за декабристами неусыпное наблюдение. В случае «малейшего отступления от порядка и в случае поступков, вызывающих сомнение относительно их образа мыслей, надлежит неотложно доносить». К этому же отношению дежурного генерала Главного штаба приложен список морских офицеров, состоящих под секретным надзором: прикомандированный к 22-му флотскому экипажу лейтенант Шпейер, флотского экипажа лейтенант Тыртов, 16-го флотского экипажа мичман Иванчин-Писарев.

Николай I интересовался декабристами настолько, что даже в случае оставления ими военной службы желал их иметь в поле своего зрения. В официальной переписке неоднократно напоминается, что в случае, если такой-то и такой перевелись в гражданскую службу, сообщать по какой причине и при каких обстоятельствах произошли эти служебные перемены.

Что касается благонадежных слуг престола и отечества, то Николай I озаботился также проверить их благонадежность. Имеется специальное дело об отобрании подписок касательно непринадлежности к масонским ложам и к иным тайным обществам. Оно завелось при Александре I в 1822 г. После восстания были повторно отобраны подписки. Подписки давались и впоследствии чиновниками.

Дело об отобрании подписок о непринадлежности к масонским ложам и к иным тайным обществам долго соблюдалось неуклонно, и его следует напомнить читателю. Управляющий министерством внутренних дел граф Кочубей пишет начальнику Морского штаба, что, согласно высочайшей воле, необходимо на будущее время отбирать у всех состоящих на государственной службе подписки о непринадлежности к масонским ложам и к иным тайным обществам. Отношение за № 484 от 5-го августа 1822 года.

В этом отношении мотивируется необходимость отобрания подобных подписок тем, что в других государствах возникли беспокойствия и соблазны в связи с существованием разных тайных обществ. Указывается, что масонские ложи первоначально возникли в целях благотворительности. Но постепенно они стали сокровенно заниматься делами политическими, обратив свою дея-

тельность к вреду спокойствия. Такой вред может произойти от «умствований».

В виду всех этих опасностей, император Александр I постановил закрыть масонские ложи. При этом была составлена инструкция, от кого и в каком порядке надлежит отбирать подписки о непринадлежности к масонским ложам и иным тайным обществам. Прежде всего надо было предложить откровенно и чистосердечно об'явить, кто принадлежит к масонским ложам, предупредив, что на государственной службе могут оставаться только те, кто согласится выйти из состава масонских лож и не принадлежать к ним на будущее время. Первоначально предполагалось отбирать подобные подписки только в обоих столицах. Затем это же распоряженне было распространено повсеместно, в применение ко всем, состоящим на государственной службе.

Моллер 2-й обратился в адмиралтейский департамент с предложением отобрать подписки повсеместно. Это распоряжение было сделано им 24-го августа 1822 года.

Первое признание сделал действительный статский советник Лабзин (он принадлежал к множеству масонских лож); Лабзин один из первых дал подписку о непринадлежности к масонским ложам. Вслед за ним дал действительный статский советник Шуберт, директор адмиралтейского музея, чиновник V класса Руссиновский. Директор морской типографии фон-Гейзер сообщил длинный список служащих типографии, давших подписку о непринадлежности к масонским ложам, и свою собственную подписку.

В деле приложено очень много списков и отдельных подписок о непринадлежности к масонским ложам.

Следят за каждым шагом.

В делах Морского ведомства сохранилось довольно много бумаг, характеризующих мелочную, опасливую заботливость Николая I о декабристах. Считая необходимым сохранить малейшее упоминание о моряках-декабристах, о которых за все 100 лет почти ничего не было опубликовано в нашей печати, даем обзор этих документов. Дело № 1314 военной по флоту канделярии касается Романова, Шпейера, Лутковского, Тыртова и Иванчин-Писарева. В деле этом заключаются первые распоряжения и даны сведения о первом периоде николаевского преследования.

Дело № 1314 военной по флоту канцелярии. Дело о прикосновенности к членам злоумышленного общества лейтенантах Романове, Шпейере, Лутковском и мичманах Тыртове и Иванчин-Писареве. Начато 10-го июня 1826 года. Кончено 8-го апреля 1827 года.

Отношение военного министра генерала Татищева за № 819 от 16-го июня 1826 года. Вследствие представленной записки комиссии о злоумышленном обществе, сообщаются высочайшие распоряжения, которые надлежит исполнить через начальника

Морского штаба. Балтийского экипажа лейтенанта Романова продержать 3 месяца в крепостном заключении в Петропавловской крепости, а потом направить в Черноморский флот на службу.

В отношении военного министра за № 922 от 13-го июля 1826 года на имя начальника Морского штаба адмирала Моллера 2-го предлагается, на основании записки следственной комиссии, предпринять следующие меры, предписанные высочайшим повелением. Тыртова и Иванчин-Писарева, хотя и не принадлежавших к тайному обществу, однако по связям, своим и образу мыслей изобличенных, подвергнуть следующим наказаниям. Тыртова направить на службу в ластовый экипаж Каспийского флота под бдительный надзор начальства; Иванчин-Писарева — на службу в Архангельск, содержа его под бдительным надзором начальства; Лутковского—в Черноморский флот под особо бдительный надзор адмирала Грейга. О всех поднадзорных ежемесячно доносить, доводя до сведения царя.

Начальник Морского штаба Моллер 2-й пишет адмиралу Кроуну: «Находящегося на флагманском корабле *Князь Владимир* мичмана 7-го флотского экипажа, прикомандированного к Гвардейскому экипажу, Тыртова перевести в 18-й флотский экипаж. Сначала направить в Петербург, а оттуда сухим путем— на службу в Архангельск». В отмену этого, Моллер 2-й 18-го июля пишет Кандиэру: «Находящегося на фрегате *Россия* [1]) Гвардейского экипажа мичмана Тыртова перевести в Каспийскую ластовую роту. Немедленно прислать его в Петербург для отправления в Астрахань».

О тех же распоряжениях Моллер 2-й дает письменное предписание в Адмиралтейств-коллегию для исполнения.

Военный министр пишет Моллеру 2-му о лейтенанте Шпейере. Его надлежит продержать в Кронштадтской крепости под арестом 6 месяцев; по окончании ареста выписать во флот.

Генерал майор Орловский (с Каспия) доносит, что приказ о Тыртове будет им исполнен в полной мере.

Во исполнение высочайшей воли о ежемесячных донесениях, таковые стали поступать.

Вот образчик донесения капитана 1-го ранга Васильева на высочайшее имя от 1-го сентября 1826 года:

«Состоящий в 18-м флотском экипаже мичман Писарев занят по службе почти ежедневно должностью, командует второй ротой, за отсутствием настоящего ротного командира, и рачителен к оной. В поведении его не замечается, чтобы образ мыслей его клонился к каким-нибудь злоумышлениям против правительства либо законного порядка. О чем вашему императорскому величеству доподлинно доношу».

Совершенно в таком же духе капитан 1-го ранга Васильев составлял все последующие свои донесения о Писареве. Почти

---

[1]) Тыртов оказался не на *Князе Владимире*, а на фрегате *Россия*.

слово в слово повторял вслед затем манеру донесений капитан 1-го ранга Повалишин.

Комендат Петропавловской крепости генерал от инфантерии Сукин доносит начальнику Морского штаба Моллеру 2-му, что 15-го сентября 1826 года истек срок заключения лейтенанта Романова, в виду чего Сукин направляет его в распоряжение адмирала Моллера. В тот же день, 15-го сентября, Моллер 2-ой письменно относится на имя Адмиралтейств-коллегии об отправлении лейтенанта Романова в Черноморский флот.

22-го сентября 1826 года адмирал Грейг доносит Николаю I-му о Лутковском. Грейг сообщает, что Лутковский, по прибытии своем на службу в Черноморский флот, явился к нему в гор. Николаев. При этом представлении Лутковский доложил, что ему всегда лестно служить там, куда его назначит начальство. Он чистосердечно признался, что понимает свой перевод в Черноморский флот, как наказание за совершенные им проступки. В об'яснение последних Лутковский сказал, что главной причиной своего наказания он считает знакомство свое с лейтенантом Завалишиным. Однако, он об'ясняет его тем, что они вместе с Завалишиным хотели заниматься изучением испанского языка и словесности. Кроме того, он, Лутковский, никогда не предполагал в Завалишине никаких умыслов и дурных поступков, видя, что начальство хорошо относится к этому офицеру и награждает его. В настоящее время Лутковский чистосердечно раскаивается во всех своих поступках. Своим поведением и усердным исполнением службы он не дает никаких причин и поводов подозревать его. Адмирал Грейг направляет Лутковского к Моллеру 2-му по случаю того, что Лутковский отправлен в Петербург по делам, вследствие поступившего отношения от начальника Морского штаба.

13-го октября 1826 года Моллер 2-й представляет при своем отношении рапорт адмирала Грейга о Лутковском Николаю I-му.

Генерал-майор Орловский доносит на имя Моллера 2-го для доклада Николаю I-му (7 декабря 1826 г.) о Тыртове. «Но ничего относительно сокровенности в образе мыслей, в рассуждении и принадлежности к какому-нибудь тайному обществу не замечается. Поступки его (про Тыртова) не навлекают на себя подозрений и в коренном его поведении».

Командиру Гвардейского экипажа капитану-лейтенанту Лялину от 6-го января 1827 года. Отправить лейтенанта Шпейера в Свеаборгскую крепость для службы в 24-м флотском экипаже.

26-го января 1827 года Моллер 2-й пишет главному командиру Свеаборгского порта Шельтингу. Сообщается распоряжение—по истечении шестимесячного ареста лейтенанта Шпейера в Кронштадтской крепости отправить его в Свеаборгскую крепость. Моллер 2-й добавляет, что лейтенанту Шпейеру отпуска не предоставлять, а в случае, если Шпейер будет просить уволить его в отставку, предварительно снестись с ним, с Моллером 2-ым.

26 января 1827 года. Предписание вице-адмиралу Сарычеву 1-му об отправлении Шпейера в Свеаборгскую крепость.

Вице-адмирал Сарычев пишет Моллеру 2-му по делу об отправке Шпейера в Свеаборгскую крепость. Шпейер просит выдать ему жалованне с 1-го января 1826 года по 28 января 1827 года.

31-го января 1827 года Сарычев просит вернуть Шпейеру саблю и спрашивает на счет жалования, о котором Шпейер ходатайствовал.

Моллер 2-ой пишет Сарычеву 1-му. Сабля Шпейера отправляется ему по принадлежности (сабля находилась на хранении у петербургского коменданта генерала Башуцкого). Предлагается выплатить жалование Шпейеру и вслед затем немедленно отправить его в Свеаборгскую крепость для службы в 24-м флотском экипаже.

11-го февраля 1827 года Сарычев 1-ый доносит, что жалование Шпейер получил в половинном размере. В виду этого он, Шпейер, возбудил ходатайство об уплате ему жалования в полном размере. При этом лейтенант Шпейер ссылается, что арестованные на Кронштадтской гауптвахте офицеры Цебриков, Лермантов 2-ой, Миллер во все время своего ареста жалование получали полностью. Свое ходатайство Шпейер подтверждает тем, что он под судом не находился и отбывал наказание не по суду.

14-го февраля Моллер 2-й пишет Сарычеву 1-му, что надлежит удовлетворить лейтенанта Шпейера полным окладом за все указанное время, а вслед затем немедленно отправить в Свеаборг, не дозволяя заезжать в Петербург.

Главный командир Свеаборгского порта Шельтинг 8-го апреля 1827 года запрашивает Моллера 2-го, как поступить с лейтенантом Шпейером в виду того, что 24-й флотский экипаж переводится в Кронштадтскую крепость.

Дежурный генерал Главного штаба Ратманов относится на имя Шельтинга, что Шпейера надо оставить в Свеаборге для службы в 11-ом флотском экипаже.

Дело № 300 (3389) начато 5-го декабря 1829 г. В этом деле даются сведения о Тыртове, Иванчин-Писареве, Шпейере, Романове и о степени прикосновенности этих лиц к происшествию 14-го декабря 1825 года.

Генерал Миницкий пишет в Морское министерство по поводу прошения офицера 24-го флотского экипажа Иванчин-Писарева об отпуске на 4 месяца в Бронницкий уезд, Московской губернии; Шпейера из 20-го флотского экипажа в Петербург к отцу на 4 месяца. Генерал Миницкий указывает, что после высочайших повелений просьбы указанных лиц он лично уважить не мог. Однако, в виду того, что означенные лица обнаруживают весьма «хорошее поведение, добрую нравственность», он представляет их просьбу на усмотрение инспекторского департамента.

На эту тему возникает довольно длинная переписка.

13-го декабря 1829 г. Главный штаб пишет, что по возбужденным ходатайствам об отпусках он полагает возможным удовлетворить ходатайства об отпусках Тыртова и Иванчин-Писарева. Но что касается бывшего лейтенанта Гвардейского экипажа Шнейера, то, в виду сильной его прикосновенности к происшествию 14-го декабря 1825 года, его просьба подлежит уважению только в крайнем случае и то при соблюдении достаточных предосторожностей и прежде всего назначении за ним во время нахождения в отпуску секретного наблюдения. Вообще Главный штаб находит, что по поводу возбуждаемых ходатайств надлежит испрашивать каждый раз высочайшее соизволение, удостоверясь прежде этого в «доброй нравственности, поведении, образе мыслей» поднадзорных офицеров-декабристов.

Красный флот чтит память моряков-декабристов.

14 декабря 1825 г. потонуло, казалось, бесследно в долголетнем удушии царского самодержавия: одинокий подвиг горсточки борцов, не поддержанный широким движением трудового народа! Только несколько тысяч солдат и несколько сот офицеров выступили 14 декабря, при сочувственном безмолвии масс! Об этом сохранилось много упоминаний в мемуарах декабристов. Рабочие не поддержали. Да их и мало было тогда,— всего тысяч двести на всю Россию, при чем и в помине не было какой бы то ни было рабочей организованности. Рабочие были те же полукрепостные, в большинстве не грамотные, забитые. Правда, уже в восстании Пугачева участвовали поголовно все рабочие уральских горных промыслов. Но тогда выступление рабочих носило чисто стихийный характер и держалось только благодаря связи с широким крестьянским восстанием, руководимым Пугачевым. Самостоятельное общественное значение выступления рабочих приобретают сто лет спустя, в восьмидесятых годах XIX столетия, вернее сказать, только в середине девяностых годов того же века.

Крестьянство тоже не поддержало декабристов, и не могло поддержать, т. к. не было решительно никакой связи между свободомыслящими гвардейскими офицерами, дерзнувшими на восстание, и между распыленным крепостным крестьянством России. Крестьянство могло скорее восстать под влиянием агитации аракчеевским дубьем, чем от неясных лозунгов декабристов об освобождении *без земли*. Так и было на деле.

Восстание 14 декабря потонуло в крестьянском море, не вызвав даже всплеска, тогда как аракчеевские военные поселения зажгли огромное восстание крестьянства в Новгородской губернии... Одиночество декабристов было полное. И в этом величайшая трагедия для борцов 14 декабря. Одиночество, единоборство с темными полчищами царизма —вот, что искупает все социальные ошибки декабристов, обреченность общественного смысла их подвига.

И тем не менее, в оценке нравственного содержания их общественного поступка одиночество, покинутость, обреченность дают особенную цену личному *подвигу*. Недаром В. И. Ленин восстание декабристов считает как бы началом революционного подвижничества интеллигенции, выказавшей «величайшее самопожертвование и своим героически-террористическим методом борьбы вызвавшей удивление всего мира» (см. на стр. 5).

Не вызвав активности масс и не способствовав, значит, революционному движению непосредственно, восстание декабристов однако не прошло бесследно. «Декабристы способствовали — прямо или косвенно—последующему революционному воспитанию русского народа» (слова В. И. Ленина, см. там же, на стр. 5).

Самодержавие это хорошо поняло. Недаром Николай I так старался смыть всякий след 14 декабря. В день казни и экзекуции, 13 июля 1826 г., кавалергардские офицеры устроили блестящий придворный праздник в честь августейшего палача и его супруги во дворце на Каменном Острове. Мы видели в архивных делах следы ненависти Николая I, его свирепой мстительности. Как для самодура, августейшего его отца, императора Павла I, — «якобинец», так для Николая I — «декабрист» было обозначением всяческой крамолы. И не только лично декабристов ненавидел он, но каждого, в ком мог заподозрить малейшую тень «неблагонадежности». Тридцать лет до севастопольского разгрома, страшным грузом давила николаевщина нарождавшуюся буржуазную русскую общественность. Именно с этой эпохи расцвели лавры русских царей, как жандармов Европы. Царизм, казалось, упрочился после «отечественной» войны и разгрома восстания декабристов.

Но могущество царей уже при Николае I стало давать трещины. Через несколько лет после 14 декабря 1825 г.—польское восстание (1830 г.); в русской общественности наступает эпоха Белинского, Герцена... Революция 1848 г. слабым эхом отдается и в России в виде процесса петрашевцев. Неудачи крымской кампании показали Николаю I, что в его самодержавном царстве далеко не все в порядке (в отчаянии от этих неудач он, говорят, отравился). А там, еще через несколько лет, главная крамола: «освобождение» крестьян, кое-какие «свободы» и в устройстве суда, высшей школы, печати и пр., эпоха великих реформ, как это время названо буржуазными историками.

Расправа над декабристами не дала царизму прочного счастья. Во флоте ровно через два года произошло поголовное восстание матросов находившегося в плавании корабля *Александр Невский*.

Традиции декабристов ожили в среде лучшей части флотского офицерства в 70-х годах, выразившись в форме народовольческого движения.

Наконец, двадцать лет назад, выступлением потемкинцев моряки бесконечно расширили революционную традицию, выступив не малочисленным, слабым отрядом, а сильным авангардом пролетарской армии. Этим первым славным революционным боям 1905 г. подводится итог теперь в—1925 г., в эпоху укрепляющейся пролетарской диктатуры.

Красный флот создан на крови павших моряков—революционеров, от дней *Потемкина* до боев гражданской войны. И он верен великим преданиям минувших боев, крепкий своей политической сознательностью, боевой силой и готовностью отразить всякое покушение на власть пролетариата.

В длинном боевом пути, от 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, до наших дней, подвиг матросов Гвардейского экипажа и некоторых моряков-офицеров не прошел бесследно. Слава его сохранится в летописях Красного флота. Пролетариат ценит кровь павших за дело раскрепощения, умеет чтить память о подвигах революционных борцов.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О МОРЯКАХ-ДЕКАБРИСТАХ.

О декабристах, осужденных по постановлению Верховного Уголовного суда, в деловой переписке Морского ведомства хранится гробовое молчание. Только за первое время, непосредственно после 14 декабря, имеется несколько упоминаний: об истребовании послужных списков, об исключении изо всех списков и формуляров Николая Бестужева и Завалишина. В отношении казенного делопроизводства это вполне понятно, так как Морскому ведомству по поводу сосланных в каторжные работы не встречалось никакой надобности вступать в переписку. А без прямой служебной надобности благонамеренные чиновники Морского ведомства избегали малейшего упоминания об опасных людях.

Вот почему единственным почти источником сведений о моряках-декабристах после 14 декабря являются дневники и мемуары участников восстания. Однако, в сравнительно богатой мемуарной литературе декабристов содержится довольно мало сведений именно о *моряках*-декабристах. Правда, редкие мемуары обходятся без многочисленных упоминаний имени того или иного моряка-декабриста. Но сведения эти по преимуществу случайного характера, по поводу незначительных обстоятельств тяжелой и монотонной жизни сначала на каторжных работах, потом в ссылке в Сибирской тайге.

Таким образом, сведения приходится собирать по отрывочным мелким упоминаниям, из чего, разумеется, не может составиться никакой цельной картины, ни тем более последовательного биографического повествования. Впрочем, это и не входит в задачи нашего краткого очерка, имеющего целью сообщить о моряках-декабристах только те сведения, которые характеризуют их непосредственное участие в событиях 14 декабря или стоят хотя бы в какой-нибудь близости с этим событием.

Но так-как чрезвычайно мало распространены какие бы то ни было сведения о моряках-декабристах, а для очень многих читателей и вообще-то моряки-декабристы заслонены такими крупными фигурами, как Пестель, Рылеев и некоторые другие, мы считаем небесполезным дополнить наше изложение самыми краткими и общими сведениями по биографии моряков-декабристов. При этом естественно ожидать, что наиболее пространные

сведения должны быть о моряках-декабристах, оставивших после себя мемуары и участвовавших в литературной работе [1]).

Важным источником биографических справок, правда, чисто формулярного характера, является изданный Морским ведомством «Общий морской список» (издан в 90-х годах прошлого столетия).

В виду царившего о моряках-декабристах заговора молчания, мы считаем, что и простые выписки из «Общего морского списка» небесполезны. О некоторых «Общий морской список» дает *сведения* до дня смерти, а о некоторых умолкает с 1825—1826 г., преимущественно о сосланных в каторжные работы. Достоинство «Общего списка»—в его точности, которая об'ясняется тем, что в нем даны копии послужных списков. Дополняем эти сведения по другим источникам.

Акулов, Николай Павлович, лейтенант Гвардейского экипажа. Членом «Общества» не был, но о существовании его знал. По суду был разжалован в рядовые и служил на Кавказе. За отличие в экспедиции против горцев произведен в 1836 году в прапорщики. Уволен от службы по болезни в 1836 году.

В «Общем морском списке», части VI-й, имеются о нем следующие сведения:

1810 г., февраля 16. Поступил в Морской корпус кадетом.

1812 г., сентября 22. Произведен в гардемарины.

1812—1814 гг. Ежегодно был в крейсерстве между Петербургом и Кронштадтом.

1815 г., июля 21. Произведен в мичмана. На бомбардирском бриге *Молния* плавал между Свеаборгом и Ревелем.

1816 и 1817 г. г. Находился на Свеаборгском порте.

1818 г. На шлюпе *Соломбала* плавал между Свеаборгом и Кронштадтом.

1819 и 1820 г.г. Находился при Кронштадтском порте.

1820 г., февраля 27. Произведен в лейтенанты.

1821 г. На корабле *Св. Андрей* перешел из Архангельска в Кронштадт.

1823 г. На фрегате *Легкий* был в крейсерстве в Балтийском море. Определен в Гвардейский экипаж.

1824 г. На том же фрегате плавал от Кронштадта до острова Исландии.

1825 г. Командовал придворною яхтою *Церера.*

1826 г., июля 13. За государственные преступления разжалован в рядовые, с определением в дальние гарнизоны.

Арбузов, Антон Петрович, лейтенант Гвардейского экипажа, член «Северного Общества». 15 декабря 1825 г. заключен в Алексеевский равелин. «Высочайше повелено» 21 января 1826 г. заковать А. П. Арбузова в железа, которые были сняты 30 апреля того же года. Арбузов был осужден 10 июля по первому раз-

---

[1]) В общих справочниках и словарях о моряках-декабристах хранится, за редким исключением, гробовое молчание.

ряду, но затем 20 августа срок каторжных работ ему сократили до 20 лет. После приговора Арбузова отправили в Роченсальм, 17 августа. В Нерчинский рудник он прибыл 24 декабря 1827 г. Срок каторги Арбузову был сокращен еще два раза: до 15 и затем до 13 лет. В 1839-ом году был переведен с каторги на поселение в село Назаровское, Ачинского округа, Енисейской губернии. Умер в 1843 году.

В «Записках» Завалишина упоминается, что в Сибири Арбузов изобрел новый способ закалки стали.

В «Общем морском списке», части VI, имеются следующие сведения:

1810 г., февраля 12. Поступил в Морской корпус кадетом.

1812 г., июня 7. Произведен в гардемарины.

1812—1814 г.г. Ежегодно был в крейсерстве между Петербургом и Кронштадтом.

1815 г., июля 21. Произведен в мичмана. На бриге *Молния* плавал между Свеаборгом и Ревелем.

1817 и 1819 г. г. На бриге *Фалк* и на корвете *Дюмона* плавал в Финском заливе.

1820 г., февраля 27. Произведен в лейтенанты. Определен в Гвардейский экипаж.

1823 г. На фрегате *Проворный* плавал от Кронштадта до острова Исландии.

1826 г., июля 13. За государственные преступления сослан в Сибирь, в каторжную работу навечно.

Беляевы 1-й и 2-й. Александр (1805—1887) и Петр (1805—1864) Петровичи Беляевы обучались в Морском кадетском корпусе, по окончании которого вступили на службу в Гвардейский экипаж. Они не принимали непосредственного участия в работе «Северного Общества», но стали «энтузиастами свободы», как говорит о них Александр Бестужев. 14-го декабря в составе Гвардейского экипажа вышли на Сенатскую площадь. Хотя они и присягнули Николаю I-му, их в тот же вечер арестовали. Их обвинили в том, что они знали об умысле на цареубийство и лично действовали в мятеже, возбуждая к восстанию нижних чинов. Приговором Верховного Уго- ловного суда они были отнесены ко 2-му разряду, осуждены на 12-ть лет каторжных работ.

На каторге Беляевы занялись литературной и научной работой. Они перевели сочинения знаменитого английского историка Гиббона. 8 ноября 1832 г. Александр Петрович освобожден от каторжной работы и обращен на поселение при Ильинском винокуренном заводе Иркутского округа, но добился перевода в Минусинск, куда поселили его брата. Здесь Беляевы завели на широких началах сельское хозяйство. Там же они заведывали школой. 8 декабря оба брата, по ходатайству кн. В. В. Долгорукова, были зачислены в Кабардинский Егерский полк, а в 40-м г. переведены в Навагинский пех. полк. Получив офицерский чин

в 1846 году, они вышли в отставку. Петр Петрович посвятил себя пароходному делу: он принял в свое управление частный буксирный пароход *Самара*, на котором совершал рейсы от Рыбинска до Астрахани, а зимой проживал в Саратове. По амнистии 26 августа 1856 года Петр Петрович освобожден от надзора. Впоследствии он управлял конторой Пароходного Общества «Кавказ и Меркурий» в Саратове.

Более выдающимся был Александр Беляев. Он оставил после себя обширные «Записки» (Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном), интересные по своим бытовым и психологическим подробностям. «Записки» были, по настоянию Л. Н. Толстого, напечатаны. Александр Беляев в записках обнаружил себя, как человек набожный, мечтательный, решительный враг крепостного права. Его понятия о гражданской свободе были основаны на религиозном чувстве. В своем участии в деле 14-го декабря Александр Беляев глубоко раскаивался. Но был горд, что пострадал за благо отечества. Ему принадлежит любопытный проект учреждения над народом особых, выбранных самим же народом народных попечителей. Мысль весьма наивная, но показывающая, что и до конца жизни Александр Беляев не расставался с общественными настроениями. «Записки» его обнимали период времени с 1813 по 1860 год. Они были напечатаны в «Русской Старине» за 1880—86 годы. (Первая часть «Записок» также особо вышла в Петербурге в 1882 году, в издании Суворина).

Беляев, Александр Петрович. 1815 г. Поступил в Морской корпус кадетом. Мая 20. Произведен в гардемарины.

1818 г., февраля 9. Произведен в мичмана. На корабле *Принц Густав* плавал в Финском заливе.

1819 и 1820 г. г. На транспорте *Урал* перешел из Кронштадта в Архангельск и обратно.

1822 г. Переведен в Гвардейский экипаж.

1823 г. На фрегате *Проворный* плавал от Кронштадта до острова Исландии.

1824 г. На том же фрегате плавал от Кронштадта до Бреста и Гибралтара.

1825 г. На корабле *Сысой Великий* плавал в Балтийском море.

1826 г., июля 13. За государственное преступление сослан в каторжную работу на 12 лет, и потом на поселение в Сибирь.

Беляев, Петр Петрович. 1819 г. Поступил в Морской корпус кадетом. Июня 7. Произведен в гардемарины.

1822 г., марта 1. Произведен в мичмана. На корабле *Лейпциг* плавал в Балтийском море.

1823 г. Переведен в Гвардейский экипаж.

1824 г. На корабле *Эмгейтен* плавал от Кронштадта до Ростока с их высочествами великим князем Николаем Павловичем и великой княгиней Александрой Федоровной. Награжден

орденом Св. Владимира 4 степ. за участие в спасении людей во время наводнения, бывшего 7 ноября в Петербурге.

1826 г., июля 13. За государственное преступление сослан в каторжную работу на 12 лет, и потом на поселение.

1865 г. Скончался.

Бестужев, Николай.—Родился в 1791 г., умер 1855 г. Учился в Морском кадетском корпусе; особенные успехи оказал в математике и в морском деле. В 1809 году окончил курс и был оставлен воспитателем при корпусе. Толчок к развитию в нем революционного духа был дан знакомством с декабристом Торсоном, очень сведущим моряком, и шведом Эриксоном, представителем республиканских идей своего времени. Бестужев очень скорбел о печальном состоянии русского флота под управлением неспособного маркиза Траверсе и составлял записки об улучшении военно-морской техники и порядка морской службы. Участвовал он в плавании в Голландию в 1815 году и в кругосветном плавании в 1817 г.

По возвращении из заграничного плавания вступил в «Союз Спасения». Служил в Петербурге помощником начальника маяков Финского залива в 1819—1824 г.г. После наскучившей службы по маячному делу он устроился заведующим Морским музеем и архивом. Эти учреждения находились в таком беспорядке, что приводили в полное отчаяние Бестужева, который, вследствие царившей безалаберщины в музее и архиве, должен был сам заниматься стиранием пыли и перестановкой вещей. Бестужев хотел издать серьезный научный труд по истории флота. Ему приходилось производить изыскания в архивных делах и в рукописях, в чем он также встречал препятствия; так, он не мог получить разрешения заниматься в Публичной Библиотеке. Служба, по словам его брата Михаила Бестужева, стала для него нравственной пыткой. Перестав интересоваться службой («Результатом годовых усилий брата были слабые корректурные листки, напечатанные для того, чтобы вызвать суждения и показать начальству, что он не спит»,—пишет его брат Михаил Бестужев), Николай Бестужев целиком отдался участию в «Северном Обществе». Через своего брата Александра, знаменитого впоследствии романиста, прославившегося под псевдонимом Марлинского, он завел обширные литературные знакомства и посещал литературные кружки. В частности, ему читал свои произведения и советовался с ним Рылеев (Николай Бестужев оставил в своих мемуарах превосходную характеристику Рылеева). В восстании Николай Бестужев принял самое горячее участие, приведя на Сенатскую площадь Гвардейский экипаж. Главная работа по агитации среди морских офицеров была исполнена Завалишиным и именно Николаем Бестужевым. Он был одним из немногих, имевших возможность спастись после восстания. Завалишин в своих записках рассказывает, что Николай Бестужев вышел после восстания на Галерную улицу и попал

на квартиру Завалишина, которую тот распорядился всегда иметь готовой на тот случай, если-бы кто-нибудь из декабристов пожелал в ней искать приюта. Квартира помещалась в доме графа Остермана-Толстого; этот дом имел выход на Английскую набережную и на Галерную. Бестужев проник в дом с Галерной улицы. Он был хорошо принят управляющим хозяйством Завалишина. Из квартиры Завалишина Бестужев направился в Кронштадт, откуда хотел переправиться в Финляндию, что ему и удалось бы. Как на зло, он был опознан какой-то девочкой, повторявшей его фамилию, неизвестно, с целью ли доноса (Завалишин предполагает донос) или без особой цели. Полицейскому, который этот донос девочки слышал, ничего не оставалось делать, как замечает Завалишин, и он был вынужден арестовать Бестужева (см. «Записки декабриста», стр. 204).

Первоначально Бестужев отбывал свои каторжные работы в Петропавловской крепости, потом в течение целого года находился в тяжелом заключении в Шлиссельбургской крепости. Оттуда вместе с братьями он был отправлен на каторгу в Читу, а в 1830 году был переведен на Петровский завод. В заключении Бестужев занимался математикой и механикой; он занялся разработкой устройства особого хронометра, который помогал бы управлению судами, изобрел прибор для записывания землетрясений; сделал замечательные часы и инструменты, и массу вещей, необходимых товарищам в их ссыльном обиходе. (Например, изобрел особую экономическую печь). Он сам делал зрительные трубы и даже научил этому делу бурята Убугуна Сарамлилова. На досуге сочинял рассказы. Часть этих рассказов была напечатана в 1860 году в виде сборника «Рассказы и повести старого моряка». С 1839 года Бестужев находился на поселении в Селенгинске. Здесь он устроил астрономическую обсерваторию для поверки часов по звездам. Несмотря на неблагоприятные условия, хронометры шли очень хорошо, особенно последний, сделанный Николаем, отставший лишь на $^{7}/_{10}$ секунды. Там же он занялся живописью, при чем проявил себя, как талантливый акварелист-портретист; готовил образа, помогал по сельскому хозяйству, делал гробы, пас овец, устраивал огороды, парники, кожевенные заводы. Потом поехал в Кяхту, где добывал средства рисованием портретов. Умер Бестужев в Селенгинске в 1855 году, мучаясь во время болезни еще неудачами Севастопольской войны.

Список трудов Н. А. Бестужева.

1.	Паризина Байрона	1 л.
2.	Гуго фон-Брахт—в «Соревнователе» в 1823 г.	$1^{1}/_{2}$ »
3.	Обожатели огня—Мура	$^{1}/_{2}$ »
4.	Гленфонланд В.-Скотта	$^{1}/_{2}$ »
5.	Толбух. маяк	$^{1}/_{2}$ »
6.	Бриг Фальк (его погибель)	2 »
7.	Записки о Голландии	6 »

8. Плавание фрегата *Проворного* . . . . . 6 л.
9. Гуго фон-Брахт (перевод) . . . . . 1½ »
10. Русские в Париже. . . . . 22 »
11. Отчего я не женат . . . . . 5 »
12. Гусиное озеро . . . . . 10 »
13. Об удовольствии на море . . . . . 1 »
14. Письмо из Гибралтара. . . . . 1½ »
15. Путешествие на катере . . . . . 2 »
16. Ночное путешествие (с английского) . . . . . 1 »

Ученые статьи.

17. Об электричестве 16 года . . . . . 60 »
18. О часах (с предисловием) . . . . . 18 »
19. Опыт истории русского флота . . . . . 3 »
20. О живописи и коммерции. . . . . 2 »
21. Выписки из Олеария . . . . . 3 »
22. Выписки из Михлера . . . . . 2 »
23. О свободе торговли . . . . . 10 »
24. Consideration sur l'art de la guerre, Royant, почти законченный перевод в 1819 году . . . . . 30 »

Надо принять еще во внимание все препятствия, которые учиняла сибирская администрация всех рангов в своей нелепой борьбе с появлением в печати трудов декабристов. Когда декабрист Чижов опубликовал повесть из якутской жизни, поднялась целая административная буря. Все попытки Штейнгеля выступить в печати с литературно-научными трудами кончались полным провалом. Таких примеров можно привести множество. В лучшем случае декабристам удавалось пролезать в журнал или газету под анонимом. Таким путем в «Северных цветах» появился рассказ Николая Бестужева.

Можно предположить авторство декабристов в целом ряде анонимных заметок и корреспонденций из Сибири. Метеорологические наблюдения декабристов за 10 лет были пересланы в берлинскую Академию Наук и очень ценились.

Но в общем вся система была направлена против декабристов. Тем большим геройством со стороны некоторых из них, самых стойких и закалившихся, является живейший литературный и научный интерес в самых разносторонних областях. И первое место здесь бесспорно принадлежит Николаю Бестужеву. Наперекор всем неблагоприятным условиям, он продолжал свою литературно-научную работу, начатую им в ранней юности. Еще будучи на Петровском заводе, он написал исследование «О свободе торговли» и перед самой смертью добился, наконец, устройства почти безукоризненного хронометра (о нем мы упоминали выше). И это с самыми элементарными приспособлениями и материалами. Александр Бестужев по справедливости писал Н. А. Полевому: «Сколько познаний, дарований погребено. Вы помирились бы с человечеством, если бы познакомились с моим братом Николаем».

Бестужев, Николай Александрович.

1802 г., марта 22. Поступил в Морской корпус кадетом.

1807 г., апреля 7. Произведен в гардемарины. Плавал между Петербургом и Кронштадтом.

1808 и 1809 г.г. Оба лета плавал в Финском заливе.

1809 г., декабрь 24. Произведен в мичмана.

1810 г., января 7. Зачислен в штат Морского корпуса на вакансию подпоручика.

1811 г. На фрегате *Малый* плавал с кадетами между Петербургом и Кронштадтом.

1812 г. На корабле *Северная Звезда* перешел с кадетами из Кронштадта в Свеаборг.

1813 г. Возвратился берегом из Свеаборга в Петербург.

1814 г., июля 22. Произведен в лейтенанты. На брандвахтенном фрегате *Эммануил* был в кампании на Кронштадтском рейде.

1815 г. На фрегате *Архипелаг* плавал от Кронштадта до Роттердама, оттуда на фрегате *Аргус* возвратился в Кронштадт.

1816 г. На брандвахтенном галиоте *Нева* был в кампании на большом Невском фарватере.

1817 г. На корабле *Не тронь меня* плавал от Кронштадта до Кале, откуда с десантными войсками прибыл в Кронштадт.

1818 г. На брандвахтенном фрегате *Поллукс* был в кампании на Кронштадтском рейде.

1819—1824 г.г. Состоял помощником директора Балтийских маяков и начальником Морского музея.

1821 г. Издал книгу «Записки о Голландии 1817 года».

1824 г. На фрегате *Проворный* в звании историографа плавал от Кронштадта до Бреста и Гибралтара. Декабря 12 произведен в капитан-лейтенанты.

1826 г., июля 13. За государственное преступление был приговорен Верховным судом к смертной казни, а по высочайшей конфирмации, по лишении чинов и дворянства, сослан навечно в Сибирь, в каторжную работу. Приговор приведен в исполнение на Кронштадтском рейде на корабле *Князь Владимир* «по обряду морской службы».

1855 г., мая 15. Скончался в Селенгинске.

В периодических изданиях 1821—1825 г.г. напечатаны следующие сочинения Бестужева: «Крушение брига Фальк», «Толбухин маяк», «Сражение при Гангеудде», «Плавание на фрегате *Проворном* и *Опыт*», «История русского флота» (введение), «Описание жизни бурят» («Гусиное Озеро»).

Бестужев, Петр Александрович, родился в 1806 году. Учился в Морском кадетском корпусе под надзором старшего брата-воспитателя; в чине мичмана сделался членом «Тайного Общества». Молчаливый, несколько флегматичный, он со страстью погружался в чтение серьезных книг. Удаленный старшими

братьями в Кронштадт за 5 дней до 14 декабря, он потихоньку вернулся, чтобы разделить участь товарищей, и явился на Сенатскую площадь вслед за братом Михаилом. После 14 декабря П. А. был сослан на Кавказ. Там он служил при знаменитом генерале Раевском и отличился, но переведенный по доносу к другому начальнику, был до того замучен экзерцициями, что сошел с ума и умер в 1840 году после 4-х лет страданий.

1812 г. Поступил в Морской корпус кадетом.

1817 г., мая 20. Произведен в гардемарины.

1817—1820 г.г. Ежегодно плавал между Петербургом и Кронштадтом.

В 1820 г., февр. 22. Произведен в мичмана.

1821 г. На корабле *Финланд* крейсеровал в Балтийском море.

1822 г. На бриге *Св. Лаврентий* крейсеровал у Дагерорта.

1823 г. На брандвахтенном фрегате *Быстрый* был в кампании на Кронштадтском рейде.

1824 г. На фрегате *Легкий* плавал от Кронштадта до острова Исландии.

1826 г., июля 13. За государственное преступление разжалован в рядовые с определением в дальние гарнизоны, с выслугою. Сослан на Кавказ, участвовал в персидской и турецкой кампаниях и был ранен при штурме крепости Ахалцыха.

1830 г. Уволен в отставку по болезни.

1840 г., августа 22. Скончался в Петербурге в больнице Всех Скорбящих.

Бодиско 1-й, Борис Андреевич, лейтенант Гвардейского экипажа, декабрист. Членом Общества не был, но знал об его существовании. 14 декабря был на площади со своей ротой, считая обязанностью своей быть при роте. По приговору разжалован в рядовые на Кавказ. Умер 24 мая 1828 года.

1809 г., мая 1. Поступил в Морской корпус кадетом.

1814 г., июня 10. Произведен в гардемарины.

1814 и 1815 г.г. Оба лета крейсеровал между Петербургом и Кронштадтом.

1816 г. На корабле *Святослав* был в крейсерстве у Дагерорта.

1817 г., марта 1. Произведен в мичмана. Был у проводки корабля *Лейпциг* от Петербурга до Кронштадта.

1818 г. На галиоте *Церера* плавал между Петербургом и Кронштадтом.

1819 г. На бриге *Олимп* плавал к берегам Англии и Франции.

1822 г., марта 22. Произведен в лейтенанты.

1823 г. На фрегате *Проворный* плавал от Кронштадта до острова Исландии.

1826 г., июля 13. За государственное преступление разжалован в матросы.

Бодиско 2-й, Михаил Андреевич, поступил в Морской корпус в 1812 г., мичманом Гвардейского экипажа вышел 23 марта 1820 г. Состоял ад'ютантом морского министра(1822 г),декабрист. Членом Общества не был и о существовании его не знал. 14-го декабря на площади был, но после слов вел. кн. Михаила Павловича ушел. По приговору был осужден на 5 лет на крепостную работу в Бобруйск 21-го июля 1826 г. Ровно через пять лет Бодиско был определен рядовым в один из полков в пехотный корпус, а затем в Волынский пехотный. В 1838 году в чине прапорщика уволен от службы с запрещением в'езда в столицы на 5 лет. В 1844 служил в Тульской губ. по размежеванию черезполосных земель со стороны казны и государ. крестьян. В «Общем морском списке» сведений о нем не помещено вовсе.

Вишневский, Федор Гаврилович, лейтенант Гвардейского экипажа, декабрист. По приговору суда был разжалован в рядовые на Кавказ.

В «Общем морском списке», части IX, следующие сведения о Вишневском.

1822—1825 г г. На фрегате *Крейсер* под командой капитана 2 ранга Лазарева совершил кругосветное плавание от Кронштадта до Камчатки.

1825 г. За вояж награжден орденом Св. Владимира 4 степ. и двойным жалованьем.

1826—1832 г.г. Разжалованный за участие в государственном преступлении, находился в отдельном Кавказском корпусе в пехотном генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича Эриванского полку и участвовал в авангардных стычках и переходах через горы Аезебиюк и Безабдал, потом в делах против курдинской конницы под Эчмиадзинским монастырем, под крепостью Сардар-Абат и под Эриванью, и при взятии крепостей Карс, Ахалкалаки и Ахалцых. За отличие при взятии крепости Сардар-Абат был награжден знаком отличия военного ордера.

1832 г., июля 18. Пожалован в мичмана, с назначением в Балтийский флот.

1833 г. На корабле *Кульм* крейсеровал в Балтийском море. Ноября 1. Уволен от службы для определения к статским делам.

По представлению почетного опекуна П. А. Тучкова, Вишневского в 1835 г. определили в Московский опекунский Совет. Затем он состоял по особым поручениям при главном начальнике уральских горных заводов В. А. Глинке.

В 1842 г. Вишневский вышел в отставку. Жил частью в Москве, частью в своем имении в Костромской губернии. С 1850 г. переселился на постоянное жительство в Москву, где и умер в 1863 г. Погребен в Москве же в Алексеевском монастыре.

Дивов, Василий Абрамович.
1816 г. Поступил в Морской корпус кадетом.
1818 г., июня 12. Произведен в гардемарины.
1821 г., марта 2. Произведен в мичмана.
1822 г. На транспорте *Урал* перешел из Архангельска в Кронштадт.
1823 г. Определен в Гвардейский экипаж.
1826 г., июля 13. За участие в государственном преступлении сослан в Сибирь в каторжную работу навечно.

Срок работ был сокращен Дивову до 15 лет. 8 августа 1826 г. его отправили в Шлиссельбург. Ссылку в каторжные работы заменили Дивову (по высочайшему секретному повелению) отправкой в крепостные арестанты в Бобруйск без означения срока. В июне 1829 г. вышло распоряжение содержать его в работе вечных арестантов Бобруйской крепости, особо от других и на работу употреблять особо же. Срок ограничили 15-ю годами. В 1839 г. Дивова определили в Черноморский № 2 батальон. Через 2 года перевели в Саперный Кавказский батальон, а 9-го февраля 1842 г. Дивов умер.

Завалишин, Дмитрий Иринархович (1804—1892; [1]). Учился в Морском кадетском корпусе, путем самообразования приобрел обширные познания по различным отраслям науки: уже 17 лет от роду состоял в Морском корпусе преподавателем астрономии, высшей математики, механики, высшей теории морского искусства, морской тактики и пр. В 1822 г. Завалишин отправился с Лазаревым в кругосветное путешествие и из Англии написал государю письмо, в которбм смело указывал на извращение в практике Веронского конгресса идей Священного Союза. Письмо это произвело на царя сильное впечатление, и Завалишину повелено было немедленно вернуться из Америки через Сибирь в СПБ. Но когда он прибыл в столицу, последняя постигнута была наводнением, вследствие чего личное свидание императора с Завалишиным не состоялось, и письмо его было передано на обсуждение особого комитета, образованного, под председательством Аракчеева, из Шишкова, гр. Мордвинова и гр. Нессельроде. В этот же комитет поступил и составленный Завалишиным проект для преобразования русско-американских колоний, к которым, по мысли Завалишина, должна была быть присоединена и часть Калифорнии, а также просьба Завалишина о разрешении ему, хотя бы и негласном, учредить «Орден восстановления», устав которого он представил. По последнему вопросу Завалишину было передано, что государь находит идею этого общества увлекательной, но неудобоисполнимой; в то же время ему было дано подять, что формально ему не запрещается учредить этот орден. «Орден восстановления» и был им тайно учре-

[1]) Эта заметка о Завалишине была помещена в Энц. Слов. Брокгауза и перепечатана в изд. «Записок» Завалишина.

жден, но с изменением его устава в республиканском духе. Это было международное общество полумистического характера, облеченное всеми атрибутами масонства и задавшееся целью личным примером своих членов содействовать поднятию нравственности и бороться со злом всеми законными средствами. В 1824 г. Рылеев привлек Завалишина к участию в «Северном Тайном Обществе», которое послало его для исследований в Казанскую губ., там он вслед за событиями 14 декабря и был арестован.

Вместе с другими участниками восстания 14-го декабря Завалишин был сослан в Сибирь. Подробное описание жизни и деятельности его в Сибири находится в «Записках декабриста».

По возвращении в Россию в 1863 году (был выслан за «беспокойный характер» Муравьевым-Амурским), Завалишин поселился в Москве, где и продолжал свою литературную деятельность, начатую еще в Сибири, состоя сотрудником нескольких газет и журналов, и в то же время много работал по вопросам воспитания и образования, будучи членом-учредителем общества «Воспитательниц и Учительниц» и принимая живое участие в устройстве и развитии всяких школ, ученых обществ и других образовательных учреждений.

Завалишин скончался на 89 году жизни, 5-го февраля 1892 года

СПИСОК

статей Завалишина.

1. Воспоминания о Калифорнии, «Русский Вестник», 1856 г., кн. II.
2. По поводу статей об Амуре. «Морской Сборник», 1858 г., кн. II; 1859 г., кн. 5, 6, 7.
3. Новейшие известия о торговле на Амуре и замечания о действиях Амурской кампании, «Вестник Промышленности», 1859 г., кн. 12.
4. Дело о колонии Росс, «Русский Вестник», 1866 г., кн. 3.
5. Воспоминания о Морском кадетском корпусе. 1816—1822 г.г., «Русский Вестник», 1873 г., кн. 6.
6. Поход гардемаринов в Швецию и Данию, «Русский Вестник», 1874 г., кн. 7.
7. Кругосветное плавание фрегата *Крейсер* в 1822 — 1825 г.г., «Древняя и Новая Россия», 1877 г., кн. 5-7, 10-11.
8. Адмирал С. П. Хрущов, В. К. Кюхельбекер и С. П. Шипов, «Древняя и Новая Россия», 1878 г., кн. 1 и 5.
9. Сухоруков и Корниловнч, «Древняя и Новая Россия», 1878 г., кн. 6.
10. Воспоминания о Грибоедове. «Древняя и Новая Россия», 1879 год, кн. 4.
11. Петербургские легенды и события 1825 г., «Древняя и Новая Россия», 1879 г., кн. 11.
12. Замечания о рукописной литературе в 20-х годах текущего столетия, «Исторический Вестник», 1880 г., кн. 1.
13. Декабрист М. Лунин, «Исторический Вестник», 1880 г., кн. 1.
14. Воспоминания о графе А. И. Остермане-Толстом, «Исторический Вестник», 1880 г., кн. 5.
15. Пребывание декабристов в тюремном заключении в Чите и в Петропавловском заводе, «Русская Старина», 1881 г., кн. 10.
16. Амурское дело и влияние его на восточную Сибирь, «Русская Старина», 1881 г., кн. 7 и 9.

17. Вселенский орден восстановления и отношения мои к «Северному Тайному Обществу», «Русская Старина», 1882 г., кн. 1.
18. Декабристы, «Русский Вестник», 1884 г., кн. 2.
Много статей Завалишина помещено было в «Московских Ведомостях».

В «Общем Морском списке» о нем сообщено следующее:

Завалишин, Дмитрий Иринархович.

1816 г., июня 2. Поступил в Морской корпус кадетом. Июня 10-го произведен в гардемарины.

1817 г. На бриге *Феникс* из Кронштадта плавал по русским портам Балтийского моря и был в Стокгольме и Копенгагене.

1819 г., марта 3. Произведен в мичмана. На тендере *Янус* крейсеровал у Красной горки.

1820 г. Определен к Морскому корпусу.

1822—1824 г.г. На фрегате *Крейсер* под командою капитана 2 ранга М. П. Лазарева совершил кругосветное плавание к северозападным берегам Америки, и, по прибытии к острову Ситха, был вызван по высочайшему повелению в Петербург.

1823 г., января 1. Произведен в лейтенанты.

1826 г., июля 13. За участие в государственном преступлении сослан в каторжные работы навечно.

1856 году был освобожден и поселен в Чите.

1861 г. Уволен из Читы в Москву, где и оставался по день смерти.

1892 г., февраля 5. Скончался.

В журнале «Русская Старина» за 1881 и 1882 г.г. Д. И. поместил свои статьи: «Декабристы в Чите и в Петровске 1827—1840» и «Вселенский орден восстановления и отношения мои к Северному Тайному Обществу». Кроме того, статьи его печатались в некоторых периодических изданиях.

Д. Воен. по флот. Канц. д. № 1220. «О доставлении сведений Военному Министру не содержатся ли какие-либо арестанты по Морведу по *происшествию 14-го декабря.* А также о матросах, замешанных по оному делу». С 25 дек. 1825 г., на 53 л.

Большая часть документов относится к лейт. Завалишину, Дмитр. Иринарховичу.

Завалишин письмом от 4 сент. 1825 г. на имя начальника Мор. Штаба обращается с просьбой выяснить вопрос о лишении его награды, когда все офицеры фрегата *Крейсер* таковую получили по возвращении судна из похода, и с угрозой оставить службу.

После событий 14 декабря приняты меры к розыску Завалишина, об его аресте. Предписано препроводить его в Петербург лично к царю. Завалишин арестован 6 января 1826 г. в Симбирске гражданскими властями и передан унт.-лейт. Столбину, командированному Морведом в Москву, Казань и Симбирск для розыска и ареста Завалишина. Столбин за этот арест получил награду. После доставления его в Петербург и допроса, Завалишин был назначен 17 янв. 1826 г. в Государств. Адми-

ралтейский Д-т по ученой части с поручением заведывать Модель-Камерой.

Вторичный арест Завалишина был 1 марта того же года по сообщению ген.-ад'ют. Бенкендорфа Нач. Морск. Штаба, который отдал распоряжение о принятии мер к сохранению казенного имущества и опечатанию дел, бывших на руках у Завалишина, среди которых оказались на квартире списки книг и редкие вещи, которые потом были доставлены обратно в Адмиралтейский Д-т.

(Дела Воен. по флоту Канц. 1821—1825 г., Адмиралт. Д-т № 725 (1826 г.).

Иванчин-Писарев, Алексей Михайлович.

1818 г., февраля 28. Поступил в Морской корпус кадетом.

1819 г., мая 1. Произведен в гардемарины.

1822 г., марта 1. Произведен в мичмана.

1824 г. Командовал финляндской таможенной яхтой.

1826 г. На корабле *Князь Владимир* крейсеровал в Балтийском море.

1827—1831 г.г. На бриге *Паломник* был у описи и промера в Белом море.

1828 г., февраля 22. Произведен в лейтенанты.

1832 г. Возвратился берегом из Архангельска в Кронштадт. На корабле *Кронштадт* крейсеровал у острова Борнгольма.

1833 г. На пароходе *Геркулес* ходил от Кронштадта до Данцига, Копенгагена, Стокгольма и Або.

1834 г. На корабле *Кронштадт* плавал в Балтийском море.

1837 г., февраля 24. Уволен от службы с чином капитан-лейтенанта для определения к статским делам.

Ни словом не упоминается о прикосновенности к восстанию 14 декабря 1825 года. Так поступили «деликатные» составители «Общего морского списка» и в отношении других прикосновенных к 14 декабря, наказанных в дисциплинарном порядке; и «деликатность» эта вполне понятна, если иметь в виду, что, например, Феопемпт Лутковский в 1849 г. был назначен флигель-ад'ютантом и впоследствии произведен в адмиралы. По всей вероятности, было исходатайствовано особое разрешение не вносить в послужной список дисциплинарных взысканий, наложенных на прикосновенных, хотя делались они по высочайшим повелениям и для некоторых были продолжительны. Так, Романов просидел в крепости 9 месяцев, а Шпейер—год. Между тем в послужной список вносилась всякая малейшая монаршая милость.

Исключение в «Общем морском списке» сделано в указанном отношении только для Шпейера. Но и то почему-то указано, что он содержался под арестом по повелению вел. кн. Михаила Павловича, тогда как по архивным данным теперь хорошо известно, что это было по повелению Николая I.

Фон-Кюхельбекер, Михаил Карлович. Лейтенант Гвардейского эк. (Г. А. В. 375; А. Ш. О. 1826-61 г. 90). Воспитывался в Мор-

ском кадетском корпусе (с 1811); гардемарин—1813; мичман—21-XII 1825; лейтенант с переводом в Гвардейский эк.—27-II 1820; 1821—1824 совершил кругосветное плавание в Камчатку на шлюпе *Аполлон*; член «Северн. Общ.»; осужден по V разряду и по конфирмации 10-VII 1826 приговорен в каторжную работу на 8 лет; срок сокращен до 5 лет—22-VIII 1826; отправлен в Кексгольм—27-VII 1826; поступил в нерчинские рудники—22-III 1827; по окончании срока (10-VII 1831) обращен на поселенце в заштатный город Баргузин, Иркутской губернии. Когда состоялось постановление Синода о расторжении брака Кюхельбекера и о разлучении его с женою по случаю того, что ранее, до брака, он крестил ее незаконного ребенка, он дал, при об'явлении ему указа, нижеследующую подписку: «1837 г., марта 5 дня, в присутствии Баргузинского совестного суда, судьею сего суда об'явлено мне решение Правительствующего Синода; и потому, если меня разлучают с женою и детьми, то прошу записать меня в солдаты и послать под первую пулю, ибо мне жизнь не в жизнь. Михаил Кюхельбекер». Выражения подписки были признаны «несуместными» и повлекли за собою распоряжение (26-VII 1837) о переводе его из Баргузина в другое место—«ближе к надзору начальства, усилив таковой над ним надзор»; перевод этот состоялся, после некоторой отсрочки для приведения в порядок дел, в с. Елань, Иркутского округа—30-XII 1837. Но вслед затем, по ходатайству сестры Кюхельбекера, Юстины Карловны Глинки отменен по всеподданейшему докладу—23-II 1838. По амнистии 26-VIII 1856 восстановлен в правах потомственного дворянства; 12-XII 1858 состоялось высочайшее повеление освободить Михаила Кюхельбекера от надзора, которому он подвергнут был, с возвращением из Сибири. В 1858 он обращался к министру финансов с просьбой о выдаче ему дозволительного свидетельства на разработку золотых россыпей в Восточной Сибири. В 1854 г. опять в Баргузине. Был женат (с 3-VI 1834) на мещанке девице Анне Степановне Токаревой. По поводу этого брака Вильгельм Карлович Кюхельбекер писал к гр. шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу 28-VI 1836: «По прибытии в Баргузин брат мой помещен был жительством в доме теперешней его тещи; она, которая впоследствии сделалась его женой, была в отсутствии: она находилась в услужении в 50 верстах отсюда. По возвращении ее домой, оказалось, что она беременна. Когда она разрешилась от бремени, мать хотела прогнать ее от себя. В столь горестном положении она обратилась к брату моему с просьбой взять на себя попечение об ее ребенке. Он из'явил на это свою готовность, тем более, что был в то время совершенно одинок и надеялся в мальчике воспитывать себе сына.

Велев окрестить мальчика, он примирил с матерью несчастную дочь. С одной стороны благодарность, с другой потребность иметь существо, которое бы принимало в нем искреннее

участие, сблизили их; произошла связь, последствием которой была вторичная беременность молодой девушки.

Хотя истинный христианин не позволит того, что и не бросит первого камня в молодых людей, тем более, что брат мой тотчас из'явил готовность ни одними словами, а на самом деле доказать свое раскаяние. Он испрашивал у высшего начальника позволения жениться на матери своего ребенка; получил его и обвенчан с нею без малейшего препятствия со стороны духовенства, с одним только условием: воспитать детей в греко-российской вере. Теперь оказывается, что священник, венчавший их, будучи начальником одного из своих товарищей, преданного пьянству, часто бывал принужден удерживать его от этого порока. Последний из мщения донес на него, будто бы он многих сочетал браком, в том числе брата моего, в противность существующих постановлений. Основываясь в таковом доносе, Иркутское епархиальное начальство разлучило брата моего с его женою, впредь до окончательного решения дела этого в Синоде. Священник, венчавший их, равно как и оба ребенка молодой женщины, между тем, скончались (последний вскоре после крещения и не будучи внесен в метрические книги). Как выше было упомянуто, указом Синода брак был расторгнут, и супруги подлежали разлучению; тем, не менее они продолжали жить вместе и прижили 6 дочерей: Иустину (р. 2-XI 1846), замужем за Миштовтом, Юлию (Иулиану, р. 1840) замужем за Галкиным; умерла 8-V 1905; Александру (р. 1845), Екатерину (р. 1846), Анну (р. 1852), и Анастасию (р. 1857), умерла 1860. После смерти Кюхельбекера, вдова его обратилась за помощью к женатому на его родной племяннице Наталье Григорьевне Глинке — генерал-майору Францу Викентьевичу Одинцу, который возбудил ходатайство об усыновлении четырех средних девочек—и 24-XII 1861 было разрешено им пользоваться фамилией и правами состояния воспитателя без прав на наследование его родового имения...» 112.

Фон Кюхельбекер, Михаил Карлович.

1811 г. Поступил в Морской корпус кадетом.

1813 г. Произведен в гардемарины.

1815 г., июля 21. Произведен в мичмана.

1816 г. На корабле *Святослав* крейсеровал у Дагерорта.

1817 и 1818 г.г. На фрегате *Россия* и на яхте *Нева* плавал между Петербургом и Кронштадтом.

1819 г. На бриге *Новая Земля* плавал от Архангельска до Новой Земли и обратно.

1820 г., февраля 27. Произведен в лейтенанты, с определением в Гвардейский экипаж.

1821—1824 г.г. На шлюпе *Аполлон* под командою капитана 1 ранга Тулубьева совершил кругосветное плавание в Камчатку.

1826 г., июля 15. За государственное преступление сослан в каторжную работу на 8 лет, а потом на поселение.

1837 г. Производил зимний промер озера Байкала.
1857 г. Скончался.

Лутковский, Феопемит Степанович.

1816 г., августа 1. Поступил в Морской корпус кадетом.
1817 г., июня 9. Произведен в гардемарины.
1817—1819 г.г. На шлюпе *Камчатка* под командою капитана 2 ранга Головнина совершил кругосветное плавание.
1819 г., сентября 22. Произведен в мичмана.
1821—1824 г.г. На шлюпе *Аполлон* под командою капитана 1-го ранга Тулубьева вторично совершил кругосветное плавание.
1824 г., октября 28. За вояж награжден орденом Св. Анны 3 степ., пенсией по чину и удвоенною кампаниею.
1824—1826 г.г. Состоял при генерал-интенданте флота для особых поручений.
1826 г., января 1. Произведен в лейтенанты с переводом из Балтийского в Черноморский флот. На корабле *Император Франц* в должности флаг-офицера при вице-адмирале Грейге крейсеровал в Черном море.
1827 г. На шлюпе *Диана* и в той же должности крейсеровал у Абхазских и Мингрельских берегов.
1828 г. На яхте *Утеха* крейсеровал у Абхазских берегов и участвовал при вырезках турецкого судна близ Суджук-Кале и турецких судов из-под крепости Анапы; за что был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом; потом на корабле *Париж* участвовал при взятии Анапы и блокаде Варны. За бытность на корабле в присутствии государя императора, получил годовое жалованье, после чего, командуя шхуной *Гонец*, крейсеровал у Варны.
1829. Командовал тою же шхуною в том же море.
1830 г. Командовал катером *Соловей* у Абхазских берегов. Составил и напечатал статью о посещенных им Черноморских портах.
1831 г. Командуя тем же катером, состоял в распоряжении русского посольства при Оттоманской Порте, а потом в Греции при начальнике отряда военных судов контр-адмирале Рикорде.
1832 и 1833 г.г. На фрегате *Штандарт* перешел из Севастополя в Архипелаг, плавал до Александрии и возвратился в Константинополь.
1833 г. Состоял для поручений при начальнике вспомогательного отряда в Босфоре генерал-лейтенанте Муравьеве. Октября 1 произведен за отличие в капитан-лейтенанты и награжден турецкою золотою медалью. Составил описание города Александрии, в морском отношении, и флотов турецкого и египетского. Переведен из Черноморского в Балтийский флот. За 18 морских кампаний был награжден орденом Св. Георгия 4 класса.
1834 г. Командуя тендером *Лебедь*, плавал в Финском заливе.

1836 и 1837 г.г. Командовал корветом *Наварин* и фрегатом *Принц Оранский* в Финском заливе и Балтийском море.

1837 г. Награжден орденом Св. Станислава 2-ой степ.

1838 г. Состоял для особых поручений при генерал-интенданте флота вице-адмирале Васильеве.

1839 г. Назначен состоять при особе его величества генерал-адмирала великого князя Константина Павловича.

1839—1844 г.г. Состоя в должности начальника штаба, ежегодно сопровождал его высочество в плаваниях по Финскому и Ботническому заливам и по Балтийскому морю.

1841 г., апреля 11. Произведен за отличие в капитаны 2 ранга и награжден орденом Св. Анны 2 степ. и нидерландским орденом Льва.

1843 г., декабря 6. Произведен за отличие в капитаны 1 ранга.

1844 г. На корабле *Ингерманланд* перешел с его высочеством генерал-адмиралом из Архангельска в Кронштадт.

1845 и 1846 г.г. Находился при его высочестве в плавании по Черному и Средиземному морям. Награжден Сицилийским орденом Франциска 1-го, командорского креста.

1846 г. Награжден орденом Св. Владимира 3 степ.

1848 г. Назначен вице-директором инспекторского департамента Морского министерства.

1849 г. Пожалован в флигель-ад'ютанты с оставлением в прежней должности. Декабря 6. Произведен в контр-адмиралы, с состоянием в свите его величества.

1851 г. Награжден орденом Св. Станислава 1 степ.

1852 г., апреля 20. Скончался.

Мусин-Пушкин, Епофродит Степанович.

1804 г., мая 12. Поступил в морской корпус кадетом.

1808 г., марта 3. Произведен в гардемарины. Плавал от Кронштадта до Гангута.

1809 г. На отряде канонерских лодок плавал от Свеаборга до Аландских островов.

1811 г., марта 3. Произведен в мичмана.

1813 г., июня 27. Переведен в резервный Гвардейский экипаж.

1815 г. Совершил сухопутный поход с Гвардейским экипажем из Петербурга в Вильно и обратно.

1816 г., января 21. Произведен в лейтенанты.

1816—1819 г.г. На галиоте *Паллада* плавал между Кронштадтом и Петербургом.

1819 г. На фрегате *Гектор* плавал от Кронштадта до Гавр де Грасса и Гревзенда.

1824 г. На фрегате *Проворный* плавал от Кронштадта до Бреста и Гибралтара.

1826 г., июля 13. За государственное преступление приговором Верховного суда разжалован в рядовые с определением в дальние гарнизоны с выслугою (без лишения дворянства).

В том же году Мусина-Пушкина отправили в Звериноголовский гарнизонный полк. Согласно указу 22 августа, Мусина-Пушкина перевели на Кавказ, где он и умер в 1831 г.

Романов, Владимир Павлович.

1811 г., мая 26. Поступил в Морской корпус кадетом. Июня 6. Произведен в гардемарины.

1812 г. Плавал между Кронштадтом и Свеаборгом.

1814 г., февраля 19. Произведен в мичмана.

1814 г. На корабле *Всеволод* плавал в Балтийском море.

1815 г. На катере *Хамелеон* перешел из Кронштадта в Ригу.

1816 г. На том же катере плавал между Ригою, Перновым и Кронштадтом.

1817 г. На фрегате *Поллукс* плавал от Кронштадта до Копенгагена.

1818 г., июня 26. Произведен в лейтенанты.

1818 и 1819 г.г. На фрегате *Проворный* перешел из Кронштадта в Кадикс и обратно. За спасение от потопления на Кадикском рейде 6-ти испанцев и на Копенгагенском рейде 5-ти датчан награжден орденом св. Владимира 4 степ.

1820—1824 г. г. На компанейском корабле *Кутузов* под командою капитан-лейтенанта Дохтурова совершил кругосветное плавание к берегам Российско-Американской колонии.

1826 г., января 13. Уволен от службы чином капитан-лейтенанта. Сентября 15. Вновь вступил на службу прежним чином лейтенанта и определен в Черноморский флот.

1827 г. На шлюпе *Диана* крейсеровал у Абхазских берегов, при чем описал заливы Сухумский и Редут-Кале.

1828 г. На корабле *Париж* плавал с флотом у Анапы и Варны и участвовал под Варною в вырезке неприятельских судов в береговых стычках, исправляя должность траншей-майора, при чем был ранен пулею в голову. Награжден орденом св. Анны 2 степ. и золотою саблей «за храбрость». Августа 18. Произведен в капитан-лейтенанты.

1829 г. На корабле *Император Франц* плавал с флотом у Румелийских берегов; потом, командуя отрядом судов гребной флотилии, овладел укреплением Чиганес-Кале.

1830 и 1831 г.г. Командовал брандвахтенным бригом *Мингрелия* на Одесском рейде и потом тем же бригом при Николаевском порте.

1833 г. На флагманском корабле *Память Евстафия* перешел из Севастополя на Буюкдерский рейд, откуда с десантными войсками прибыл в Феодосию. Награжден орденом св. Станислава 2 степ. и турецкою золотою медалью.

1834 г., февраля 8. За раною был уволен в бессрочный отпуск, в котором и находился по 1842 год.

1842 г., марта 18. Назначен в 30 флотский экипаж. Июля 22. Уволен от службы чином капитана 2 ранга.

За прежние заслуги из надв. сов. переименован в кап. 2 ранга с правом носить в отставке мундир—18. VII. 1848. Вновь поступил на морскую службу—14. IV. 1854. Принимал деятельное участие в военных действиях сперва в финлянских шхерах, а затем в Севастополе (контужен), произведен за отличие в капитаны 1 ранга—26. VIII. 1856; в 1857 производил опись р. Днестра; контр-адмир. с увольнением от службы—30. VIII. 1861 г. Член-корреспондент Морского Ученого комитета, писатель; умер 11. X. 1864 в Александрии...185.

Торсон, Константин Петрович, капитан флота, декабрист. Был членом «Северного Общества». Он оказал сильное влияние на выработку мировоззрения у Николая Бестужева.

Осужден на 15 лет каторжных работ и поселения. В 1835 г. обращен на поселение в Акшинскую крепость, Иркутской губернии. В 1837 году переведен в Селенгинск для совместной жизни с матерью и сестрой, которые добились разрешения приехать к Торсону.

Торсон увлекался до 1825 года планами переустройства флота. В этом отношении сильно повлиял на Михаила и Николая Бестужевых. Создал усовершенствованный тип корабля, но его изобретение было приписано какому-то адмиралу, по проискам Моллера 2-го.

1796 г., мая 3. Поступил в Морской корпус кадетом.

1806 г., мая 1. Произведен в гардемарины.

1808 г. На катере *Синоп* крейсеровал у Дагерорта и Гангута и участвовал в сражении с неприятельским гребным флотом у острова Пальво.

1809 г., января 1. Произведен за отличие в мичмана. На фрегате *Богоявление Господне* плавал в отряде гребной флотилии между Або и Вазою. Июня 30. Участвовал в сражении с шведским фрегатом.

1810 г. На фрегате *Амфитрида* был в кампании на Кронштадтском рейде.

1812 г. На том же фрегате крейсеровал между Виндавой и Либавой. Будучи послан на гребном катере с фрегата в Либаву, встретил неприятельское судно и был ранен в ногу. За спасение катера награжден орденом св. Анны 3 степ.

1813 г. Командуя транспортом *Св. Анна*, плавал между Кронштадтом и Свеаборгом.

1814 г. июля 26. Произведен в лейтенанты. На фрегате *Амфитрида* плавал в Балтийском море.

1816 г. На брандвахтенном галиоте *Нева* был в кампании на Кронштадтском рейде.

1817 г. На корабле *Орел* плавал от Кронштадта до Кале.

1818 г. Командуя катером *Янус*, плавал между Кронштадтом и Петергофом.

1819—1821 г.г. На шлюпе *Восток* под командою капитана 2 ранга Беллинсгаузена совершил кругосветное плавание в Южный Ледовитый океан.

1821 г. За вояж был награжден орденом св. Владимира 4 степ.

1822 г. На фрегате *Легкий* крейсеровал в Балтийском море.

1823 г. Командовал галиотом *Торнео* в легкой эскадре. Июля 22 назначен ад'ютантом к начальнику морского штаба.

1824 г., августа 30. Произведен за отличие в капитан-лейтенанты.

1826 г., июля 15. За государственное преступление сослан в каторжную работу на 20 лет.

1851 г. Скончался в Селенгинске [1]).

Тыртов, Валериан Михайлович.

1815 г., июня 29. Поступил в Морской корпус кадетом.

1817 г., июля 7. Произведен в гардемарины.

1820 г., февраля 23. Произведен в мичмана.

1822 г. На фрегате *Патрикий* крейсеровал в Финском заливе.

1823 г., августа 9. Переведен в Гвардейский экипаж.

1824 г. На корабле *Элгейтен* плавал от Кронштадта до Ростока.

1825 г. На фрегате *Россия* плавал между Петербургом и Кронштадтом.

1286 г. Переведен в Каспийскую ластовую роту.

1827 г. Командовал гардкоутом № 18 на р. Волге, после чего переведен в Черноморский флот [2]).

1828 г., февраля 23. Переименован в поручики. На корабле *Иоанн Златоуст* участвовал в вырезке турецких судов из-под крепости Варны. Августа 18. Произведен за отличие в лейтенанты.

1829 г. На корабле *Скорый* плавал у Сизополя, и потом на фрегате *Штандарт* крейсеровал у Босфора.

1830 г. На транспорте *Подобный* плавал в Черном море.

1832 г., марта 2. Уволен от службы [3]).

Чижов, Николай Алексеевич, лейтенант 2-го флотского экипажа, член «Северного Общества». Осужден на бессрочное поселение, жил в Олекминске. В 1833 определен рядовым. В 1843-м уволен от службы.

---

[1]) Характерно, что сестре Торсона, Екатерине Петровне, разрешено было вернуться в Россию лишь в 1855 г.

[2]) В 1828 г. был аттестован: «поведения пьяного».

[3]) Жил затем в имении матери во Владимирской губ.

1813 г., августа 30. Произведен в гардемарины.

1813—1820 г.г. На судах гребного флота плавал в Черном море.

1818 г., февраля 9. Произведен в мичмана.

1820 г. Командирован в Архангельск.

1821 г. На бриге *Новая Земля* плавал от Архангельска до острова Новой Земли и обратно, после чего возвратился берегом в Петербург.

1822 г. Был у проводки корабля *Эмгейтен* и корвета *Гремящий* от Петербурга до Кронштадта.

1824 г., апреля 21. Произведен в лейтенанты.

1826 г., июля 15. За участие в государственном преступлении сослан в Сибирь на поселение.

На ходатайство его в 1832 г. о переводе в Якутск последовала высочайшая резолюция: «перевести в другое место, но не в Якутск»; по распоряжению ген. губернатора Лавинского Чижов был переведен в Александровский Винокуренный завод, Иркутской губернии—21.I. 1833 г. По ходатайству матери, ему разрешили поступить в рядовые в один из сибирских линейных батальонов. В 1837 году он произведен в унтер-офицеры. В 1840 году—в прапорщики. В 1840 году Чижова назначили помощником начальника продовольственного отряда при штабе Сибирского корпуса. Уволен в 4-месячный отпуск в Тульскую губ. в 1842 г. После увольнения от службы Чижову было дозволено жить в с. Покровском, Чернского уезда, Тульской губ.; с. Троицком, Орловской губ., и в других губ., где есть имения княгини Горчаковой. Он был ее управляющим с сохранением секретного надзора. Умер в Гиксе в 1848 году.

Шпейер, Василий Абрамович.

1814 г., марта 14. Поступил в Морской корпус кадетом.

1816 г., марта 12. Произведен в гардемарины.

1819 г., марта 3. Произведен в мичмана. На бриге *Меркурий* крейсеровал у Дагерорта.

1823 г., мая 10. Переведен в Гвардейский экипаж. Командовал голландским буером.

1824 г., апреля 21. Произведен в лейтенанты. На фрегате *Проворный* плавал от Кронштадта до Бреста и Гибралтара.

1825 г. На корабле *Сысой Великий* плавал между Кронштадтом и Ревелем.

1826 г. Содержался под арестом по повелению великого князя Михаила Павловича по происшествию 14 декабря 1825 года.

1827 г., января 5. Переведен из Гвардейского экипажа в 24 флотский экипаж. Командовал брандвахтенным галиотом № 3 у Свеаборга.

1828 г. Командирован в Архангельск.

1829 г. Командовал пароходом *Спешный* при Архангельском порте.

1831 г. Переведен из Балтийского в Черноморский флот.

1832 г. На корвете *Сизополь* плавал между Севастополем и Сухум-Кале.

1833 г. На корабле *Память Евстафия* перешел из Севастополя на Буюкдерский рейд, откуда с десантными войсками прибыл в Феодосию. Награжден орденом св. Станислава 3 степ. и турецкою золотою медалью.

1834 г. Переведен из Черноморского в Балтийский флот. На корабле *Кульм* крейсеровал у Дагерорта. Декабря 6. Произведен в капитан-лейтенанты.

1836—1838 г.г. На том же корабле крейсеровал в Балтийском море.

1839 г. Командовал брандвахтенным бригом *Приам* на Свеаборгском рейде.

1840 г. Командуя тем же бригом, плавал по портам Финского залива.

1842—1844 г.г. Командовал фрегатом *Цесаревна* в Балтийском море.

1843 г., декабря 6. Произведен в капитаны 2 ранга.

1845 г. Командуя кораблем *Св. Георгий Победоносец* крейсеровал в Финском заливе.

1846 г., апреля 7. Произведен в капитаны 1 ранга. Награжден орденом св. Анны 3 степ. За выслугу 25-ти лет в офицерских чинах награжден орденом св. Георгия 4 класса.

1847—1853 г.г. Командовал кораблем *Россия* в Балтийском море.

1854 г., декабря 6. Произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы.

Имеется целый ряд характеристик, сделанных членом следственной комиссии дежурным генералом Потаповым, который во всех случаях своих характеристик ссылается на показания б. мичмана Дивова.

Поведение Тыртова, со слов Дивова, характеризуется следующим образом.

Тыртов.

Николай Бестужев утром 14-го декабря, придя к Арбузову, возбуждал к возмутительным действиям. При этом он просил узнать, что делается в Измайловском полку. Узнать положение дел вызвался Тыртов. В полк его не пустили. После этой неудачи он заезжал к поручику Миллеру [1]). Последний показы-

---

[1]) Брат лейтенанта Гвардейского экипажа Миллера.

вал Тыртову письмо подпоручика Фока, писанное им отцу. Подпоручик Фок пишет, чтобы отец не огорчался, если он будет убит в предстоящем деле: ведь, он падет за отечество. Оба Беляевы показали, что Тыртова на площади не видали. Сам Тыртов заявляет, что подлинных намерений злоумышленников он не знал и вообще ничего не слышал раньше того, кроме речей и слов, произнесенных в утро 14-го декабря Николаем Бестужевым. Тыртова было приказано отправить на службу на Каспий в ластовый экипаж.

Иванчин-Писарев.

Об офицере 7-го флотского экипажа Иванчин-Писареве генерал Потапов, со слов Дивова, дает следующую характеристику. Писарев бывал в Кронштадте у Дивова и у Беляевых. В происходивших между ними разговорах они занимались осуждением высшего правительства и высказывали разные свободные мысли. Беляевы признали, что это они уговорили Писарева принять участие. Отмечается, что Завалишин не решался открыться Писареву. Беляв 1-й принял на себя, что это он навел Писарева на преступление, занимаясь с ним свободомысленными рассуждениями. Беляев 2-й заявил, что он вел с Писаревым обыкновенные разговоры, а «особенных» разговоров с ним никогда не вел. По постановлению 13-го июля 1826 года Иванчин - Писарев был отправлен для службы под надзором в Архангельск.

Шпейер.

Лейтенант Гвардейского штаба Василий Абрамович Шпейер к тайному обществу, якобы, не принадлежал. Даже не знал об его существовании. Он услышал от Дивова, что Гвардейский экипаж и некоторые другие гвардейские полки отказываются присягать Николаю I-му, пока цесаревич не об'явит своей воли. После этих сообщений, сбитый с толку заявлениями, что дело с присягой все сплошной обман, Шпейер заявил, что в таком случае и он не станет присягать. Шпейер ходил искать ротных командиров, чтобы вести солдат на площадь. Когда батальон, слыша оружейные залпы, хотел броситься бежать, Шпейер удержал матросов на площади. Он во все время восстания находился на площади: Шпейеру вменяется в вину еще следующее. После речи великого князя Михаила Павловича унтер-офицер Гвардейского экипажа Хорошилов хотел уйти с площади. Но Шпейер его от этого удержал, внушив, что Хорошилов может быть убит случайной пулей, если пойдет с площади. Шпейер был арестован 15-го декабря 1825 года. По постановлению 13-го июля направлен для службы в Архангельск.

Романов.

Сведения о Романове.—На очной ставке с Рылеевым Романов сознался, хотя сначала отрицал, что еще в июне 1825 года он слышал о тайном обществе в Петербурге. Знал он и об «Южном тайном Обществе». Рылеев имен ему не называл, обещав ему это сделать, когда Романов по делам отправится в Киев. Рылеев поручал Романову агитировать за введение в России конституции. Но так как он, Романов, проживал в отпуску в деревне, то поручения Рылеева относительно пропаганды конституционных идей не исполнил. Кроме Рылеева, знал о принадлежности Романова к Обществу Николай Бестужев. В этом месте есть некоторая неясность, так как из предшествующего не вытекала принадлежность Романова к «Тайному Обществу», а только то, что он об Обществе знал. Впоследствии Романов показал себя, как примерный офицер. Судя по переписке разных начальствующих лиц, он проявил отличную храбрость в делах против турок у Анапы. Он руководил наводкой мостов под орудийным огнем; часто находился в первой линии под ружейным огнем. Кроме отличия в боевых делах, Романов показал свою служебную исполнительность во время исполнения порученных ему топографических работ. Принимая во внимание выдающиеся служебные заслуги Романова, по приказанию Николая I-го, с него в 1828 году было снято секретное наблюдение и ежемесячные донесения, а сам он награжден чином капитан-лейтенанта.

От 24-го 1829 года имеется переписка, из которой видно, что Шпейеру в отпуске отказано, как принимавшему серьезное участие в происшествии 14-го декабря. Из бумаг видно, что Шпейеру настолько продолжали оказывать недоверие, что его запрещалось отправлять по делам службы в море. Иванчин-Писарева в отпуск было разрешено отпустить. В мае 1831 года, по благоприятным отзывам главного командира Архангельского порта, было приказано освободить Иванчин-Писарева от надзора и перевести его в экипажи, предназначенные для зимовки в Свеаборгской крепости.

На этом кончаются следы упоминаний о моряках-декабристах в морских архивах.

Дадим только еще описание нескольких незначительных дел, важных для нас по своим упоминаниям о декабристах. Они тоже интересны примерами «заботливости» и злопамятства Николая I-го в отношении декабристов.

Дело № 374. Начато 15-го марта 1830 года. Кончено 27 марта 1830 года. О несоизволении государя императора производства капитана-лейтенанта Романова в следующий чин.

Существо дела состоит в том, что главнокомандующий граф Дибич-Забалканский, в числе прочих отличившихся офицеров,

представил к награждению капитан-лейтенанта Романова. Начальник Морского штаба светлейший князь Меньшиков сообщает Дибичу, что Николай I-ый при докладе ему о представленных к наградам офицерах, отличившихся в кампании против турок, *вспомнил*, что капитан-лейтенант Романов имел прикосновение к происшествию 14-го декабря. Поэтому Николай I-ый нашел, что Романов и без того уже достаточно получил наград за свои боевые отличия, а именно: он был произведен в свое время из лейтенантов в капитан-лейтенанты, награжден золотой саблей, орденом Анны 2-й степени. Поэтому Николай I-ый приказал капитан-лейтенанта Романова в капитаны 2-го ранга не производить. В этом же деле содержится описание данных командиру гребной флотилии 40-го флотского экипажа капитан-лейтенанту Романову боевых поручений. Первое представление к награде за отличие в делах против турок было сделано 20-го октября 1829 года.

В деле № 922 за 1831 год имеется большая переписка о перевозке арестанта Вильгельма Кюхельбекера из Ревеля в Свеаборгскую крепость. Дело началось с того, что военный министр сообщил инженерному департаменту распоряжения Николая I-го о перевозке арестанта Кюхельбекера из Ревеля в Свеаборг. Вся суть длинной переписки состоит в том, что Николай I-ый по каким-то причинам пожелал направить Кюхельбекера в Свеаборгскую крепостную арестантскую роту, вследствие чего сухопутное и морское военное начальство переписываются друг с другом, как это лучше сделать.

Два больших дела посвящены принесенному цесаревичу Константину Павловичу клятвенному обещанию, как императору. Дело в том, что 19-го ноября умер Александр I-ый. Так как законным наследником после смерти Александра I-го являлся старший после него брат его Константин Павлович и так как документы о воле Александра I-го и об отречении от престола Константина Павловича не были решительно никому известны, то все государственные учреждения, все состоящие на государственной службе, вся армия и флот и все остальное население присягали Константину Павловичу. Дело началось с постановления Сената, который первый присягнул Константину Павловичу и дал в этом духе распоряжения всем государственным департаментам, расположенным в Петербурге. В силу этого распоряжения Сената, 27-го ноября в 7-м часу вечера в присутствии адмиралтейского департамента была принесена присяга Константину Павловичу. Текст соответственного клятвенного обещания был представлен начальнику Морского штаба. Вслед затем стали присылать росписки в клятвенном обещании директор Морской типографии, начальник Морского училища и потом начальники прочих учреждений Морского Ведомства.

Между тем раз'яснилось истинное положение вещей.

12-го декабря Николай I-й выпустил манифест, в котором об'являет о своем вступлении на престол, в виду отказа Констан-

тина Павловича от престолонаследования. В силу этого манифеста делаются пространные распоряжения по Морскому Ведомству о новой присяге на имя Николая I-го. В делах имеется множество документов о принесении новой присяги чинами Морского Ведомства.

В этом деле и еще в одном, помимо вопроса о присяге, имеется множество официальных документов о церемониале перевезения тела Александра I-го из Таганрога и о погребении в Петербурге. Имеются печатные тексты церемониала за подписью главного придворного церемониймейстера князя Куракина. Имеются, кроме того, распоряжения о погребении и о трауре по скончавшейся императрице Елизавете Алексеевне.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Переписка и «Список нижних чинов Гвардейского экипажа, принимавших участие в происшествии 14-го декабря, выбывших из строя».

Д. 127 стр. 735—748.

Командиру Гвардейского экипажа господину капитану 1-го ранга и кавалеру Качалову.

Вследствие повеления г-на командующего корпусом, из'явленного мне в предписании Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича за № 1450, предписываю Вашему Высокоблагородию, тех нижних чинов, принадлежащих вверенному вам экипажу, кои по случившемуся 14-го числа текущего декабря происшествию, оказались виновными и ныне при экипаже не состоят, выключить из списочного состояния и в последствии доставить ко мне именные списки в 3-х экземплярах.

Подп. Командующий бригадою генерал-адьютант *Шипов.*

К исполнению.

№ 1467.
24 декабря 1825 года.
Санкт-Петербург.

Выключены из списка экипажа 88 человек декабря 27 дня.

Стр. 414—об 28—XII—25.
№ 1637.

Рапорт Генерал-Ад'ютанту и Кавалеру Шипову.

По предписанию Вашего Превосходительства, последовавшему мне от числа текущего м-ца за № 1467, не состоящие после случившегося 14 числа происшествия нижние чины, принадлежащие к Гвардейскому Экипажу, 88 чел. 27 числа исключены, о которых Вашему Превосходительству имею честь представить в 2-х экземплярах именные списки, при чем доношу, что из числа сих служителей, находящихся в крепости, отправлено от экипажа невыслужившихся срока шинелей с медными пуговицами об отобрании коих и доставлении в экипаж прошу Ваше Превосходительство с кем следует сделать Ваше сношение. Список имеется в приказах 27 числа сего м-ца.

28—XII. № 1638.

Рапортом Н-ку Мор. Штаба Моллеру 2 донесение об исключении 88 чел. н. ч. из списков экипажа.

Д. 128, стр. 399—об.
Гвард. Эк. 1825.
1582 17—XII—25.

СПИСОК

нижних чинов Гвардейского экипажа, принимавших участие в происшествии 14/XII, выбывших из строя.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
		1 рота.			
1	Боцманмат.	**Тиханов**, Яков Егоров.	1805	—	Исключен 27 декабря 1825 г.
2	Матр. 1 ст.	**Железняков**, Гаврил Тимоф.	1813	1823	Исключен по происш. 14/XII.
3	Матр. 2 ст.	**Зайцев**, Иван Дмитр	1811	—	Исключен 27 декабря, ранен картечью в правое плечо.
4	» »	**Суровой**, Федор Семенов.	1812	—	Тоже, контузия от картечи в щеку.

В приложениях мы помещаем биографические сведения и некоторые документы, проливающие свет на участие моряков в событиях 14 декабря. Флотские архивные источники так скупы на малейшее упоминание о декабристах, что приходится ценить всякий приказный намек.

Например, из переписки о арестованных, о помещенных в госпиталь, о количестве отнятой амуниции можно с известным приближением судить об участниках, отчасти об их количестве.

По ежедневным рапортам после 14 декабря в дежурство Гвардейского корпуса можно судить об уверенности и о «спокойствии духа» победителей-палачей.

Поэтому, как ни сухи источники, мы решили извлечь некоторые намеки из колоссальных фолиантов служебной переписки командира и канцелярии Гвардейского экипажа.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
5	Матр. 2 ст.	**Екимов,** Иван Еким.	1814	—	Исключен 27 декабря. В крепости.
6	» »	**Шишманов,** Никол. Корнеев.	1816	—	Тоже
7	» »	**Орлов,** Николай Иван.	1817	—	Тоже.
		2 р о т а.			
8	Матр. 1 ст.	**Архипов,** Петр. Архипов.	1806	1814	Исключен 27/XII. Убит.
9	» »	**Мелентьев,** Иван Филиппов.	1815	1818	Исключен 27/XII. В крепости.
10	Матр. 2 ст.	**Анатуин,** Иоган Алексеев.	1809	1819	Умер в Финлян. лаз. 26 дек. Ранен картечью в грудь навылет.
11	» »	**Стефансон,** Пауль Стефан.	1810	1814	Исключен 27/XII. Пропал без вести.
12	» »	**Тулапин,** Петр Степанов.	—	—	Умер в Финлян. лаз. 24/XII. Простреленв грудь картечью навылет.
13	» »	**Шабанов,** Иван Григорьев.	1814	—	Исключен 27/XII. Пропал без вести.
14	» »	**Григорьев,** Василий Григор.	1816	—	Исключен 27/XII. Пропал без вести.
15	» »	**Королев,** Федор. Иванов.	1816	1818	Исключен 27/XII. Ранен. В крепости.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
16	Матр. 2 ст.	**Пегов**, Федор Конст.	1816	—	Исключен 27/XII. Ранен картечью в живот навылет.
17	» »	**Кириллов**, Василий Кирилл.	1818	1822	Исключен 27/XII. Ранен картечью ниже правого колена.
18	» »	**Яковлев**, Иван Яковлевич	1819	1821	Исключен 27/XII. Пропал без вести.
19	» »	**Антонов**, Николай Михайлов.	1820	1825	Исключен 27/XII. Пропал без вести.
20	» »	**Колалов**, Осип Конов.	1821	1825	Исключен 27/XII. Ранен картечью в ляжку навылет.
21	» »	**Ерыгин**, Петр Егоров.	1821	1825	Исключен 27/XII. Ранен картечью в левое плечо и контузия в голову.
		3 р о т а.			
22	Квартирмейстер.	**Соколов**, Федор Павлович	1814	1821	Исключен 27/XII. В крепости.
23	Матр. 1 ст.	**Дуров**, Трифон Сем.	1812	—	Исключен 27/XII. В крепости.
24	Матр. 2 ст.	**Новиков**, Василий Максимов.	1816	—	Исключен 27/XII. В крепости.
25	» »	**Васильев**, Иван Васильев.	1816	—	Исключен 27/XII. Пропал без вести. Имеет медаль в память 1812 г.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
26	Матр. 2 ст.	**Румянцев**, Петр Григорьев.	1817	—	Исключен 27/XII. В крепости.
27	» »	**Степанов**, Федот Степанов.	1821	1825	Тоже.
		4 рота.			
28	Матр. 1 ст.	**Максимов**, Андрей Максимов.	1806	1814	Исключен 27/XII. В крепости.
29	Матр. 2 ст.	**Никитин**, Моисей Никитич	1806	—	Исключен 27/XII. В крепости.
30	» »	**Шелыганов**, Иван Андреев.	1814	—	Исключен 27/XII. В крепости.
31	» »	**Леонтьев**, Федор Леонтьев.	1816	—	Тоже.
32	» »	**Крюков**, Марк Иванович	1816	—	Тоже. Ранен картечью в кисть левой руки.
33	» »	**Кукин**, Ларион Петр.	1819	1825	Тоже.
34	Цирульник.	**Петров**, Федосей Петр.	1821	1825	Тоже.
		5 рота.			
35	Квартирмейстер.	**Аксенов**, Прокофий Аксенов.	1806	1820	Пропал без вести.
36	Матр. 1 ст.	**Трунов**, Никифор Еремеев.	1810	1812	Исключен 27/XII. Ранен картечью. Контузия в верхн. челюсть.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
37	Матр. 1 ст.	**Глотов,** Павел Ануфриев	1811	1820	Пропал без вести.
38	» »	**Соколов,** Кирьян Васильев	1819	—	Исключен 27/XII. Ранен картечью в грудь навылет.
39	Матр. 2 ст.	**Курочкин,** Аввакум Леонтьев.	1812	1821	Исключен 27/XII. В крепости.
40	» »	**Голубков,** Владимир Михайлов.	1816	—	Пропал без вести.
41	» »	**Шепырев,** Андрей Михайл.	1816	—	Исключен 27/XII. В крепости.
42	» »	**Морозов,** Анцыфор Яковл.	1817	—	Пропал без вести. Исключен 27/XII.
43	» »	**Иванов,** Василий Иванович.	1817	1822	Исключен 27/XII.
44	» »	**Агарков,** Акентий Андреев.	1818	—	Исключен 27/XII. В крепости.
45	» »	**Петряшев,** Андрей Савин.	1818	1824	Исключен 27/XII.
46	» »	**Молодцев,** Петр Борисов.	1820	—	Тоже.
47	» »	**Федоров,** Никита . .	1820	—	Тоже.
48	» »	**Волков,** Родион Лаврентьев.	1821	1825	Исключен 27/XII. Ранен. Контузия в правое плечо.
49	» »	**Иванов,** Макар Иванович.	1821	1825	Исключен 27/XII. В крепости.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
50	Матр. 2 ст.	**Захаров,** Тимофей Захаров.	1821	1825	Исключен 27/XII. Ранен картечью в щеку. Повреждены челюсти.
		6 р о т а.			
51	Матр. 1 ст.	**Чернявин,** Лука Симонов.	1811	—	Исключен 27/XII. В крепости. Имеет медаль в память 1812 г.
52	» »	**Зеленин,** Егор Васильев.	1813	1824	Тоже.
53	Матр. 2 ст.	**Елизаров,** Федор Елизаров.	1811	—	Тоже.
54	» »	**Валов,** Лаврен. Петр.	1814	—	Тоже.
55	» »	**Хватов.** Иван Федотовнч	1816	—	Исключен 27/XII. Ранен. (Подавлена грудь лошадью. Выздоровел 14/I).—Отправлен в крепость.
56	» »	**Гладкой,** Владимир Дмитриев.	1818	1822	Исключен 27/XII. В крепости.
57	» »	**Майоров,** Андрей Егоров.	1819	1822	Тоже.
		7 р о т а.			
58	Матр. 2 ст.	**Щеголев,** Трифон Васильев.	1813	—	Исключен 27 /XII. В крепости.
59	» »	**Богданов,** Осип Васильев.	1813	—	Исключен 27/XII. Пропал без вести.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
60	Матр. 2 ст.	**Осокин**, Дмитрий Иванович.	1814	—	Исключен 27/XII. В крепости.
61	» »	**Клементьев**, Иван Григорьев.	1814	—	Тоже.
62	» »	**Малафеев**, Николай Малафеев.	1816	—	Исключен 27/XII. Убит.
63	» »	**Шукаев**, Андрей Кириллов.	1816	—	Исключен 27/XII. В крепости.
64	» »	**Шеблешов**, Иван Федорович.	1817	—	Тоже.
65	Матр. 2 ст.	**Анисимов**, Миней. .	1817	1822	Тоже.
66	» »	**Федоров**, Иван Федорович.	1819	1825	Исключен 27/XII. Убит.
67	» »	**Юрьев**, Петр Юрьев.	1821	1825	Исключен 27/XII. В крепости.
		8 р о т а.			
68	Флейтщик.	**Андреев**, Федор . . .	1820	—	Убит.
69	Квартирмейстер.	**Кошкашенов**, Афанасий Иван.	1813	—	Исключен 27/XII. В крепости.
70	Матр. 1 ст.	**Куроптев**, Алексей Федоров	1810	—	Исключен 27/XII. В крепости.
71	Матр. 2 ст.	**Величков**, Павел Борисов.	1813	—	Исключен 27/XII. В крепости.
72	» »	**Мечев**, Федор Терентьев.	1813	—	Тоже.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
73	Матр. 2 ст.	**Реутов**, Николай Никитич	1814	1825	Исключен 27/XII. В крепости.
74	» »	**Поносенков**, Иван Афанасьев.	1816	—	Тоже.
75	» »	**Калмыков**, Василий Иванов.	1817	—	Тоже.
76	» »	**Дмитриев**, Леонтий Дмитриев.	1817	—	Тоже.
77	» »	**Соколов**, Трифон Степанов.	1817	1825	Тоже.
78	» »	**Волков**, Федор Петрович	1820	1825	Тоже.
79	» »	**Чашин**, Иван Никит.	1820	1825	Тоже.
80	» »	**Александров**, Андр. Александрович.	—	1825	Тоже.
		Артиллерийская команда.			
81	Средн. унт.-офицер.	**Иванов**, Логин Иванович	1806	—	Исключен 27/XII. В крепости.
82	Мл. унт.-оф.	**Афанасьев**, Савелий Федоров.	1815	—	Исключен 27/XII.
83	Бомбардир.	**Овечкин**, Никифор Федоров.	1813	—	Исключен 27/XII. Пропал без вести.
84	»	**Каменской**, Степан Ефим.	1813	—	Тоже.
85	»	**Черняков**, Иван Герасим.	1814	—	Тоже.

№№ по порядку.	Звание.	Имя, фамилия.	Срок службы.	С какого года в Гвардии.	Примечание.
86	Канонир 1 ст.	**Капустин,** Василий Лесntьев.	1812	1895	Исключен 27/XII. В крепости.
87	»	**Зайцев,** Сидор Гаврилович	1816	1826	Исключен 27/XII. Ранен картечью в грудь, отнята правая рука.
88	Канонир 2 ст.	**Иванов,** Николай Иванович	1814	—	Исключен 27/XII. Ранен картечью в грудь и в руку в двух местах навылет.
89	»	**Кулаков,** Василий Алексеев.	1815	—	Тоже.
90	»	**Крылов,** Макар Ерм.	1820	1825	Тоже. Контузия в левый висок картечью.

Военная по флоту канцелярия. № 1215. О раненых 14-го декабря нижних чинах и другого звания, поступивших в госпиталь.

Это дело начинается безграмотно написанным рапортом адмиралтейской госпитальной конторы от 16 декабря 1825 года на имя начальника Морского штаба Моллера 2-го. Контора сообщает, что дежурный доктор Спасский донес о поступлении в морской госпиталь 5-ти раненых. Все пять имеют раны, нанесенные огнестрельным оружием: 4-го ластового экипажа писарь Дмитрий Никитин имеет огнестрельную проходную рану в левое плечо; 4-го ластового экипажа матрос Федор Хмельков—огнестрельную рану выше правой голени; 3-го отделения столярный юнга Константин Баусов—огнестрельную поверхностную рану. Перечисленные раненые «благонадежны к выздоровлению». Одновременно с перечисленными доставлены раненые: мещанин Петр Патрашкин, крестьянин Пушкина, Еким Тихонов. Последний к «выздоровлению неблагонадежный».

16-го декабря. Генерал штаб-доктор Морского ведомства Яков Лейтон доносит Моллеру 2-му, что в лазарете полкового двора имеются раненые во время события 14 декабря. Из них 3 принадлежат Морскому ведомству. Они освидетельствованы генерал штаб-доктором Лейтоном совместно с доктором Гибсом и отправлены в адмиралтейский госпиталь.

19-го декабря 1825 года на имя Николая I-го доносит директор кораблестроения: «Парусник 3-го класса команды здешнего адмиралтейства Иван Федосеев по собственным надобностям отпросился в 1-м часу дня, чтобы отправиться в рынок. Когда он возвращался с рынка в 4-м часу дня, он был ранен на Исаакиевской площади. Несмотря на ранение, Федосеев имел силы добраться до Адмиралтейства. Получил две раны: одну в левое плечо, другую в ляшку. Он был отправлен немедленно в госпиталь, где на 2-й день после полученных ран, в 9-м ч. утра 15 декабря умер».

Того же *19-го декабря* имеется рапорт на имя начальника Морского штаба госпитальной конторы. Последняя доносит, согласно рапорту дежурного медико-хирурга Фигурина, что скончался Иван Федосеев в 10 час. утра 15 декабря.

От 17-го декабря 1825 г. все о том же Иване Федосееве имеется донесение флотского генерал штаб-доктора. При этом донесении имеется список раненых, состоящих в лазарете нового полкового двора, что на Галерной улице. В этом списке помечены раненые, принадлежащие к Морскому ведомству Гвардейского экипажа: Иоган Анатунн, 1-го ластового экипажа матрос Федор Хмельков, столярный юнга Гаусев, парусник Иван Федосеев, 4-го ластового экипажа Дмитрий Никитин.

28 декабря 1825 года госпитальная контора Адмиралтейства доносит Моллеру 2-му о смерти раненого мещанина Патрашкина.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Переписка о раненых в день 14 декабря 1825 г., без вести пропавших, арестованных матросах.

Копия.

Д. № 127, стр. 693—706.

ЛАЗАРЕТ
Лейб-Гвардии
Финляндского полка.

15 декабря 1825 г.

№ 2202-й.

С.-Петербург.

В Гвардейский экипаж.

Согласно отношения оного экипажа, лазарет уведомляет, что 3-й роты Федор Соколов в лазарете не состоит, что же касается до рядового 2 ранга Федора Пегова, то он привезен рядовым оного же экипажа без билета, который взят был близь губернских присутственных мест, а Юган Анатунин и Осип Кононов привезены из дежурства Гвардейского корпуса, которые и показаны во вчерашнем рапорте *в числе 42-х человек*, вещи же на них состоят на Анатунине: мундир с шароварами, рубаха, подштанники, сапоги, галстук и одна рукавица; на Пегове мундир с шароварами, рубаха, подштанники, сапоги и галстук, и на Кононове кивер, мундир с шароварами, сума с перевезью, рубаха, подштанники, сапоги, галстук и одна рукавица.

Подпись: Смотритель 9 класса *Николаев*.

Д. № 127, стр. 698/711.

Квитанция.

Дана сия артиллерийского военного госпиталя от Конторы Гвардейского экипажа 1-й роты в том, что на присланных при билетах в сию гошпиталь для излечения болезни рядовых Ивана Зайцова рубаха, шаровары летние, сапоги, мундир с зимними панталонами; 2-й роты Василия Кирилова рубаха, подштанники и сапоги, Петра Ерыгина сапоги, шаровары зимние, рубаха, подштанники; 5-й роты Родиона Сотова мундир, панталоны, рубаха, подштанники, сапоги, рукавицы, кивер; 6 роты Ивана Хватова кивер, рукавицы, мундир, панталоны зимние, сапоги, рубаха, жилет.

Декабря 15 дня 1825 года (подпись).

Копия.

Д. № 127, стр. 697.

Смотритель
С.-Петербургской
Военно-Сухопутной Гошпитали.
№ 10076.
Декабря 21 дня 1825 г.

В Гвардейский экипаж.

На отношение оного экипажа за № 1500 сим уведомляю, что рядовые Николай Шешманов и Марка Крюков поступили в сию гошпиталь 16-го декабря С-т Петербургской крепости от плац-майора Подушкина — вещи на каждом состоят: мундир, панталоны, рубаха, подштанники и сапоги, одержимы оные болезнями первой ушибом яйца, а последний простреленной раною левой руки.

Подписал смотритель *Шишуков.*

Дело 127.
Стр. 706—718.

Ш Т А Б
Гвардейского корпуса
по дежурству.
Отделение 5.
22 декабря 1825 г.
№ 4375.
В С.-Петербурге.

Весьма нужное к исполнению.

Копия.

В Гвардейский экипаж.

Г. Начальник Штаба Гвардейского корпуса приказал с получением сего поспешнее доставить в дежурство Гвардейского корпуса самовернейшую выписку из формулярных списков о нижних чинах Гвардейского экипажа, без вести пропавших во время происшествия 14 декабря, значущих по приложенному при сем именному списку, 1-е—каких они лет и росту, 2-е—какие имеют приметы, 3-е—из какого сословия какой губернии и уезда, 4-е—холосты или женаты, имеют ли детей.

О таковом приказании Его Превосходительство поспешаю уведомить для скорейшего исполнения.

Подписал: Полковник *Зуйков.*

Стр. 706—719.

Без вести пропавшие во время происшествия 14-го декабря.

Гвардейского экипажа.

2-й	роты	рядовые. Пауль Стефансон.
»	»	» Василий Григорьев.
»	»	» Иван Яковлев.
»	»	» Иван Шабанов.
»	»	» Николай Антонов.
3-й	»	» Иван Васильев.
5-й	квартирм.	Прокофий Аксенов.
»	роты	рядовые Анцифер Морозов.
»	»	» Владимир Голубков.
»	»	» Павел Глотов.
7-й	»	» Осип Богданов.

Артиллерийской команды.

Унтер-офиц. Савелий Афанасьев.
Рядовые Никифор Овечкин.
» Степан Каменской.
» Иван Черняков.

Верно: полковник *Зуйков.*

Стр. 747—760.

ШТАБ
Гвардейского корпуса
по Дежурству.
Отделение 4.
28 декабря 1825 г.
№ 4441.
В С.-Петербурге.

В Гвардейский экипаж.

Смотритель лазарета Л.-Г. Финляндского полка Николаев доносит, что рядовой оного экипажа Юган Анатунин, раненый 14-го декабря картечью в грудь на пролет с повреждением правого легкого, 26 числа текущего месяца умер. О чем дежурство Гвардейского корпуса по приказанию Начальника штаба сим Гвардейский экипаж уведомляет.

Подписал Старший ад'ютант
Г. Кутузов-Голенищев.

Копия.

Стр. 755—760.

Командиру Гвардейского экипажа капитану 1-го ранга и кавалеру Качалову.

По Высочайшему повелению, об'явленному мне в предписании Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича за № 1472-м предписываю Вашему Высокоблагородию выключенных людей из командуемого вами экипажа, содержащихся в крепости, причислить для продовольствия к Гвардейскому экипажу и продовольствовать их попрежнему впредь до приказания, отправляя провиант с фурштатом.

Подписал: Командующий бригадою
генерал-ад'ютант *Шипов.*

К исполнению.
№ 1496.
30 декабря 1825 г.
С.-Петербург.

Стр. 758—771.

От Командующего 2-ою сводною ротою, состоящею из нижних чинов Гвардейского морского экипажа и Л.-Г. Московского полка, Л.-Г. Саперного Батальона Поручика Львова.

№ 38.

Декабря 31-го дня 1825 г.

В Канцелярию Гвардейского Морского Экипажа.

Покорнейше прошу оную канцелярию сообщить кому следует, дабы к завтрашнему дню прислана была провизия для нижних чинов оного экипажа, содержащихся под арестом в крепости, ибо доставленная уже издержана, также и хлеб.

Поручик *Львов.*

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

ПЕРЕПИСКА О ПРИСЯГЕ И ДР. РАСПОРЯЖЕНИЯ ПО СТРОЕВОЙ ЧАСТИ.

Копия.

Б. Гл. Мор. Архив.
д. 127, стр. 668.

ЦИРКУЛЯРНО.

Дела Гвард. экипажа 1825 г.

Командиру Гвардейского экипажа, г-ну капитану I ранга и кавалеру Качалову.

Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: г.г. генералам и полковым командирам, по учинении присяги на верность и подданство Его Величеству, отправиться: первым в старшие полки своих дивизий и бригад, вторым к своим полкам.

По принесении знамени и штандартов и по отдании им чести сделать вторично на караул, и старшему притом, или кто из старших внятнее читает, прочесть вслух письмо его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича к Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу и манифест Его Императорского Величества (которые присланы будут); после чего, взяв на плечо, сделать на молитву и привести полки к присяге; тогда, сделав вторично на караул, отпустить знамена и штандарты, а полки распустить. Л.-Гв. Финляндскому полку, вступающему в караул, равно и прочим частям полков, в караул вступающим, вступить по учинении присяги. Старым же караулам исполнить то же по возвращении в казармы. Ежели кто из г.г. Генералов, или Штаб и Обер-офицеров успеет к двум часам быть в Зимний Дворец к Высочайшему выходу, то таковым быть в парадной форме.

Генерал от кавалерии *Воинов.*

(Вторая подпись неразборчива).

№ 1484.
14 декабря 1825 г.
С.-Петербург.

Д. № 127, стр. 670.

ШТАБ
Гвардейского корпуса по дежурству.

Отделение 3.

15 декабря 1825 г.

№ 4278.

В С.-Петербурге.

Нужное.

Командиру Гвардейского экипажа Г-ну капитану I ранга и кавалеру Качалову.

По приказанию Г. Командующего корпусом дежурства, сие препровождаю при сем экземпляр клятвенного обещания в верности и подданстве Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу, просит приказать подписать оное тем г.г. штаб и обер-офицерам [1]), кои сего числа присягали, равномерно и священнику, приводившему к присяге; и потом возвратить лист сей без замедления в сие дежурство, за нижних же чинов должны подписаться ротные командиры.

Исправляющий должность дежурного
штаб-офицера полковник (подпись).

Д. № 127, стр. 673.

Командиру Гвардейского экипажа г-ну капитану I-го ранга и кавалеру Качалову.

Лейтенанта Балкашина.

РАПОРТ.

К сведению.

Во исполнение предписания Вашего Высокоблагородия за № 1574-м оставшиеся при экипаже не приведенные на верность и подданство Его Величества Государя Императора Николая Павловича нижние чины, поименованные у сего в списке, равно и мичман Тыртов, мною сего числа к присяге приведены о чем Вашему Высокоблагородию имею честь донести и представить присяжный лист со списком, засвидетельствованный протоиереем морского собора Сергием Георгиевым.

Подписал лейтенант *Балкашин*.

Декабря 16 дня
1825 г.

---

[1]) 19/XII 25 г. офицеры были назначены: в 1-ю роту мичм. Наумов, во 2-ю—лейт. Фофанов, мичм. фон-Гейзер, 3-ю—лейт. Жадовский, в 4-ю—мичм. Бровцын, Фонтон, 5-ю—лейт. Журихин, в 6-ю—Гребенщиков, в 7-ую—лейт. Пущин 2 и мичм. Муравьев 4, в 8-ю—лейт. Дешаплет. (Д. 128, стр. 398) об.

Копия.

Д. № 127, стр. 689—702.

Исправл. должность Дежурного Генерала.

Относительно увольнения и командирования в Кронштадт.

Декабря 18 дня 1825 г.

№ 1444.

Командиру Гвардейского экипажа г-ну капитану I ранга и кавалеру Качалову.

Господин Начальник Морского Штаба в повелении своем ко мне от сего числа № 77 из'ясняет, что Его Императорское Величество разрешает свободный пропуск приезжающим из С.-Петербурга в Кронштадт, и из Кронштадта в С.-Петербург со строгим наблюдением, чтобы они имели узаконенные билеты; подозрительных же почему либо, не взирая на лицо кто бы они не были и на их пол, задерживать под арестом, обследовать и доносить тотчас же по порядку, не выпуская до разрешения из под ареста, почему и предписывает распорядиться по Морскому Дежурству, дабы на место билетов, каково оное пред'явленне будут от уволенных в Кронштадт, или командируемых туда по надобности службы изготовляемы были во оном другие билеты, для подписания его Г. Начальника Штаба, сделав о сем известным по всем здешним командам. Вследствие чего благоволите Ваше Высокоблагородие приказать по Гвардейскому экипажу, дабы все увольняемые отсюда в Кронштадт и командируемые туда по надобностям службы, пред'являли в Морское Дежурство за подписанием Вашим билеты, для изготовления по оным других, кои подписывать уже будет Г. Начальник Морского Штаба.

Подписал Капитан командир (подпись).

Д. № 127, стр. 694—707.

Командиру Гвардейского экипажа капитану I ранга и кавалеру Качалову.

С Высочайшего соизволения Его Императорского Величества позволяется ныне отлучаться от своих мест гг-м штаб и обер-офицерам из войск в столице расположенных, с тем однако, чтобы в каждом батальоне оставался один штаб-офицер, 2 ротных командира и 6-ть обер-офицеров, т.-е. по 2 офицера в роте, к вечерней же заре всем г.г. штаб и обер-офицерам непременно быть на своих местах.

Нижних чинов разрешается отпускать по надобности со двора но не иначе как людей отличного поведения, коим быть одетой в полной форме.

О каковой Высочайшей воле Ваше Высокоблагородие сим уведомляю.

Подписал Командующий бригадою
генерал-ад'ютант *Шипов*.

Об'явлено в приказе 21 декабря.

№ 1451.
21-го декабря 1825 г.
С.-Петербург.

Копия.

Д. № 127, стр. 669.

Командиру Гвардейского экипажа г-ну капитану I-го ранга и кавалеру Качалову.

По воле Г. Начальника морского Штаба Его Императорского Величества, назначенных в Гвардейский экипаж вместо арестованных офицеров, из 8-го флотского экипажа лейтенантов: Жадовского, Фофанова 3-го, мичманов: Фонтона, Наумова, фон-Гейзера и 15-го экипажа лейтенантов: Журихина, Дешаплета, Пущина 2-го, мичманов: Бровцына 2-го, Гребенщикова 2-го и Муравьева 4-го, для употребления на службу по вверенному Вашему Высокоблагородию экипажу препровождаю.

Исправляющий должность флотского в С.-Петербурге
Начальника контр-адмирал (подпись).

№ 1251.

Декабря 15 дня 1825 г.

Размещены по приказу командира экипажа 15 числа и донесено по бригаде командиру 16 декабря.

Из Гвардейского экипажа.

Отношение в Дежурство Гвардейского корпуса.

На предписание дежурствам Гвардейского корпуса за № 5219 честь имею уведомить, что в течение прошедшей ночи вверенного мне экипажа, нового ничего не случилось, явившихся же в экипаж по известным происшествиям ничего не было.

Стр. 403.
20/XII—№ 1597.

Отношение в Дежурство Гвардейского Корпуса.

Дежурство сие честь имею уведомить, что в течение прошедшей ночи в Вереннном мне Гвардейском экипаже нового ничего не случилось; явились к экипажу из числа пропавших без вести, по известному происшествию, унтер-офицеры Василий Харашпилов и Семен Касьянин, взятые по приказанию Командующего 2-ю Гвардейскою пехотною бригадою Генерал-Ад'ютанта Шипова, капитан-лейтенантом Лермантовым, лейб-гвардии из Семеновского полка, первой со своею аммуницией и принадлежностью, а последний без ружья.

Стр. 404. 21/XII—1825 г.
№ 1602.

В Дежурство Гвардейского Корпуса.

Дежурство уведомляет, что в течение происшедшей ночи в экипаже нового ничего не случилось и явившихся не было.

Стр. 406/об. 23/XII—1825 г.
№ 1611.

Отношение в Дежурство Гвардейского Корпуса.

Дежурство Гвардейского Корпуса имею честь уведомить, что в течение происшедшей ночи вверенного мне экипажа нового не случилось, явившихся по известному происшествию никого не было.

Стр. 408/об 25/XII. № 1621.

То же.

Стр. 409 26/XII. № 1623.

То же.

27/XII. № 1626.

То же.

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

ПЕРЕПИСКА ОБ ОТОБРАННОМ ОРУЖИИ.

Дело № 127. Стр. 721—734.

Командиру Гвардейского экипажа господину капитану 1-го ранга и кавалеру Качалову.

По содержанию препровождаемой при сем ведомости об аммуниции, оставленной нижними чинами во время известного происшествия, вследствие повеления Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича предписываю Вашему Высокоблагородию командировать приемщика в означенные по ведомости места для получения вещей, принадлежащих командуемому Вами экипажу и по исполнении сего донести мне.

Подписал Командующий бригадою Генерал-ад'ютант *Шипов*.

К исполнению.

О принятии аммуниции предписано комиссару Ширяеву 24 декабря.

№ 1460.

23 декабря 1825 года.

Санкт Петербург.

Копия.

Д. № 127, стр. 719—732.

Командиру Гвардейского Экипажа Господину Капитану 1-го ранга и кавалеру Качалову.

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович повелением за № 1445 меня уведомляет, что из здешнего ордонанж-гауза присланы в Штаб Гвардейского корпуса оружейный и аммуничный вещи и боевые патроны в прилагаемой при сем ведомости значущиеся доставленные из разных мест после случившегося 14-го числа сего месяца происшествия.

Извещая о сем Ваше высокоблагородие предписываю для принятия оных вещей командировать в Гвардейский Штаб приемщика.

Подписал Командующий бригадою генерал-ад'ютант *Шипов*.

К исполнению.

О принятии аммуниции предложено комиссару Шпряеву 24 декабря.

№ 1462.
23 декабря 1825 г.
Санкт Петербург.

Стр. 720—733. *Копия с копии.*

ВЕДОМОСТЬ

вещам представленным из разных мест.

Декабря 24 дня 1825 г.

Месяц и число.	Откуда именно получено.	Ружей.	Тесаков.	С у м.	Боевых патрон.	Кивер	Портупей.	Султанов.	Краг с пуговиц.	Темляков солдат.	Денщик. шинел.
Декабрь 15	От караула нового адмиралтейства	2	2	2	17	—	—	—	—	—	—
» 16	От капитана над Главным Гребным портом Токмачева.	10	11	10	53	—	—	—	—	—	—
» 17	От караула Петровской площади	6	3	3	—	—	—	—	—	—	—
» 18	С Главной Гауптвахты . .	3	7	7	20	1	8	4	1	5	1
	С оной же Гауптвахты .	—	—	—	17	—	—	—	—	—	—
	Итого	21	23	22	107	1	8	4	1	5	1

Сверх того препровождается барабан один и барабанная палка одна.

Подлинную подписал полковник *Звенигородский.*

Верно: Бригадный ад'ютант штабс-капитан *Лахматов.*

Д. № 128 Гв. Эк. 1825 г. 25/XII—1825 г.
стр. 409. № 1628.

Предписание Комиссару Ширяеву от К-ра Гвард. Экипажа.

Вследствие предписания Командующего 2-ю Гвардейскою Пехотною бригадою Г. Генерал-Ад'ютанта и кавалера Шипова за № 1460 и 1462 принадлежащую аммуницию Гвардейскому Экипажу оставленную нижними чинами во время известного происшествия предписываю вам из означенных мест в прилагаемой у сего ведомости принять и по исполнению сего мне донести.

Ведомость.

Оставлено нижними чинами в происшествии 14-го числа декабря (1825 г.).	Ружей с приборами.	Тесаков.	Штыков.	Портупей.	Перевязей к сумкам.	Песочных [1]) ножен.	Штыковых ножен	Киверов.
Экипажа	92	4	—	76	76	4	92	75
Артилл. команды	—	11	—	6	6	11	—	6
Из того числа найдено и назначается принять:								
Из Штаба Гвардейск. корпуса	Где сколько окажется принадлежащих экипажу.							
» полков Л. Г. Павловского								
Кавалергардского								
Конного								
Конно-пионерского Эскадрона								
Семеновского								

[1]) Повидимому, тесачных.

Стр. 722—735. *Копия с копии.*

Ведомость

о числе оружия и аммуниции, отобранной и найденной полками 14-го, 15-го и 16-го декабря.

Какими полками отобрана аммуниция.	Ружей с приборами.	Тесаков.	Штыков.	Портупей.	Перевяз. с сумками.	Сигн. рожков.	Тесачн. ножен.	Штыков ножен.	Барабан с перевязью.	
По уведомлению Генерал-ад'ютанта Бенкендорфа оказалось в с'езжем дворе Васильевск. части.	139	162	—	—	162	1	—	—	1	Приказано принять Л.-Г. Московскому полку.
Л. Г. Семеновским полком, принадлежащие Л. Г. Московскому полку . . .	5	6	—	155	156	—	148	—	—	
Гвардейскому экипажу	45	—	4	2	45	—	2	35	—	
Л. Г. Измайловск. полком принадлежащие Московск. и Гренадерск. полкам без различия . .	155	146	—	—	—	2	—	—	—	Сданы все Л. Г. Московскому полку, а рожки находятся в Измайловском полку.
Л. Г. Московским полком отобрано у арестованных на Петровской площади принадлежащ. Л. Г. Гренадерскому полку . .	55	—	—	—	—	—	—	—	—	
Павловским полком без означения каким полкам принадлежит	39	38	—	—	1	—	—	—	1	Сверх того сдано в полицию 14-го числа 80 ружей и 80 тесаков.

Какими полками отобрана аммуниция.	Ружей с приборами.	Тесаков.	Штыков.	Портупей.	Перевяз. с сумками.	Сигн. рожков.	Тесачн. ножен.	Штыков ножев.	Барабан с перевязью.
Кавалергардским полком	10	—	—	—	—	—	—	—	—
Конным	11	—	—	—	—	—	—	—	—
Конно-пионерным дивизионом	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого. . . .	462	352	4	157	364	3	150	35	2

С подлинным верно бригадный ад'ютант
штабс-капитан *Лахматов.*

Стр. 741—754. *Копия.*

Командиру Гвардейского экипажа капитану 1-го ранга и кавалеру Качалову.

Препровождая при сем Вашему Высокоблагородию регистр ружьям, аммуничным и прочим вещам, собранным полициею после происшествия случившегося 14-го числа сего месяца и ныне хранящимся при оной, вследствие повеления Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича предписываю учинить зависящее с Вашей стороны распоряжение оных в командуемой вами экипаж.

Об отпуске же сих ружей и вещей под росписку приемщика, который от вас прислан будет, Начальник Штаба Гвардейского корпуса Г-н генерал-ад'ютант Нейгардт отнесся к исправляющему должность здешнего Г-на Военного генерал-губернатора генерал ад'ютанту Голенищеву-Кутузову.

Подп. Командующий бригадою генерал-ад'ютант *Шипов.*

К исполнению Ширяева.

№ 1481.
28 декабря.
Санкт Петербург.

О принятии оружия и вещей предписано комиссару Ширяеву.

Копия.

Д. № 127, стр. 742—755.

Регистр, собранным полициею после происшествия случившегося 14-го декабря аммуничным и другим вещам, принадлежащим нижним воинским чинам.

Ружей	225
в том числе заряженных	38
Сум патронных с перевезями	162
Да особо сум	13
Из них в одной боевых патрон	8
Тесаков с перевезями	162
» с ножнами	8
» без ножен	76
Киверов с прибором кроме репейков и одного без чешуи	10
Черных солтанов	3
Мундиров	8
Брюки	1
Шинель	1
Барабан	1
» турецкий	1
Труба горнистская	1

Подлинный подписал полковник *Звенигородский.*

Верно: бригадный ад'ютант штаба капитан *Лахматов.*

Д. № 127, стр. 691—704.

Морское Дежурство.
С препровождением кивера и сумы.
Декабря 19 дня 1825 г.
№ 1470.

Командиру Гвардейского экипажа г-ну капитану I ранга и кавалеру Качалову.

Исправляющий должность флотского здесь Начальника г. Контр-адмирал Мачаков от 18 сего декабря № 1259 сообщил Г. исправляющему должность дежурного генерала, что в занимаемых 15 флотским экипажем на полковом дворе в казармах найдены брошенными во оных 14 числа сего месяца в разбитые окна принадлежащие Гвардейскому экипажу: кивер с кутасами 1 и сума с перевезью 1, — почему он те вещи по доставлении их из 15-го флотского экипажа, Морское Дежурство препровождает при сем по принадлежности к вам, и просит о получении сих вещей уведомить.

Подписал Дежурный штаб-офицер *Балашов*.

Оглавление.

Стран.

Моряки-революционеры 1825—1925 5

Лучшие из своего класса 11

Тайные революционные общества 1816—1825. 17

Работа среди моряков 29

Накануне выступления 33

14 декабря 37

В казармах . . . . . —

На Сенатской площади 39

Военная реляция усмирителей 42

14 декабря и моряки 45

Декабристы сами о себе и о 14 декабря . . 49

14 декабря 1825 г. (Из «Записок» Н. Бестужева) . . . . —

Из «Воспоминаний» Михаила Бестужева 51

Из «Записок» И. И. Пущина 55

Завалишин о моряках-декабристах 56

Выдержки из «Записок» Михаила Бестужева—«Разбиты наголову» 57

Расправа над декабристами. Сыск, розыски, «суд» и казнь. *(Обзор архивных материалов)* . 60

Моряки-декабристы по архивным материалам . . . . . —

Экзекуция на корабле «Князь Владимир». Шканечный журнал 67

Чиновническая переписка о людях высокого подвига . . 68

Николай I опасливо «заботится» о моряках-декабристах 71

Следят за каждым шагом 74

Красный флот чтит память моряков-декабристов 78

Приложения.

Стран.

I. Биографические сведения о моряках-декабристах 81

II. Переписка и «Список нижних чинов Гвардейского экипажа, принимавших участие в происшествии 14 декабря, выбывших из строя» 111

III. Переписка о раненых в день 14 декабря 1825 г., без вести пропавших, арестованных матросах 124

IV. Переписка о присяге и др. распоряжения по строевой части . 129

V. Переписка об отобранном оружии 134

РЕД.-ИЗД. ОТДЕЛ В.-М. СИЛ Р.-К. КР. ФЛОТА

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

	р.	к.
Багрин-Каменский. Полный свод технических условий, принятых во флоте	5	—
Белецкий. Подводная лодка	—	85
Валь. Ленин во всем	—	65
Виноградов. Флот в революц. движении. Изд. 2-е	—	60
Говорухин. - Измерение изоляции аккумуляторных батарей и нахождение заземлений	2	—
Дрезен.—Вы жертвою пали в борьбе роковой	—	8
Егоров. Наши соседи. Изд. 2-е.	—	65
Жербо. В одиночестве через Атлантический океан	—	45
Жерве. Значение морской силы для государства. Изд. 3-е	—	75
Заикин. Огонь над морем	—	35
Зоф, В. Из истории флота прошлого и настоящего. Изд. 2-е	—	20
Лукашевич. Краткий словарь морских выражений. Изд. 2-е	—	30
Поморцев. Пират-невидимка. Роман	—	35
Славинский, К. Торговый и военный флоты—союзники.	—	50
Советов. Погода и ее предсказания	—	55
Таблицы для перевода русских мер в метрические и обратно	—	20
Трайнин. Заблокирование Зеебрюгге	—	70
Фролов. Курс электротехники. Ч. I, изд. 5-е	2	25
Холодняк. Аврора. Боевое и революционное прошлое крейсера «Аврора»	—	80
Холодняк. Так выростает новое племя	—	65
Шведе. Военные флоты. 1925 год	2	50
Шведе. Ютландский бой	3	—
Яновский. Морские паровые турбины	4	30

Ежемесячные военно-морские журналы:

1. «Красный Флот»—популярно-политический, 4-й год издания.
2. «Морской Сборник»—научный, 78-й год издания.

Цена каждого журнала:

На год . . . . . **15** р.
» полгода . . . . . **8** »

С требованиями обращаться в Книжный Склад Редиздата в.-м. с. Р. К. К. Ф., Ленинград, Гл. Адмиралтейство.

На запросы Склад отвечает при приложении почтовой марки.

16559

Цена 85 коп.